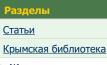
ИСЛАМ

Скачать

КРЫМ

МЕДИА ФОРУМ

рымский информационно-познавательный портал

Жизнеописание

История

Проза

<u>Фольклор</u>

<u>Языкознание</u>

Мечети Крыма

Словарь

Карта Крыма

И увещай своих ближайших родственников - Поэты, 214 -

поиск по Корану...

Поистине, Аллаху принадлежит то, что Он забрал, и то, Он даровал, и всему Он установил известный срок, так пусть она проявляет терпение и надеется на награду Аллаха

- Аль-Бухари и другие

Алим - крымский джигит

Фольклор

Автор: Риза Фазыл

Описание

Содержание

Читать

Молва об удалом Алиме, передаваясь из уст в уста, дошла до наших дней. Его мужеству посвящены стихи, сложены песни, написаны книги, романы. О нем сняты кинофильмы. Возвратившийся из депортации крымскотатарский народ сегодня с особой признательностью чтит память своего героя.

blog comments powered by DISQUS

back to top

мухаддисы -

поиск по хадисам...

© 2003-2012. СКМ: Сайт Крымской Молодежи. Все права защищены. Публикации авторов могут не совпадать с мнением редакции.

HotLog

Архив Новостей

Про нас

Сотрудничество

Карта сайта

Обратная связь

Аят

…и взывайте к Нему со страхом и стремлением. Поистине, милость Аллаха близка к творящим благое! - Преграы, 56 -

поиск по Корану...

Хадис

Любое дело сына Адама (делается) для него же, кроме поста, ибо, поистине, он - для Меня, и Я воздам за него и пост это щит

- Муслим -

поиск по хадисам...

Алим - крымский джигит - Содержание

Фольклор

Автор: Риза Фазыл

Описание Содержание

Читать

Скачать

Оглавление

- От составителя
- Вторая часть
- Рассказы об Алиме
- Легенды и быль об Алиме крымском Робин Гуде
- Алим крымский разбойник[1]
- Воровство
- Похождения Алима
- Алим, сын Азамата[18] из Копюрликоя [19]
- Паспорт с особой приметой[26]
 - I
 - II
 - IIIIV
 - V
 - VI
- Другие эпизоды из жизни Алима[35]
- Зейнадин-эфенди дает урок
- Над Копюрликоем гремит гром
- Из малого кошелька сыплются червонцы
- Пять букв на черепках
- Алим иначе толкует айет[40]
- Старуха-нищая, обижаемая правнуком
- "И всякое зло уврачуешь им же самим"
- Крупица от копюрликойцев
- Подлинный портрет Алима[49]
- Народ чтит память своего героя!
- Литература об Алиме
 - Макъалелер
 - Муэллифлери белли олмагьан хатырлавлар

blog comments powered by DISQUS

back to top

ИСЛАМ

КРЫМ

МЕДИА

ФОРУМ

Крымский информационно-позназательный портал

Статьи Крымская библиотека Жизнеописание <u>История</u> Проза <u>Фольклор</u> Языкознание Мечети Крыма

Словарь Карта Крыма

Так бойтесь же Аллаха по мере сил ваших, слушайте и повинуйтесь

- Взаимный обман, 16 -

поиск по Корану...

Неприкосновенны имущество и жизнь того, кто сказал "нет божества, кроме Аллаха" и отрекся от поклонения всему, кроме Аллаха. Он будет держать ответ пред Аллахом, Всемогущ Он и Велик

- Муслим -

поиск по хадисам...

Алим - крымский джигит - Читать

Фольклор

Автор: Риза Фазыл

Читать Описание Содержание

Скачать

Алим - крымский джигит

Алим – къырым йигити

Автор - составитель Риза Фазыл

От составителя

Алим Азамат огълу... Алим – гроза богачей... Алим – народный герой... Алим – мститель... Алим – всеобщий любимец... Алим – герой народных легенд и преданий...

Так кто же такой Алим, славный сын крымскотатарского народа?

Имя Алима, родившегося в первой четверти XIX века в деревне Копюрликой (Черемисовка), в 15 километрах от славного Карасубазара (Белогорск), в семье бедняка Азамата, вошло почетной строкой в богатейший крымскотатарский фольклор. Но Алим является лицом невымышленным. Это народный герой, мститель, который прославил себя тем, что в одиночку боролся со злом и несправедливостью.

Молва об удалом Алиме, передаваясь из уст в уста, дошла до наших дней. Его мужеству посвящены стихи, сложены песни, написаны книги, романы. О нем сняты кинофильмы. Возвратившийся из депортации крымскотатарский народ сегодня с особой признательностью чтит память своего героя.

Пример тому – памятник Крымскому джигиту Алиму, установленный недавно на феодосийской трассе вблизи деревни Копюрликой, где он родился.

"Пусть этот памятник, воздвигнутый благодарным потомком – сыном односельчанина Алима, известным предпринимателем Керимовым Валерием Аблязовичем, навсегда увековечит память об этом крымском джигите, народном герое. Пусть он напоминает молодому поколению о славном прошлом его предков и станет важным шагом в восстановлении истинной истории крымскотатарского народа", говорится в буклете, выпущенном по случаю открытия этого памятника.

Книга состоит из двух частей. В первую часть (на крымскотатарском языке) вошли предания, рассказы, воспоминания, статьи о жизни и похождениях Алима, а также песни, сложенные о нем. А во вторую часть книги (на русском языке) вошли, в основном, подлинные эпизоды из жизни Алима, записанные дореволюционным публицистом-беллетристом С. А. Качиони, отрывки из романа "Алим крымский разбойник" проф. Н. А. Попова, материалы из книги феодосийского краеведа В. Килессы.

Книга эта – дань памяти героя, выходца из народа.

Риза Фазыл

Вторая часть

Рассказы об Алиме

И он везде найдет друзей, Под кровом каждого аула, И не боится он цепей... Все берегут его; злодей Нигде не спит без караула.

* * *

В народе знают, что Гасан Хоть и в горах живет скитальцем, Сам по себе такой же хан, Возьмет червонец у армян, Но бедняка не тронет пальцем.

* * *

Даст богомольцу золотой И с Богом в путь его проводит, И вот в устах толпы слепой Он-то разбойник, то святой, То дух, который всюду бродит.

Владимир Килеса

Легенды и быль об Алиме – крымском Робин Гуде

У каждого народа есть свои национальные герои, у англичан – Робин Гуд, у русских – Емельян Пугачев, у украинцев – Устим Кармалюк и Олекса Довбуш, у марийцев – Акпарс...

Есть такой национальный герой и у крымских татар – Алим. Это имя овеяно сказаниями о его смелости, отваге и человечности. Алим – историческая личность, образ жизни он себе избрал разбойника, но никак прирожденного грабителя, а как человека, жившего в том месте, где обычные законы не соблюдались, а тем более не уважались, и решившего чинить справедливость по своему разумению и понятию.

Алим не был лют, он избегал жестокости, а предпринимаемые им набеги проводились не только смело, но и мудро. Подобно английскому Робин Гуду, он был добрым и благородным. Отбирая у богатых, он щедро оделял бедных.

Среди горцев, там, где Алим совершал свои подвиги, рождались о нем легенды, слагались песни. Итак кое-что об Алиме, Алиме – крымском Робин Гуде.

* * *

АЛИМ АЗАМАТ ОГЛУ родился в деревне Копюрликой (Черемисовка), что в 15 км от Белогорска (Карасубазар). Детство его сладким не было, и его в раннем возрасте отдали учеником кожевенному мастеру, где он воочию увидел несправедливость, издевательства хозяина над беззащитными подмастерьями, где он впервые, защитив своего товарища-работника, завалил в яму обидчика-мастера. За что и был уволен с работы. Через некоторое время Алим нанялся служить богатому карасубазарскому караиму Бабовичу, жившему в самом центре города.

Жизнь в Карасубазаре для Алима была безрадостной, но его живой ум и сообразительность выделяли его среди сверстников. Будучи озорным, с бунтарским духом, он являлся душой улицы. Как только выпадала свободная от работы минута, он непременно отпрашивался у своего хозяина, и ноги только успевали уносить его из саманной крепости караима.

Шло время. Мужал Алим, взрослела и дочь хозяина – Рахиль. Между молодыми людьми возникла взаимная симпатия, переросшая потом в искреннюю, чистую любовь. Все чаще и чаще отец Рахили стал замечать, что его дочь посматривает на Алима. В его душу закралась тревога: как это мне одну-единственную дочь выдать замуж за этого голодранца?

В ту пору городом управляли богатые караимы. Посоветовавшись с ними, хозяин решил избавиться от Алима. Он не спал, все думал, как это сделать.

Наконец, ночью он незаметно взял часы у дочери и положил в карман Алима...

На следующий день к вечеру, когда уже стало темнеть, на ул. Ильинской (ныне ул. им. Луначарского) показался Алим. Городовой остановил его: "Ты украл часы у хозяина?". "Какие часы?" – возмутился Алим. "А сейчас мы проверим", – ответил городовой. И о Аллах! В присутствии понятых они из его кармана извлекли серебряные часы с цепочкой. "Это ложь!" – закричал Алим, но было уже поздно, понятые подписали протокол об обыске.

Алима поместили в городскую тюрьму. Следствие велось недолго, и решением городского суда за кражу и озорство Алим был отдан в солдаты, а проще — в арестантскую роту. По этапу его отправили в Бубруйскую крепость. Военное начальство его предупредило: "Будешь исправно себя вести, быстрей вернешься в свой Карасубазар". Алим жил этой надеждой. Перед его глазами стояла Рахиль. Добросовестно он нес свою нелегкую солдатскую ношу.

* * *

ПРОШЛО ДВА ГОДА. По велению коменданта крепости в Карасубазар сделали запрос, не желает ли он принять Алима, на что караим в грубой форме ответил: "Не желает". Узнав это, Алим сказал: «Коли вы меня, честного человека, боитесь как вора, так я буду настоящим "вором"!». Вскоре он из крепости бежал и прибыл в родной Карасубазар.

Вся ненависть Алима обращается на бывшего своего хозяина, караима Бабовича. Он начинает мстить своим главным притеснителям. Алим с вожделением ждал того часа, когда он жестоко покарает своего бывшего хозяина, но месть откладывалась из-за Рахили: "Где она и как?..". Пока он раздумывал, Бобович, узнав о появлении Алима и предчувствуя месть с его стороны, со своей семьей исчез из Карасубазара. Когда Алим об этом узнал, он чуть не потерял рассудок. В отчаянии он прыгнул на своего любимого коня и помчался на Ак-Кая (Белая скала). Конь с лихостью вынес его на скалу. С душевной болью Алим смотрел на Карасубазар с высоты орлиного полета и думал: "Какой несправедливый мир".

Так Алиму и не суждено было узнать о судьбе своей возлюбленной. Только и осталась от его любви к Рахили кровоточащая сердечная рана, не зажившая до конца его дней.

* * *

ГЛАВНЫМ ПРИСТАНИЩЕМ Алима были леса, окружающие карасубазарскую дорогу, на которой он совершал грабежи. Особенно он любил господствующую скалу над карасубазарскими горами – Кок-Таш (Синий камень). На восходе солнца, когда еще только первые

лучи касались гор, Алим взбирался на нее и, примостившись поудобнее, зорко смотрел вниз, за горнолесной дорогой. Как только со стороны Феодосии появлялся на ней дорожный экипаж, он вскакивал на своего коня и во всю прыть мчался на перехват очередной добычи. Кроме того, из-за несправедливости, совершенной против него Бобовичем, он делал набеги и на караимские города Крыма, блокируя их. Тогда караимские купцы и другие помещики уже не осмеливались выезжать из Евпатории, Бахчисарая и Карасубазара. От него не спасали прочные запоры, где бы ни было, он появлялся неожиданно, всегда вызывал ужас и смятение.

Всесилие Алима считалось сверхъестественным. Пойти против него мог только тот, у кого две головы на плечах. Его считали заколдованным. С бедным карасубазарским мстителем не мог справиться никто – ни начальство, ни жандармы. Всячески пытались изловить Алима: подкупом, хитростью, открытой силой, а он годами оставался неуловим.

* * *

КАК-ТО В 40-х ГОДАХ один офицер, который занимался охотой на Алима, после очередной неудачной облавы рассказывал художнику И.К. Айвазовскому: "Мы цепью окружили всю гору между Отузами (Щебетовка) и Кизил-Ташем (Краснокаменка). Разбойник скрывался в густом лесу. Его увидели наши ребята и стали стрелять в него. Конь у него молодой, серый. На голове у него серая смушковая шапка.

Около 8 часов утра, когда наша рота, сомкнувшись, вот-вот должна была собраться в заранее намеченном месте, с вершины соседней горы раздался звучный, веселый голос "Ура!". Алим, как статуя, неподвижный, верхом на коне, махал шапкой. Вся эта фигура рельефно выделялась на светлом фоне безоблачного неба. Только его и видели...".

Алим действовал один. Товарищей не имел и шаек не собирал. Лучшим его другом был конь, уносивший его от преследований. Про этого быстрого скакуна рассказывали легенды. Будто бы, когда после набегов Алим где-нибудь отдыхал, умная лошадь охраняла его крепкий сон, а в случае опасности будила своего хозяина толчком ноги. Таким образом, неуловимый разбойник успевал удирать от погони.

* * *

АЛИМА НАЗЫВАЛИ "летучим" потому, что он заметал свой след, ухитрялся в один и тот же день совершать грабежи в противоположных концах полуострова. Утром он наносит визит в Евпаторию, а вечером он уже производит переполох в Карасубазаре или Перекопе.

Он смело въезжал в город. Чуть ли не все обыватели, не исключая и помещиков, отлично знали его в лицо. Алим гулял на всех татарских свадьбах. Приедет с подарками к молодым, попляшет, повеселится – и был таков!

Татар Алим не боялся, знал, что они его не то, что не выдадут, а сами горой за него встанут. Он у них был не только героем, но и благодетелем. Бедные всегда имели от него существенную помощь. Впрочем, отнимая деньги и ценности у помещиков и купцов, Алим передавал все взятое бедным. Оказывая помощь бедным, он не считался с национальностью, охотно помогал всем бедным.

Когда по распоряжению властей на Алима устраивались засады, друзья заблаговременно предупреждали его об этом и спасали от ловушки. Татары его оберегали, и он на протяжении ряда лет благополучно ускользал от преследователей.

* * *

В ЕВПАТОРИИ ОДИН офицер-пограничник как-то обмолвился в ресторане, где были и татары, что крымская полиция никуда не годная, если не может поймать одного разбойника. "Пусть бы, – говорил он, – поручили нам, пограничникам, с ним справиться, так я бы один взялся в трехдневный срок привести его на веревочке в тюрьму".

Это бахвальство было передано Алиму. Алим поспешил в Евпаторию и стал выслеживать этого офицера. В одно прекрасное утро офицер выезжает в коляске по направлению в Симферополь. Алим последовал за ним и, дав ему отъехать на десять верст от города, внезапно перегнал его в степи и остановил коляску.

Отлично говоря по-русски, Алим спросил его: "Это вы хотели привести меня на веревочке в тюрьму?". Офицер так перепугался, что не посмел опустить руку в карман за оружием, тем более что в руках разбойника блестел пистоль. "Я спрашиваю, это вы?" – повторил Алим. "Да, я, но...". – "Да вы не бойтесь, – успокоил его Алим. – Ничего дурного я вам не собираюсь делать. А только хочу сказать, что и посмелее вас люди ничего со мной поделать не могли. За хвастовство ваше я не могу оставить вас безнаказанным, а поэтому, когда вернетесь в Евпаторию, зайдите в тот же ресторан и громко заявите, что Алима вы видели и он запретил вам говорить о нем так неосторожно. А если этого не сделаете, придется вам встретиться со мной второй раз, и тогда уж вам плохо будет". Говорили, что офицер выполнил его наказ.

* * *

ДЕЙСТВУЯ КАК ГЕРОЙ, Алим защищал обездоленных. Известен случай, как один симферопольский армянин запутался в долгах и принужден был уступить свою красавицу дочь старому греку-ростовщику, владевшему его векселями. Грек поставил ультиматум: "Или давай деньги, или выдавай за меня дочь". Долго изворачивался армянин, но поделать ничего не мог. Пришлось согласиться на последнее. Юная армянка плакала, убивалась, но день свадьбы был назначен, и событие казалось необратимым. И тут кто-то надоумил армянина попросить заступничества у Алиме.

Через посредничество татар армянин пошел к Алиму на свидание. Алим в ту же ночь посетил ростовщика и отнял у него векселя армянина. Приказал отказаться от руки девушки. Имя Алима было так грозно, что грек исполнил его требование.

Слава об Алиме до того выросла в Крыму, что обиженные стали грозить своим обидчикам: "А вот я пожалуюсь Алиму на тебя!". И жаловались. А он чинил суд и справедливо наказывал. Суд его был короток: являлся в дом обидчика и брал с него за беспокойство контрибуцию.

* * *

ОДНАЖДЫ НА БОЛЬШОЙ дороге Алим остановил карету с шестеркой почтовых лошадей. В карете был генерал с дочерью, на козлах –

лакей и ямщик, на лошади – другой ямщик. Алим был один на своей лошади и велел генералу выбросить бумажник. Генерал попытался уклониться от настоятельных требований разбойника, но Алим поднял ружье. Ямщики не шевелились, и генерал исполнил его приказ. Но генерал не мог пережить такого позора. Он поехал в Одессу и поднял шум. По приказанию военного начальства были приняты особые меры по поимке Алима.

Губернатор Крыма понимал, что сила Алима в татарах. Это они его прикрывали и оберегали. В татарские деревни стали чаще выезжать военные. За укрытие Алима налагались денежные штрафы, делалось все, чтобы татары почувствовали, что они в ответе за действия Алима.

Волостной голова селения Зуя дал слово поймать Алима. Гонялись за ним, как гончая за зайцем. Однажды Алима чуть было не схватили, но тот, отбиваясь, ускакал в степь. Его преследовали, и Алим решил скрыться в Симферополе.

В городском саду, что напротив дома губернатора, он привязал коня к беседке и сам решил в ней отдохнуть.

23 октября 1848 года был праздник, полицейские подбирали в саду загулявших пьяниц. Наткнулись они на коня, а в беседке и на спящего Алима. Узнав разбойника, они с трудом его связали и посадили в секретную под строгий надзор. Около девяти месяцев провел он в остроге, но, подговорив часового, вместе с ним бежал. Губернатор в ужасе!

Все дороги Крыма перекрыты, кольцо преследователей Алима стало сужаться. На яйле разбойник решил заночевать. Туда был послан" переодетый батальон солдат. В ночь на 25 октября 1849 года в чабанском коше все пастухи были связаны, среди них оказался и Алим.

В начале декабря 1849 года Алим в возрасте 33 лет предстал перед судом. Петербург требовал смертной казни. Но на совести Алима не было ни одной загубленной жизни, и его судили как беглого солдата, присудив ему шесть тысяч ударов палками и ссылку в Сибирь.

* * *

ЧЕЛОВЕК ЛЕГЕНДА – это не миф и не фантазия, это реальность и ее можно подтвердить единственным прижизненным портретом Алима, написанным в симферопольской тюрьме 11 декабря 1849 года юной художницей-француженкой Леони Лелоррен. Это она подарила этот портрет госпоже Кушниковой и на своем рисунке написала: "Если когда-нибудь эти штрихи должны возбудить в вашей душе хоть малейшее воспоминание обо мне, то тогда копия сделает больше добра, чем когда-либо оригинал совершил зла".

Н.А. Попов

Алим – крымский разбойник[1]

(Отрывки из романа)

ПОД АРЕСТОМ

АЛИМА АРЕСТОВАЛИ... Он вспомнил, что красавица Рахиль очень сердито на него сверкала глазами, но почему она возвела на него такое преступление, что Алим будто хотел ее ограбить, бедный молодой человек решительно не мог понять. Такая дикая и вместе с тем подлая клевета могла разразиться над головой лишь человека, которому хочешь отомстить и к которому питаешь глубокую ненависть. "Между тем, я знаю наверняка, – рассуждал Алим, – что караимке я нравился – не далее как неделю назад она со мной расцеловалась и сегодня вдруг оклеветала меня публично!". Бедный молодой человек не мог понять душевного состояния Рахили: именно за поцелуй-то она ему и мстила. Алим понимал борьбу, происходящую в душе Рахили, он, конечно, был ей не пара, она дочь именитого купцамиллионера, а он простой крестьянин Феодосийского уезда, но мстить так безжалостно, ни с того ни с сего озлобиться, оклеветать ни в чем неповинного человека – это для Алима была неразрешимая задача. Мы так же в свою очередь никак не можем понять душевного состояния молодого человека. Он был озадачен поступком Рахили, но не рассердился на нее; в его душе не было и тени враждебного чувства к караимке. Когда через несколько дней его потребовали к допросу и сообщили, что Рахиль обвиняет его в покушении на грабеж, Алим и тут не рассердился. Показания его были самые скромные. Он говорил, что в доме купца Бабаджана исполнял должность садовника, что ездил с хозяином в Одессу – и только. О своих отношениях к Рахили, о том, что она его расцеловала, он не сказал ни одного слова. Полицейский квартальный, производивший следствие, глядя на молодого, красивого татарина, сразу заподозрил его в интимных отношениях с купеческой дочкой и прямо, не стесняясь, объявил в глаза Алиму, что если он скажет о существовании этих романтических отношений, то поступок его с Рахилью на базаре будет отнесен к простой ссоре влюбленных, но не к грабежу и он, Алим, тотчас же получит свободу. Честный юноша с негодованием отверг предложение следователя, и участь его была решена. Началось дело о покушении на грабеж крестьянина Феодосийского уезда, деревни Копюрликой Алима Азамат оглу дочери купца 1-ой гильдии Бабаджана Рахили. В доброе старое время тяжка была волокита по уголовным делам. Целый месяц Алим просидел в остроге Карасубазара, потом был переведен в Симферополь, там также не спешили с его делом, едва к концу года наконец состоялось решение уголовной палаты: отдать поселянина Феодосийского уезда, деревни Копюрликой Алима Азамат оглу, руководствуясь известными статьями закона, в Кишиневские арестантские роты на 3 года. Тяжело было услышать такое решение ни в чем неповинному молодому человеку, но он покорился.

Из родных степей Таврических его погнали в Бессарабские степи, конечно, предварительно приковав к пруту самых отъявленных злодеев. Дело Алима тянулось почти целый год, и лишь летом он был отправлен в Кишинев...

Спустя несколько месяцев по прибытии партии в Кишинев Алим своим примерным поведением обратил внимание начальства. Всегда кроткий, трезвый, он добросовестно работал, резко отличаясь от своих пьяных и буйных товарищей. Начальство нашло возможным облегчить его участь, перевести в Киев в роту исправляющихся. Там Алим также вел себя примерно, но случилось одно обстоятельство, которое нарушило мир его души. Один раз за обедом, за общим котлом, арестанты рассуждали об улучшении их пищи.

- Смотрите, братцы, говорил высокий коренастый арестант, сосланный за воровство, нам стали отпускать каждый день мясную порцию.
- Что ж за диковина, сказал другой арестант, в контору все шлют подаяния.

Ну да, подаяние всегда было, – заметил третий, – а теперь, видишь, какой-то крымский купец сразу отвалил вязанку денег – и начальство "ублаготворено", и на нашу долю попало; вот стали каждый день давать говядину, а в постные дни рыбу.

- А не знаете вы, братцы, фамилию этого караима? спросил, весь побледнев, Алим.
- Демка, ты был в конторе, словно как при тебе называли фамилию этого купца то!
- А черт его знает, мне как-то невдомек, ответил Демка, хлебая из чашки жирные щи, не то Казань, не то Пеликан не припомню.
- Должно быть Бабаджан, глухо отозвался Алим.
- А пожалуй что и так, но доподлинно сказать не могу, беспечно отвечал Демка.

Бедный Алим задрожал как в лихорадке, ложка вывалилась из его рук, он встал и, шатаясь, побрел в контору.

- Что-то, братцы, наш князь-то словно как белены объелся, вдруг выскочил из-за стола и побежал, говорил Демка.
- А может, вдруг занедужилось, говорили арестанты и начали рассуждать о другом.

В конторе Алиму без труда удалось узнать, что крупное пожертвование в пользу арестантов сделано купцом Бабовичем.

– Как! – мелькнуло в голове Алима. – Она оклеветала меня, погубила и присылает милостыню? Нет, милостыни я от нее не приму! – Я все ей прощу, кроме милостыни, – сказал гордый татарин и отправился к воротам. В это время сторож обедал в кухне, и его будка была пуста. Алим снял с гвоздя шинель сторожа, облекся в нее и без труда вышел.

С этих пор начались странствования этого легендарного героя, молва о которых и до сих пор не утихла в Крыму. Пятьдесят лет назад слова французского юриста, сказанные в наше время, вполне подтвердились: в каждом преступлении ищите прежде всего женщину. Перебраться из Киевской губернии в Таврические степи для Алима не составляло большого труда. Первое преступление Алимом совершено в самом Киеве. Выйдя из острога, он направил свои шаги на Подол к еврейским лавкам; не надо забывать, что это было днем в летнюю пору, когда на Подоле циркулировала толпа народа; но смелость города берет. Энергичный, страстный Алим высмотрел еврейскую лавку готового платья, в котором сидел один еврейчик в ожидании покупателей.

Алим вошел в лавку, затворил за собой дверь и повел к купцу такую речь:

– Слушай ты, пархатый пес! Мне необходимо переодеться в другое платье и иметь 10 рублей денег; я беглый арестант, ты, конечно, поймешь, терять мне нечего, и если ты только рот разинешь, я тебя зарежу как барана, вот этим ножом, – говорил Алим, вынимая из шаровар складной нож. Он быстро снял с вешалки нужное ему платье, завернул его в узел, выдвинул ящик выручки, достал 10 рублей и был таков!.

Таким образом, бедный арестант дошел до Перекопа. Душевные страдания Алима, мысль, что Рахиль прислала ему милостыню, конечно, не могла уничтожить страстной любви, которую он питал к ней. Прошло почти два года с тех пор, как он оставил Крым.

- Что сталось с ней, думал влюбленный молодой человек.
- Быть может, она уже давно вышла замуж и забыла о своем злосчастном садовнике, которого так бессовестно оклеветала.

Воровство

ПРЕЖДЕ ВСЕГО Алим стал заботиться о том, чтобы приобрести себе скакуна и оружие; он вспомнил, что у мурзака Ишакского в его кунацкой висят прекрасные турецкие пистолеты, двуствольное пистонное ружье, тут же и патронташ с патронами; а в конюшне стоит знаменитый скакун, взявший в Ак-Мечете серебряную вазу. Алим отправился в Копек, он знал хорошо, что копекские татары его не выдадут, и не ошибся. Поздно ночью он постучался в крайнюю хату и на вопрос: "Кто там?", смело назвал себя по имени. Дверь быстро растворилась и на пороге показалась удивленная физиономия молодого татарина Али.

- Боже великий! Какими судьбами, ты ли это Алим? говорил удивленный хозяин.
- Я самый... Аман-эсен![2] говорил Алим. Как твое здоровье?
- Шукур Алла! Хош-кельди![3] отвечал Али.

Старые знакомые отправились в кунацкую, закурили трубки и повели речь о крымских делах. Первый вопрос Алим, конечно, задал: был ли Али в Карасубазаре?

- Как же, прошедший четверг был, отвечал Али.
- Но знаешь ли что-нибудь о моем бывшем хозяине, Бабаджане? спрашивал с замиранием сердца Алим.
- Живет, черт ему делается, сидит на своем мешке с золотом.
- А о его дочери ничего не слыхал? Верно, давно замуж вышла, прибавил Алим глухим голосом.
- Ах, эта та самая, которая сказала, что ты ее хотел ограбить! Должно быть, еще не вышла замуж. Я ее видел в прошедший четверг на базаре.
- У Алима отлегло от сердца, он вздохнул полной грудью.
- Ты что же теперь думаешь делать? спрашивал Али. Тебя верно простили?
- Нет, я убежал. Сначала был в Кишиневе, потом в Киеве в арестантских ротах, оттуда и ушел.

- Чем же ты теперь думаешь заняться?
- Грабежом и разбоем, хладнокровно отвечал Алим.
- А как поймают?
- Авось нет, приятели в обиду не дадут.
- Положим так, мы все знаем, что караимка на тебя наврала. В Крыму нет татарина, у которого бы ты не мог найти приюта, но знаешь русское начальство, пожалуй, где-нибудь и захватят.
- Ну, Аллах не без милости, не так страшен черт, как его малюют, отвечал улыбаясь, Алим, видимо повеселевши, узнав, что его красавица Рахиль еще не замужем.
- Ты теперь куда же пойдешь? продолжал Али.
- Хочу пройти в горы, да вот надо себе коня добыть и оружие. Знаешь, друг, прибавил Алим, хочу всем этим запастись здесь.
- Как, у нашего мурзака?
- Да, его скакун мне очень нравится, да и ружье, и пистолеты не дурны; ты, может быть, мне помешаешь? спросил, улыбаясь Алим.
- Я тебе помешаю! вскричал обиженно молодой татарин. Ты знать голову совсем потерял, живя там, в Киеве-то. Я тебе помешаю ограбить злодея, который пьет нашу кровь, да разве это возможное дело?
- В таком случае научи, как бы мне это дело обстряпать поумнее.
- Да тут хитрости то большой нет: ты у меня ночуешь, а завтра, когда мурза уйдет завтракать к жене, наши татары уедут в степь на работу. Мустафа тоже отправится выглядывать, как бы загнать соседский скот, ты и устроишь все дело, потому деревня будет пустая, на конюшне, может быть, увидишь мальчика, да он тебе не помешает.

Наутро Алим так и сделал. Забрал у мурзы все оружие, беспрепятственно оседлал гнедого скакуна и в горы! Так начались похождения Алима-разбойника.

Похождения Алима

ВООРУЖЕННЫЙ Алим, на резвом скакуне представлял весьма серьезную опасность для всех проезжающих от города Симферополя до города Феодосии. Вскоре о его подвигах узнал весь Крым, власти встрепенулись, было дано знать по всем волостям о беглом арестанте с обозначением его примет. Татары дали обещание поймать преступника, а наделе постоянно укрывали его. Алим был везде и нигде, поймать его не представлялось никакой возможности. Если исправнику или становому приставу караимы, армяне или греки давали знать, что Алим ночует в таком-то ауле, и полицейские власти с понятыми окружали деревню, то можно было наверняка сказать, что Алима в этой деревне не окажется, его уж предупредили об опасности, и он махнул в другое место. Популярности разбойника много способствовало то, что в Алиме они видели джигита, удальца, но не разбойника; при том же Алим всегда помогал бедному народу, все, что отбирал, раздавал людям.

ПЕРВЫЙ ГРАБЕЖ Алима был на почтовом тракте между Карасубазаром и Бурундуком. Была темная июньская ночь; три фургона, наполненные караимами и армянами, ехали по почтовой дороге. В нескольких верстах от станции из коряжника показался верховой, грянул выстрел, и коренная лошадь переднего фургона, убитая наповал, повисла на дышле.

– Вылезай вон из фургонов все! Иначе опять буду стрелять! – закричал громовым голосом Алим.

До смерти перепуганные путешественники вылезли из фургонов.

– Бросай деньги и оружие, а то всех перебью! – командовал Алим.

Перетрусившие караимы и армяне, несмотря на то, что их было, по крайней мере, душ двадцать и многие из них имели при себе оружие: пистолеты и кинжалы, вполне уверенные, что тут где-нибудь спрятана целая шайка разбойников, беспрекословно повиновались. К копытам лошади Алима полетели кошельки, бумажники, пистолеты, кинжалы.

– Отпрячь убитую лошадь и гайда дальше! – командовал Алим. Армяне и караимы не заставили повторять приказания и поспешили уехать. Алим собрал все награбленное и отправился обратно в горы. Затем прошел слух между татар, что Алим щедро награждает всех бедняков. И действительно, поступки этого человека были крайне оригинальны.

ОДИН РАЗ, ТАКЖЕ ночью, поехал он между Зуею и Карасубазаром по почтовому тракту и увидал татарина, сидевшего около дороги и горько плакавшего. Алим поздоровался с ним и спросил:

- Ты о чем плачешь?
- Да как же мне не плакать, отвечал татарин, продал я моих волов за сорок карбованцев, мне необходимы были деньги для уплаты податей и домашнего обихода, и вот, продолжал, рыдая, татарин, этот разбойник Алим отнял у меня мои деньги, что мне теперь делать, я и сам не знаю!
- А этот Алим был верхом или пешком?
- Верхом на гнедой плохонькой лошадке.
- А в какую сторону он поехал? продолжал допрашивать Алим.

– По дороге к Ак-Мечети, – отвечал татарин.

Алим поскакал по указанному направлению. Вскоре он догнал татарина на маленькой гнедой лошадке; грозное: "Тохта!"[4] заставило остановиться мнимого Алима. "Гайда со мной!" – продолжал разбойник, взяв за поводья гнедой лошадки. Татарин конечно не сопротивлялся. Грозная и с ног до головы вооруженная фигура всадника уже сказала ему, с кем он имеет дело. Вскоре они подъехали к сидевшему у дороги ограбленному татарину. Алим остановился около него и спросил:

- Этот тебя ограбил?
- Этот самый, прошептал в конец испуганный татарин.
- Ты зачем же обидел бедного человека? грозно спросил Алим.
- Прости, эфенди, шайтан попутал.
- Давай деньги, которые ты у него взял!

Мнимый Алим достал из-за пазухи скомканные бумажки и отдал их грозному судье.

- Чересчур мало, тут только сорок карбованцев! вскричал Алим, пересчитав деньги.
- Баллах биллях эфенди[5], молил татарин, я все отдал, что у меня было, хоть обыщи, не оставил ни одной копейки.
- Как же так, только сорок карбованцев! "Это чересчур мало, говорил как бы в раздумье Алим. Бедняк из нужды продал волов, на чем же он пахать-то будет, так нельзя", продолжал разбойник про себя и, приложив к сорока рублям еще своих шестьдесят, он передал их татарину, прибавив:
- На, милый, заплати подати и непременно купи себе волов. Какой же ты будешь хозяин без рабочей скотины! Ступай своей дорогой, и да сопутствует тебе Аллах.
- Ну а ты, милый друг, обратился он к грабителю, с какой стати выдаешь себя за разбойника Алима?
- Помилосердуй, эфенди! шептал несчастный.
- Алим никогда не обидел и не обидит бедный народ, он сам из народа, претерпел напраслину, как же он может поднять руку на своего брата?!
- Прости! Прости, Ага! Помилуй!.. шептал грабитель.
- Я тебе конечно зла не сделаю, продолжал Алим, но для того чтобы нас не перепутали, будь ты Алим безухий, а я Алим с ушами. С этими словами Алим выхватил кинжал и быстро отсек правое ухо самозванцу. ("Безухий Алим" так и называется рассказ об этом эпизоде в народе. Р. Ф.).

В СИМФЕРОПОЛЕ Алим принимал участие в одной из романических историй. Семейство грека Акалифаки состояло из шести членов: престарелого и больного отца, матери, девицы – невесты и трех малолетних детей.

Все они жили крайне бедно, буквально не имея гроша на насущный хлеб, но благодаря девице Акалифаки, или скорее ее необыкновенной красоте известный миллионер Стефанаки время от времени помогал несчастным деньгами, конечно, взимая по десяти процентов в месяц по двойным векселям.

Старый и безобразный Стефанаки забирал в руки бедное семейство для того, чтобы жениться или просто взять на содержание красавицу Марию Акалифаки; между тем девушка была страстно влюблена в одного молодого бедного чиновника, существовавшего только на свое скудное жалование.

Алим узнал эту историю, и душа его глубоко возмутилась.

В одну темную августовскую ночь, в то время, когда весь Симферополь спал глубоким сном, а скаредный Стефанаки пересчитывал свои червонцы, вынимая их из кованого сундука, вдруг кто-то постучался в наружную дверь. Стефанаки поспешил захлопнуть крышку кованого сундука, взял со стола подсвечник с сальной свечей и полюбопытствовал узнать, кого Бог принес к нему в такую позднюю пору. Подойдя к наружной двери, он спросил:

- Кто там? Что надо?
- Бумага к тебе от полицеймейстера, был ответ.
- Да ты-то кто такой?
- Разве не узнаешь? Квартальный Сидоренко. Власти, а в особенности квартальные надзиратели в доброе старое время играли великую роль в жизни горожан.

Старый грек поспешил отворить, и какое же его было удивление, когда он вместо плюгавой фигуры квартального Сидоренки увидал атлета Алима, за поясом которого внушительно блестели черкесский кинжал и два турецких пистолета.

– Не пикни! – прошептал Алим. – Иначе сейчас же всажу тебе пулю в лоб, кухарку будить нет надобности, пусть себе спит; гайда в твою комнату к сундуку – там мы поговорим.

Еле живой ростовщик, конечно, не пикнул да и не имел сил издать звука, от страха у него отнялся язык.

Они вошли в комнату, где стоял сундук. Алим, держа в руке пистолете взведенным курком, на который бросал трепетные взоры

ростовщик, сел на кожаный стул и спросил старика, указывая на сундук:

- А сколько тут денег?
- Право, не знаю, прошептал Стефанаки.
- Как же ты не знаешь счета своим собственным деньгам? Должно быть, у тебя их больно много.
- Десять мешочков с червонцами, еле слышно проговорил старик.
- Стало быть, тебе не обидно будет отдать мне пяточек?
- Бери сколько хочешь, только пусти душу на покаяние.
- Души твоей я не трону, и сам в твоем сундуке распоряжаться не буду, ты, чай, слышал: Алим берет только то, что ему дают.
- Ну и бери, вот тебе весь сундук.
- Нет, зачем же, иронически улыбаясь, возразил Алим, а кто же тебе пулю-то в лоб пустит в случае надобности, если я нагнусь к сундуку! Ты уж лучше сам достань свои мешочки да поворачивайся попроворнее, мне с тобой некогда лясы-то разводить, еще, пожалуй, кто-нибудь придет, гайда!

Стефанаки повиновался. Подошел к сундуку отворил крышку и достал пять мешочков с червонцами, приблизительно на сумму двадцати тысяч рублей, и положил их к ногам Алима.

– Нет, ты уж потрудись связать их вместе бечевкой, а то мне так их неудобно нести.

Стефанаки исполнил и это приказание разбойника.

- Ну, теперь мы поведем другую речь, сказал Алим. Я вижу, ты хороший шорбаджи, стрелять в тебя не следует, вот видишь, я спускаю курок и прячу пистолет опять за пояс. В случае если бы тебе было неугодно исполнить моей второй просьбы, я тебя пришпилю вот этой булавочкой, сказал Алим, обнажая громадный черкесский кинжал.
- Все сделаю, только не убивай, шептал старый грек.
- Зачем мне тебя убивать вишь, ты сколько мне денег дал. Я уже сказал, что ты хороший шорбаджи, и если бы познакомил тебя с этой игрушкой, продолжал Алим, сверкая перед самыми глазами грека острым кинжалом, лишь в самом крайнем случае, когда бы ты не был со мной вполне откровенен.
- Ради Аллаха, спрячь ты этот ножик и приказывай, все сделаю, в ужасе шептал ростовщик.
- Тебе очень нравится Мария Акалифаки? спросил, улыбаясь, Алим. Ростовщик ничего не ответил.
- Ну да, мне, пожалуй, твоего признания и не надо, продолжал Алим, я знаю, эта Марьюшка тебе больно приглянулась и ты имеешь намерение заполучить ее в свои лапы. Пожалуйста, ты меня не уверяй в противном, вскричал Алим, видя отрицательный жест, который сделал Стефанаки, ты пользуешься нищетой бедного семейства, дерешь дьявольские проценты с отца Марии и так их всех опутал, что волей-неволей молодая девушка должна выйти за тебя замуж или сделаться твоей любовницей. Но вот что, милый, я тебе скажу: ни в мужья, ни в любовники Марии ты не годишься. Вспомни: тебе скоро семьдесят, а ей едва минуло семнадцать, откажись ты от этого греховного дела и благодари Аллаха, что он послал тебе великого грешника Алима, чтобы избавить тебя от страшного, тяжелого преступления. Опомнись, старик! И очисти свою душу искренним раскаянием.
- Что же я должен делать?
- Отдай мне все векселя, которые у тебя есть на отца Марии, иначе, клянусь, я зарежу тебя, как барана, здесь же сию минуту, и поверь, рука моя не дрогнет, ею тоже управляет Аллах, он решил сбросить с дороги вредного старика, который заедает две молодые жизни. Видишь, шорбаджи, вскричал Алим, выпрямляясь во весь рост и подымая острый кинжал над головой ростовщика, одно движение руки вниз и воля Аллаха будет исполнена. Лучше добровольно отдавай векселя.

Ростовщик буквально сполз со стула, опять наклонился над сундуком и, порывшись там некоторое время, вынул сверток векселей, перевязанный шнурочком.

- Вот все, прошептал он, отдавая сверток Алиму.
- А может быть, у тебя есть расписки на отца Марии?
- Никаких у меня расписок нет.
- Вот что, старик, я тебе скажу, продолжал Алим, я по-русски читать не умею и не могу проверить, на какую сумму здесь векселей и действительно ли они от имени отца Марии, но если впоследствии окажется, что ты утаил хотя один вексель или расписку, то клянусь тебе, старик, вот этот кинжал найдет тебя везде, на дне морском тебе не придется от него спрятаться.
- Я все тебе отдал, ничего не утаил. Да цифры-то ты знаешь?
- Цифры знаю.
- Ну, смотри же, продолжал старый грек, развертывая пачку векселей. Стали считать цифры, их оказалось сорок тысяч.
- А сколько ты дал под них денег? Говори правду, а то я тебя убью, как паршивую собаку, сию минуту, вскричал Алим, приставляя острие кинжала к груди ростовщика.

- Пять тысяч, еле слышно прошептал последний.
- Не дурно! За пять тысяч ты получил векселей на сорок тысяч. Конечно, красавица Мария не сегодня завтра была бы твоя, если бы Аллах не внушил мне помешать этому беззаконному делу. Ну пусть же Он тебя и судит, крови твоей мне не нужно, сказал Алим, вкладывая кинжал в ножны. Только вот что ты возьми себе на ум: завтра ты можешь жаловаться начальству, что Алим тебя ограбил, но помни: имя Марии не должно быть упомянуто в твоей жалобе, она тут ни при чем; повторяю, меня Аллах к тебе послал, и если ты осмелишься запутать ни чем неповинную девушку, верь, ты не жилец на белом свете. Моя пуля или кинжал везде тебя найдут, а теперь пока прощай! Нам время расстаться. Ты должен простить мне некоторые предосторожности, которые я по необходимости должен принять, так как в эту ночь у меня еще одно спешное дело в Ак-Мечете. Тут у тебя найдутся полотенце и веревки? спрашивал Алим.
- Кажется, за сундуком были веревки, а полотенце вот висит на рукомойнике, отвечал ростовщик, начиная догадываться к чему клонились эти речи.
- Ну, давай веревки!

Старик достал пук веревок и подал их Алиму. Попробовав крепость веревок и разрезав их напополам, разбойник попросил ростовщика встать, связал ему назад руки и сказал:

- Теперь ложись на диван, протягивай ноги! С ногами была произведена та же операция. Потом Алим вложил белый платок в рот Стефанаки и завязал рот полотенцем.
- Теперь, кажется, все, говорил в раздумье татарин. Ах, было забыл, вскричал он, надо запереть сундук, кстати, в нем торчит и ключ.

Сказав это, Алим запер сундук и положил ключ под голову Стефанаки.

- Помни же, шорбаджи, что я тебе сказал, Марию не мешай ты в это дело, иначе я тебя убью. Прощай! Спи спокойно, завтра тебя развяжет кухарка. На меня можешь жаловаться сколько тебе угодно, прибавил Алим и, потушив свечку, вышел, никем не замеченный. Кухарка старого ростовщика продолжала спать крепким сном в кухне. В ту же ночь Алим постучался в домик, где жило семейство Акалифаки. Хозяин сам отворил дверь и с ужасом отступил назад.
- Не пугайся, шорбаджи, я не сделаю тебе зла, мне поручил Стефанаки передать твоей дочери Марии вот эти мешочки с золотом и какие-то бумаги. Удивлению Акалифаки не было границ, он машинально принял присланное и лишь только разинул рот для вопроса, как Алим уже исчез.

На другой день вся эта история разнеслась по Симферополю, хотя Стефанаки, еще не опомнившийся от страшного испуга, не думал жаловаться. По всей вероятности, кухарка ростовщика разблаговестила по городу всю эту историю. Часа в два пополудни к старому греку приехал сам полицеймейстер и лично допросил его, чтобы тотчас же доложить губернатору.

- Вы, кажется, ограблены разбойником Алимом? спрашивал полицмейстер.
- Дас, точнос так, я несколько пострадал.
- Расскажите, как это было?

Стефанаки с трепетом передал историю ночного посещения Алима, умолчав со страха о многих подробностях. Полицеймейстер аккуратно записал показания Стефанаки и поспешно отправился с рапортом к губернатору.

УСАДЬБЫ ГОСПОД помещиков в Крыму 50 лет тому назад, даже и христианские, мало отличались от татарских. Чисто русских из великороссийских губерний в Крыму почти не было; там по большей части селились греки, армяне и малороссияне. Деревня Тувуш, или мокрая Эндова, тратир которой выходил на почтовый тракт, принадлежал помещику отставному коллежскому регистратору Ануфрию Петровичу Самаринскому...

Соседями были одинокий мурзак, человек уже не молодой, Нейчамурза и отставной инвалид поручик из греков Бурданаки. Часто эти три соседа, прекрасно говорившие по-татарски, собирались потолковать о том, о сем, привозили новости из Симферополя и Феодосии и передавали их друг другу. В 1843 году самой жгучей новостью были, разумеется, подвиги разбойника Алима.

Летом в июне месяце один раз под вечер соседи собрались у Самаринского.

- Слышали вы, говорил Нейчамурза, что вытворяет беглый Алим? Всех грабит, вешает, режет, предается всяким неистовствам. Копекского мурзака совсем обобрал, отнял у него все деньги, усадьбу поджег и безнаказанно ускакал.
- Скажите, пожалуйста, что же наши власти с ним церемонятся? спросил бывший инвалидный поручик.
- Арестовать его нет никакой возможности, говорил мурза, ему помогает сам шайтан.
- Вот пустяки! вскричал Самаринский. Я даю слово русского дворянина помещика собственноручно доставить на веревочке в полицию этого мерзавца Алимку.
- Ну не говорите, возразил мурзак. С шайтаном ничего не поделаешь, разве что святой молитвой!
- Ну уже там мое дело, святой молитвой или иначе, только я берусь поймать этого негодяя.
- Да скажите, пожалуйста, в каких местах он держится? спросил Бурданаки.
- Везде и нигде. Сегодня ночью он работает в Кефе, а наутро уже очутится в Перекопе. Он недавно в Симферополе ограбил известного богача Стефанаки, украл дочь Акалифаки, перерезал всю прислугу и был таков.

- А я слышал, это дело совсем было иначе, сказал Бурданаки. Говорят, их Алим обоих ограбил, а Марию изнасильничал.
- Что говорите, разбойник, одно слово беглый каторжник, вскричал Самаринский.
- По всей вероятности, у него большая шайка, продолжал Бурданаки.
- Представьте себе, нет, он повсюду действует один.
- Ну, в таком случае, наверное, черт помогает, решил Самаринский, но, тем не менее, хотя ему и помогает нечистая сила, а я берусь доставить его на веревочке в полицию.
- Однако шутки в сторону, заметил инвалид поручик, надо быть осторожным, говорят этот бродяга везде рыщет.
- Вот пустяки какие, можно ли всякую дрянь бояться, сказал Самаринский, конечно, меры не мешает принимать, но вовсе не исключительно против Алима, это была бы для него чересчур большая честь.

Недели две спустя после этого разговора Самаринскому и Бурданаки случилась надобность ехать в деревню Чемалык, отстоящую верстах в тридцати пяти от Тувуша. Весь путь лежал среди гор, пришлось ехать верхом. Бывший инвалид поручик приехал к соседу, вооруженный с головы до ног. За плечами его красовалось двуствольное ружье, с левого бока гремела сабля, за портупеей были заткнуты два турецких пистолета.

- Вы точно на войну собрались, дражайший, вскричал Самаринский.
- Нельзя же, на всякий случай, береженого и Бог бережет, самодовольно улыбаясь, отвечал маслинообразный грек.

Самаринский, в свою очередь, вооружившись всем, чем было можно, велел оседлать себе крымского ходуна, и друзья отправились. Дорога шла сначала по балке, потом повернула на возвышенность и исчезла в высоких горах, покрытых лесом. Воинственный вид верховых хотя и вызывал на губах улыбку у всех встречных татар, но соседи, занятые серьезной беседой, не обращали на это внимания. Они были оживлены разговором о проделках Алима.

- Согласитесь, однако, это очень странно, говорил Самаринский, не могут поймать какого-то несчастного беглого арестанта.
- Да знаете, хотя и прошла молва, что будто Алим один действует, отвечал Бурданаки, но я, признаюсь вам, этому не совсем верю, шайтан шайтаном, а у разбойника непременно должны быть сообщники.
- Вы думаете, у него есть шайка? спросил Самаринский, несколько побледнев и поправляя за поясом пистолеты.
- Это не подлежит ни малейшему сомнению, самоуверенно отвечал бывший инвалидный поручик. Помилуйте, рассудите сами: как же может один человек остановить три фургона и ограбить двадцать вооруженных людей? Это немыслимо, очевидно, за его спиной была многочисленная шайка.
- А знаете, вы, пожалуй, правы, отвечал, как-то нервно ерзая по седлу, Самаринский, и опять поправляя пистолеты.

Вообще по мере приближения к горам воинственный пыл соседей понемножку испарялся, несмотря на то, что до ночи еще очень далеко... Вскоре они въехали в густой лес.

Здесь храбрость вооруженного Самаринского окончательно испарилась, он уже не шутя стал раскаиваться, что предпринял этот горный путь и не поехал в Чемалык по почтовому тракту через Карасубазар; у его товарища, бывшего инвалида поручика, также давно, как говорится, душа ушла в пятки; в каждом дереве он видел разбойника Алима, окруженного шайкой головорезов.

Друзья уже прекратили беседу, им было не до разговора. Поднявшись наверх горы, они начали спускаться по узенькой извилистой дорожке вниз. Первый спуск был очень крут, их лошади с трудом на хвостах съехали на площадку. Только что они стали повертывать на другой спуск, как слух их был поражен грозным: "Тохта!" и показалась стройная фигура татарина.

– Бросай оружие, свиноеды! А то сейчас вам обоим карачун – я Алим!

Несчастные помещики окончательно растерялись и не знали, что делать. Самаринский, сгорбившись, ухватился за луку и дрожал всем корпусом, физиономия его перекосилась и изображала великий испуг; бывший инвалид поручик опустил руки по швам, как плети, точно сам корпусный командир застал его в расстегнутом мундире; лицо бывшего воина совсем сжалось, как старая маслина, глаза бессмысленно хлопали; лошади разумеется, остановились.

- Анасыны, аврадыны![6] Продолжал Алим, Что же вы, оглохли? Я вам говорю, бросай оружие! Ты что же, тувушский свинопас, не слышишь? И толстая ногайка Алима свистнула по спине Самаринского. Несчастный пришел в себя, с нервной поспешностью он высвободил пистолеты и бросил их в кусты, туда же полетели сабля и ружье; бывший инвалид поручик не дожидался повторения приказания и поспешил сделать то же самое. Когда соседи были обезоружены, Алим обратился к Самаринскому с такой речью:
- Как же ты, свиное рыло, похвалялся Алима привести на веревочке в Феодосийскую полицию. Вот ты увидал Алима, почему же ты не исполнил своего слова? Говори!

Самаринский молчал и еще более съежился.

- А, ты молчишь, но я заставлю тебя говорить, вскричал Алим и его ужасная ногайка начала гулять по спине помещика. После третьего удара Самаринский взмолился:
- Пощади! Ради Бога, пощади! Помилуй! Никогда не буду!
- А, ты никогда не будешь! А знаешь ли, за что я тебя порю? Ответа не последовало. Несчастный, обливаясь холодным потом, дрожал как осиновый лист. Алим еще отпустил ему с десяток ударов ногайкой.

Я тебя не за то бью, что ты меня обидел, говоря, будто поймаешь меня и представишь в полицию, а за то, что ты негодный трус, вооруженный с головы до ног, позволил себя отодрать ногайкой одному безоружному человеку. Теперь мы поговорим с тобой, шорбаджи, – обратился он к бывшему инвалиду поручику, – ты передавал за достоверное, что Алим ограбил копекского мурзака и поджег его деревню – это ложь! Ты также выдавал за истину, будто я изнасиловал Марию Акалифаки и ограбил его отца – опять ложь! Я мог бы как тебе, так и твоему достойному товарищу перерезать горло ножом, как барану, но я не хочу этого делать, Алим никогда никого не убивал. Поверни свою спину, шорбаджи!

Злосчастный бывший инвалид поручик в свою очередь начал жаться под ударами ногайки Алима и вскоре тишина леса огласилась его стонами.

- Теперь можете ехать своей дорогой, вас никто не тронет, - сказал Алим, поворачивая лошадь на крутую гору.

Положение соседей было ужасное. Обезоруженные, избитые, долго они ехали молча. Наконец, бывший инвалид поручик глубоко вздохнул и сказал, боязливо озираясь кругом.

- Ох, батюшки, как у меня спина болит, все кости переломаны.
- Да и мне что-то очень больно стало, отвечал Самаринский. Приехав в Чемалык, злосчастные путешественники с трудом могли слезть с лошадей.
- Что это с вами? спрашивал встретивший их хозяин.
- Представьте себе, какое несчастье, отвечал Самаринский, наши лошади упали с самой крутой горы, знаете, около Орталана?
- Странно, недоумевал хозяин, так-таки обе лошади и упали, точно сговорились?
- Да, и моя тоже упала, подтвердил бывший инвалидный поручик.
- Пойдемте ко мне в кабинет, надо принять какие-нибудь меры, сказал хозяин.

ОДИН РАЗ РАННЕЙ ВЕСНОЙ в базарный день Рахиль делала свою обычную прогулку. Проходя мимо одной татарской кофейни, она услыхала имя Алима, невольно остановилась и стала прислушиваться.

- Его же, говорят, перевели из Кишинева в Киев? спросил сидевший около кофейни татарин.
- Да, его отправили в Киев в исправительную роту, он, говорят, вел себя примерно и пользовался большим доверием у начальства.
- Почему же он убежал?
- А кто его знает, рассказывают разное. Будто бы, когда он к узнал, что бывший его хозяин караим Бабаджан пожертвовал с большую сумму в пользу арестантов, он в тот же день убежал.
- Где же он теперь? спросил один из собеседников.
- Говорят, здесь в Крыму, его недавно видели в Кизилташе, верхом на лошади с пистолетами за поясом.
- Ана-сана![7] Откуда он взял коня и пистолеты?
- Рассказывают, что он увел знаменитого скакуна, знаешь, того самого, который в прошедшем году взял вазу в Ак-Мечете.
- Как! Жеребца Ибрагима мурзы Копекского? вскричал один из слушателей.
- Да, его самого.
- Молодец, джигит Алим! вскричал старший из татар, судя по белой чалме, лицо духовное.

Выслушав этот рассказ, Рахиль чуть не упала в обморок, ее сердце забилось и она тихо поплелась обратно домой. Вскоре до ее слуха стали доходить рассказы (конечно, в преувеличенном виде) о геройских подвигах Алима. Как он ограбил мурзака, остановил двадцать человек вооруженных армян и караимов, как он отнял у них оружие и деньги, все это раздал неимущим татарам; его операция с ухом мнимого Алима передавалась обыкновенно в различных вариантах, но факт тот, что он защитил бедного татарина, да кроме того еще от себя наградил, передавался всеми одинаково. Рахиль была в восторге; в ее воображении образ Алима представлялся в поэтической форме. Страстная, мечтательная девушка постоянно думала о своем бывшем садовнике, и ее любовь к нему больше уже не вызывала румянца стыда на ее щеках. Рассказы о подвигах Алима шли постоянно, каждый день передавалось что-нибудь новое, и во всех этих рассказах Алим являлся не разбойником, а героем в глазах Рахили. Когда же она узнала историю свадьбы Марии Акалифаки, устроенную Алимом, ее любовь к нему перешла в какое-то благоговейное обожание; в ее пылкой голове явилась идея встретиться с Алимом и просить его как милости, чтобы он своеручно заколол ее за тот гнусный поступок, на который она решилась два года тому назад, публично оклеветав его в покушении на грабеж. Рахиль опять стала уезжать в горы и на Симферопольскую дорогу, желая во что бы то ни стало встретить Алима. Несчастный Бабаджан приходил в неописуемый ужас.

- Ради Господа Бога, дитя мое, говорил он, зачем ты ездишь по ночам? Ты рискуешь встретить этого страшного разбойника Алима.
- Он не разбойник, а джигит, отвечала, сверкая глазами, караимка.
- Но подумай, каким пыткам ты меня предаешь, когда уезжаешь ночью из дома?
- Напрасно ты тревожишься, отец, отвечала девушка, если я буду сидеть дома, я пропаду, наверное. Если ты хочешь, чтобы я жила, не мешай мне стараться увидать Алима.

Бабаджан глубоко вздохнул и голосом, в котором слышалось рыдание, проговорил:

- Но это же безумие, моя дорогая! Вспомни, Алим пострадал из-за тебя; неужели ты думаешь, что этот страшный разбойник простит тебе твою клевету? Он убьет тебя непременно.
- Я уже сказала тебе, что не считаю Алима разбойником, а джигитом. Затем, если он убьет меня, это будет справедливая кара, посланная мне Богом за мое преступление. Не все ли равно, я и так пропаду, ты же сам говоришь, что от меня осталась лишь одна тень; мне все противно, отец, и только одна мысль поддерживает мою жизнь это искупить мое страшное преступление.

Бабаджан не мог ничего ответить: его душило рыдание.

Рахиль продолжала свои ночные экскурсии верхом на лошади по горам и почтовому тракту, но как нарочно не судьба ей было встретить того, кого она искала. Отец не мешал Рахиль совершать эти ночные поездки, он хорошо знал характер дочери, идти против желаний, употребить силу, власть отца — значило погубить Рахиль. Несчастный отец страдал, и страдания его были ужасны.

НЕЗАКОННЫЕ похождения Алима, сходившие ему с рук, не оставались без влияния на него самого. Сильный, энергичный от природы и вместе с тем необузданный, он наконец стал дерзким. Раз темной ночью ему пришла фантазия ограбить русского помещика Ушкова. В усадьбе почти все были русские, только один татарин исполнял обязанность главного чабана. К нему-то именно и адресовался Алим. Придя в степь, где Сулейман (имя татарина) пас овец, Алим повел к нему такую речь.

- Ты часто бываешь в усадьбе-то?
- Бываю почти каждое утро, хожу за хлебом, отвечал Сулейман
- Собаки в усадьбе тебя знают?
- Конечно, знают.
- А можешь ты их отозвать, когда я тебе прикажу?
- Во всякое время хоть днем, хоть ночью, отвечал чабан.
- Пекякши![8] вскричал Алим. А когда сам шорбаджи спать идет?
- Его теперь дома нет, он сегодня уехал в Ак-Мечет.
- Стало быть, дома только ханым и ее дочка?
- Только они одни.
- В передней кто спит?
- Один улан[9]
- Завтра около полуночи ты должен отозвать собак, приказал Алим.
- Хорошо, я их уведу в степь; они со мной пойдут.

На другой день в полночь Алим беспрепятственно пробрался к дому со стороны сада. Ни одна собака не подала голоса; Сулейман сдержал слово, увел их с собою в степь. Подойдя к балкону, Алим увидел в боковой комнате свет. По деревенской простоте занавески не плотно были спущены, и из сада можно было видеть все, что делалось в комнате. И вот какая картина представилась Алиму. Молодая красивая барышня, дочь хозяина, стояла на коленях перед образами и горячо молилась. Ее бледные щеки по временам увлажнялись слезами, видно было, что ее юная душа возносилась к Богу. Густая черная коса окутывала стройный стан красавицы, и она казалась существом не от мира сего.

– Вот он ангел-то, о котором говорится в Коране, – прошептал Алим. – Нет, не буду я мешать ее молитве, – прибавил разбойник и теми же следами вышел из сада.

РАЗ, ПЕРЕОДЕВШИСЬ старым муллой, Алим явился к перекопскому исправнику ходатаем за общество татар, которых притеснял мурзак. Все эти дерзости сходили ему с рук безнаказанно. Но наконец он попался. Один раз вечером Алим приехал верхом на своем скакуне в Симферополь и прямо отправился в татарскую кофейню. К его несчастью в это время в кофейне в числе остальных посетителей был один армянин, узнавший разбойника по лошади. Алим, напившись кофе, сел опять на лошадь и отправился на бульвар; и там, расположившись в беседке, заснул. Армянин, следивший за ним, дал знать полиции.

С десяток городовых бросились на спящего разбойника, связали его и отвели в острог. С лошадью, привязанной около решетки, ничего не могли поделать. Когда ее стали отвязывать, она взвилась на дыбы, оскалила зубы, прижала уши и, оборвав чумбур, убежала в степь. Алима, разумеется, заковали по рукам и по ногам и посадили в отдельный каземат. Утром его допрашивал сам полицеймейстер.

- Ты обвиняешься, говорил он арестанту, в побеге из Киевских арестантских рот. Признаешь ли себя виновным?
- Да, я убежал из Киева, отвечал Алим.
- Ты увел у копекского мурзака скакуна и украл оружие?
- И это правда.
- По показанию татарина Мустафы, когда ты остановил дилижанс мурзака копекского с 8 на 9 августа, один из троих сообщников застрелил из пистолета мурзака, ты должен указать нам этого татарина.

– Я сам убил мурзака, – отвечал Алим, – и никакого сообщника у меня не было.– Ты говоришь неправду, – продолжал полицеймейстер, – тебя сейчас же в глаза может уличить Мустафа, который был с тобой.

- Вскоре загремели кандалы и показалась фигура арестованного татарина под конвоем двух солдат с ружьями.
- Ты показывал, обратился полицеймейстер к Мустафе, что в ночь на 9 августа, когда вы ехали с мурзаком из Феодосии, Алим остановил дилижанс. Можешь ли подтвердить это?
- Могу, ответил татарин.
- Потом ты говорил, что мурзака убил не Алим, а какой-то татарин, выехавший из камышей.
- Я и теперь скажу то же самое: Алим не убивал мурзака.

Алим стоял на своем. Полицеймейстер приказал привести Мустафу.

- Как же ты утверждаешь, что ты убил? обратился полицеймейстер к Алиму.
- Нечего там "шалтай-болтай", вскричал нетерпеливо разбойник, говорят вам, что я убил мурзака, ну так и пишите.
- Однако Мустафа говорит другое, возразил полицеймейстер.
- Мустафе померещилось, никакого товарища в эту ночь со мной не было.
- Но подумай об ответственности, которую ты на себя принимаешь, уговаривал следователь разбойника. За убийство ты знаешь, что тебя ждет? Ссылка на каторгу, а быть может, и смертная казнь.
- Я говорю правду, а там делайте со мной что хотите, убил мурзака я, а никто другой. А вот этого человека за что вы посадили, прибавил Алим, я не знаю. Я с ним не сговаривался, и к убийству мурзака он не причастен...
- Значит, ты сознаешься в побеге из Киевских арестантских рот, в ограблении и убийстве мурзака?
- Да, сознаюсь.
- Ас какой целью ты летом в июне месяце остановил тувушского помещика Самаринского и его соседа, ты желал их ограбить?
- Нет, не желал.
- К чему же ты их остановил и обезоружил?
- Чтобы отодрать ногайкой.
- A не можешь ли ты рассказать, как ты ограбил отставного коллежского регистратора Стефанаки в ночь на 5-е июня? продолжал полицеймейстер.
- Могу.
- Расскажи!
- Пришел к его дому ночью, показывал Алим, постучался в дверь, Стефанаки сам мне отворил, я приставил к его груди пистолет и велел проводить себя в комнату, где спрятаны деньги.
- Сколько же ты взял у него денег?
- Пять мешочков с червонцами.
- На какую сумму?
- Не знаю, не считал.
- Куда же ты девал деньги?
- Зарыл в землю в горах под скалой.
- Можешь указать место?
- Нет, не могу.
- Почему же?
- Запамятовал.

Полицеймейстер написал протокол, в котором значились показания Алима, перевел на татарский язык, прочел и предложил обвиняемому подписать бумагу. Алим повиновался, подписал протокол и, указывая на Мустафу, сказал:

- Вы, шорбаджи, отпустите этого человека, он ни в чем не виноват, со мной не видался и никаких уговоров не имел.
- Я целое лето никуда из Копека не отлучался, начал Мустафа, Алим у нас не был, спросите всех татар. Когда мы с мурзаком ехали из Кефе и нас остановил Алим, я сам до смерти перепугался, думал и мне пришел конец.

- А ты все-таки можешь подтвердить свои показания, что мурзака убил не Алим? спрашивал полицеймейстер.
- Могу. Я хорошо помню, когда мы спустились в балку и Алим остановил дилижан, мурзак в него выстрелил, но промахнулся. Алим засмеялся, стал называть мурзака грабителем. В это самое время из камышей выехал татарин на серой лошади и закричал: «Да, мурзак грабитель, обидел джигита Алима и должен умереть!». И вслед за этими словами раздался выстрел и мурзак, как колода упал на бок. Левая пристяжная у нас очень пуглива, она первая дернула, остальные три лошади подхватили, мы и понеслись по дороге к Копеку. Тут утром приехали господа и меня арестовали.
- Ты слышишь, Алим? обратился к разбойнику полицеймейстер.
- Слышу.
- И все-таки стоишь на своем, что мурзака убил ты?
- Да, я его убил.

Мустафа в свою очередь подписал протокол и оба арестанта были отправлены в тюрьму. Вскоре Мустафу решением суда освободили, а дело Алима, обвиняемого в грабеже и убийстве, поступило в уголовную палату.

ПЕРВЫЕ ДНИ, когда еще не дошли слухи об аресте Алима до Карасубазара, Рахиль по обыкновению ездила днем в горы искать встречу со своим обожаемым героем Алимом. Но в условленных местах, где они обыкновенно виделись, не находила Алима. Рахиль отправилась в туже ночь на почтовую дорогу и там его не встретила. Влюбленная девушка была в отчаянии. Не могла ни есть, ни спать и бродила, как тень; в несколько дней она так похудела, как будто пережила самую тяжелую болезнь. Наконец, Фатьма, раз утром, придя убирать ее комнату, сообщила об аресте Алима.

- Когда? Где? вскричала точно ужаленная Рахиль.
- В Ак-Мечете, в прошедшую среду на бульваре его поймали, говорила татарка.
- Где же он теперь?
- Там, в Ак-Мечете, в остроге сидит, рассказывают наши татары. Эта страшная новость пробудила всю энергию в Рахили; она перестала хандрить, быстро вскочила с места и побежала к отцу, чтобы принять меры к освобождению Алима...

Тюрьмы в доброе старое время мало соответствовали своему назначению. Для арестантов они были крайне не удобны по отсутствию света и воздуха, а для стражи служили предметом постоянного беспокойства и тревоги. Стража отвечала за арестантов, должна была зорко следить, чтобы никто из них не убежал; а как тут караулить, когда во всех камерах полы и потолки гнилые и решетки на окнах еле держатся, поставлены только для вида. Из тюрьмы в былое время не убегали только ленивые...

Алим время от времени получал подаяние. В острог перед вечерней зарей всегда являлась какая-то старая, горбатая татарка и вручала сторожу Егорычу узелок с провизией. Сначала Егорыч представлял узелок в контору для осмотра – нет ли там чего незаконного, а потом прямо носил в башню Алиму.

— Знать, сердечная мать родная разбойнику-то, — говорил сторож, провожая горбатую старуху, — вишь, все харчи ему носит и мне — глядитко! По рублику даст!

В ту эпоху симферопольский острог стоял за городом, фасадом выходил на большую перекопскую дорогу. Это было гнилое мрачное здание с высокой каменной стеной и четырьмя башнями по углам. Кругом стены ходили двое часовых солдат.

Раз в темную осеннюю ночь, часу в двенадцатом, когда в степи ни зги Божьей не было видно и густой мрак окутал желтый силуэт острога, моросил мелкий дождь и дул порывистый ветер, пронизывающий хуже мороза; где-то в степи крикнул кроншнеп, поблизости ему ответил также степной кулик, и снова все затихло. "Знать, уже за полночь перевалило, скоро займется заря, лишь кулик кричит, — сказал часовой, стоявший близ башни, выходившей на перекопскую дорогу, и, завернувшись в шубу, скрылся от дождя в будку. Кулики опять стали перекликаться. На перекопской дороге показалась какая-то тень.

Из окна третьего этажа башни тихо упала веревочная лестница; подхваченная ветром, она стала раскачиваться из стороны в сторону; вслед за этим показались чьи-то ноги, не спеша, ощупью они стали на первую веревку, служившую ступенью, и утвердились на ней, потом осторожно переступили на вторую и третью ступени, на стене ясно обрисовалась человеческая фигура и вдруг точно замерла, услышав крик степного кулика. В это время часовой высунулся из будки и стал осматриваться кругом, и вероятно, не заметив ничего подозрительного, опять спрятался. Закутавшись в шубу, он стал мечтать о том, как пойдет в "побывку", явится в родное село, обнимет свою милую Алену и увидит сынишку Демку. – Гляди, подрос постреленок! – мелькнуло в голове солдата, и он улыбнулся. Между тем в степи опять закричал кулик. "Вишь тебя нелегкая под зарю-то разбирает!", – прошептал часовой и задремал. Ему мигом приснилось родное село, толстолицая Алена и белобрысый Демка. После крика кулика, фигура арестанта опять зашевелилась, он стал спускаться, уверенно переставляя ноги с одной веревки на другую. Достигнув земли, арестант пригнулся и быстро зашагал около стены в противоположную сторону от будки, потом круто повернул направо и исчез во мраке. Пробежав несколько сот шагов, он остановился и стал прислушиваться. Недалеко в балке послышался крик коростеля. Арестант побежал на этот крик. Вскоре обрисовались какие-то фигуры. Беглец ускорил шаги и увидал татарина, державшего оседланным гнедого скакуна, и старуху – татарку. Сердце дрогнуло у Алима (читатель, конечно, догадался, что это был он) и подсказало ему, кто скрывался под рубищем простой татарки.

– Джанечка моя[10], Рахиль! – вскричал обезумевший от радости Алим. – Какое счастье! Наконец я опять тебя вижу.

Теперь некогда этими разговорами заниматься, — серьезно сказала молодая девушка, — переодевайся скорей, садись на коня и гайда! Около Кизильташа, знаешь, там в гроте увидимся.

Алим поспешно сбросил халат, сбил заклепки с кандалов, надел татарскую куртку и шапку, заткнул за кушак пару пистолетов, также принесенных ему караимкой, и быстро вспрыгнул в седло.

- Береги мою джанечку, обратился он к татарину.
- Не сомневайся, эфенди Алим, я твое добро помню и не дам ханым Рахиль в обиду, отвечал татарин.
- Постой! Я тебя где-то видел, сказал в раздумье Алим. Мне твой голос знаком.
- А помнишь на карасубазарской дороге, когда меня ограбил безухий Алим и ты меня наградил; я теперь хозяином стал, спасибо!
- А лошадь моя как к тебе попала?
- Я ее поймал в горах около Кизильташа, она в поводе запуталась. Вот и хранил ее и привел сюда в Ак-Мечеть; я знал, что Алима никакие цепи не удержат.
- Спасибо! С этих пор ты мой кунак![11] Прощай, джанечка, не забудь же, там, в гроте, ждать я буду тебя, прибавил Алим и, повернув лошадь, ускакал в степь.

ОТСКАКАВ десятка полтора верст от Симферополя, Алим осадил лошадь и поехал ходом. Дождь стал меньше, но небо было хмуро. Миновав Зую, он остановился около бузни[12]. Это был канун базара. Около бузни стояли маджары, оседланные лошади с торбами на мордах, на возах лежали связанные бараны, мешки с хлебом, овощи и т. д. В бузне собралось большое общество татар. Алим закинул поводья за заднюю луку, смело вошел в хату и потребовал себе молока и хлеба. Никто из присутствовавших почти не обратил на него внимания, и занимательный разговор продолжался:

- Говорят, его будут казнить смертью, сказал один из собеседников, судя по белой чалме на шапке Аджи побывавший в Мекке.
- Жаль. Славный джигит, заметил молодой татарин, пивший бузу из кружки. Таких у нас в Крыму еще не бывало со времен ханства.
- А ты видел его в Ак-Мечете?

Где видеть, он посажен в башню под двумя замками и, говорят, прикован к стене.

Все присутствующие защелкали языком, что служило выражением крайнего сожаления.

- За что гяуры[13] будут его судить? опять вмешался в разговор Аджи. Алим никому худого не делал, еще награждал бедных.
- А мурзака убил?
- Не убивал он мурзака, это какой-то молодой татарин его убил. Мустафа сам видел своими глазами, а Алим только принял на себя это убийство, не хотел выдавать товарища. Одно слово джигит.
- Он всех награждал и гяуров, и правоверных. Слышал, как у ростовщика в Ак-Мечете взял мешочки с золотом и все их отдал бедной гречанке.
- Слышали, слышали.
- Наши в острог к нему не ходили, боялись, чтобы гяуры не припутали к делу. Только старуха мать Бекира иногда носила ему хлеба и баранины.
- А скоро его будут казнить?
- Неизвестно.
- Эх, хоть бы Аллах дал ему средства убежать! вскричал один молодой татарин.
- Где убежать, говорят тебе, его за голову и за ноги к стене приковали.
- А что такое для Алима цепи? Все равно что для нас обрывки! Алим слушал все эти толки и внутренне улыбался. Окончив завтрак, он бросил на стол серебряный рубль и, обратившись в сторону Аджи, сказал:
- А тебе очень жаль, что Алим попал в руки гяуров?
- Еще бы! Всякому правоверному жаль, не одному мне. Разве мало Алим наградил бедных людей. Этот джигит наша гордость. Ты как мусульманин должен быть со мной согласен.
- Ну, успокойся же, Алла смилостивился над Алимом, он хоть и сидел в башне под двумя замками, но сегодня ночью бежал из тюрьмы.
- Как! Откуда ты это знаешь? послышалось со всех сторон.
- Это уже дело мое, откуда я знаю, но только за верное говорю вам, что Алим бежал.
- Ана-сана![14] радостно вскричали татары. Вот свиноеды разозлятся!

А мне как-то не верится, что Алим бежал, – продолжал старый Аджи. – Как тут бежать, когда человека к стене приковали?!

– Он к стене не был прикован, – продолжал Алим. – Правда, в башне сидел в одиночном заключении, на руки и на ноги ему надели цепи, но он все-таки вынул решетку, спустился вниз под самым носом часового и гайда в степь.

Все на минуту примолкли. Видно было, что радостная весть о бегстве Алима была приятна для них, но ей мало верили.

- Когда же это было? - спросил Аджи.

- Несколько часов тому назад, в самую полночь, когда шел дождь и дул сильный ветер, отвечал Алим.
- А ты как мог это знать? Острог стоит за городом.
- А вы рады бы были, если бы это была правда? спросил Алим, не отвечая на вопрос.
- Разумеется! послышалось со всех сторон.
- Однако не забывайте, если Алиму удалось бежать из острога, гяуры сильно разозлятся и будут преследовать всех татар.
- Надобности нет, пусть злятся, мы за нашего Алима готовы костьми лечь, вскричали все присутствующие.
- А если нас будут переселять в Россию?
- Не боимся, пусть хоть вешают, а Алима не выдадим.
- И это ваше верное слово?
- Но что же ты, молодец, нас так допрашиваешь? сказал, сомнительно качая головой, старый Аджи, уж не гяуры ли тебя подослали?
- Нет, я спрашиваю от себя.
- Да ты-то кто такой и откуда приехал?
- Я Алим и приехал из Ак-Мечети, прямо из тюрьмы.

Все на минуту замерло от изумления. Татары не могли издать звука и с каким-то благоговейным ужасом смотрели на своего знаменитого джигита. Если бы сам Магомет в эту минуту явился между ними, они бы не были более поражены. Первый очнулся старый аджи, приложил руку ко лбу и сердцу и стал поздравлять Алима с приездом.

Примеру старика последовали все присутствующие.

- Хош кельдинъ[15] Алим ага! Хошкельдинъ! Ана санъа, - послышалось со всех сторон.

Алим отвечал обычым: Шукур Алла[16] и, обратившись к собранию, сказал:

– Братцы! Если я беглый татарин иногда протягивал руку неимущему, то Аллаху и великому пророку Магомету угодно было сегодня вознаградить меня за все сторицею. Я слышал такие похвалы, которые не заслужил. Я глубоко тронут, братья, благодарю вас за вашу любовь ко мне и прошу как милости: если кто-нибудь из вас будет нуждаться в деньгах или в защите от мурзаков, вспомните Алима, передайте вашу просьбу Менсеит Челеби, каждый из вас его знает, и верьте, Алим сделает для вас все, что в состоянии. А теперь, друзья, прощайте! Скоро займется заря, в Ак-Мечете подымится тревога, и сюда прискачут казаки.

Сказав это, Алим приложил руку к сердцу и ко лбу и направил шаги к двери. Хозяин бузни остановил его и, подавая серебряный рубль, сказал:

- Возьми свой карбованец, я с тебя денег не смею брать.
- Правда, грешно брать за хлеб деньги с бедного Алима, отвечал, улыбаясь, разбойник и принимая монету. Но в память от меня ты же должен принять что-нибудь, продолжал он и, бросив монету на стол, вышел.

Все татары последовали за Алимом.

– Огур Алла! Огур Алла! [17] – слышалось со всех сторон. Алим поблагодарил, в свою очередь отвечал приветствием и, вскочив на своего гнедого жеребца, поскакал по направлению гор. Вскоре забелелась полоска на востоке, правоверные, совершив обычный намаз, стали готовиться продолжать путь к Карасубазару, надевать ярма на шеи волов, подтягивать подпруги лошадей и т. д. Но только хотели тронуться, как со стороны Симферополя ясно послышался конский топот.

С. А. Качиони

Алим, сын Азамата[18] из Копюрликоя [19]

И вот в устах толпы слепой Он то разбойник, то святой, То дух, который всюду бродит...

Я. П. Полонский.

Похождения знаменитого разбойника Алима, который лет 50 – 60 тому назад дивил весь Крым своим, не знавшим страха и пределов удальством, были так разнообразны, и нередко по идее своей так неожиданны, что разлетавшаяся с быстротой молнии по всему полуострову молва о них столько же поражала всех ужасом, сколько и удивляла бесстрашием, находчивостью и, смешно сказать, справедливостью и юмором этого единственного в своем роде разбойника виртуоза.

Алим – грабитель, гроза целого края, был в то же самое время и Алим – герой, ставший его кумиром: его проклинали и за него же молились; имя его наводило трепет и проникало к нему невольным уважением, а рассказ о каждом новом его подвиге заставлял бледнеть слушателей, и они же при этом нередко хохотали до слез, зная ту или другую жертву его проделок.

Алима судили и очень строго судили: за все им содеянное он понес жестокую кару – полторы тысячи палок при прогоне сквозь строй и рудники на всю жизнь...[20] Но тот же Алим, если и был разбойником, в широком смысле этого слова, то никогда не был вором, а весьма часто был... самым добродушным, хотя и неумолимо строгим судьей для разных рыцарей мутной водицы.

Рассказанный ниже эпизод из жизни этого самого Алима – истинный факт, хорошо известный многим и многим старикам – крымчанам,

хотя, несомненно, и расцвеченный несколько в подробностях временем и фантазией рассказчиков. Но ведь для характеристики этого виртуоза-героя важны не детали, а голый факт сам по себе; детали же – только соль, перец и пряности, делающие всякое блюдо более пикантным и вкусным.

Для ясности рассказа необходимо не забывать, что Алим был прежде всего джигит, удалец, герой, вышедший из народа и объявивший от имени этого самого народа непримиримую войну мурзакам, а за ними и всем тем вообще, от кого в то время татарам приходилось не сладко.

И если мурзаки – наследие от бывших владык крымской орды – по всей справедливости были всегда отребьем трудового, честного и вообще симпатичного татарского народа (речь идет только о Крыме), то греки, армяне, болгары и некоторые русские элементы, которые наслоились в Крыму с первых же дней водворившегося там русского владычества, также недалеко ушли от мурзаков. Все они друг друга стоили, и татары, лучше кого бы то ни было другого, это чувствовали на себе. Отсюда – исконная затаенная ненависть и вражда татар по отношению ко всем этим элементам. Отсюда – и выходец из народа Алим, этот национальный мститель за все беззакония, притеснения и неправды, которыми десятки годов донимали их мурзаки, армяне и им подобные.

И народ прекрасно сознавал такую чисто национальную роль и миссию своего героя: все татарское население Крыма, даже не сговариваясь вовсе по этому поводу и не взирая на весьма энергические меры начальства, доходившие до угрозы выселять поголовно в Сибирь всякое село, в котором хотя на одну ночь будет дан приют разбойнику, заботливо охраняло своего джигита и в продолжение четырех почти лет укрывало его от преследования властей.

Этим, между прочим, не говоря уже о доходивших до безумия отваге и удальстве самого Алима, и можно объяснить причину столь продолжительной безуспешности его преследований, несмотря на то, что власти, подогреваемые еженедельными "строжайшими" приказами из Петербурга,[21] постоянно гнались за ним по пятам по всем дебрям и закоулкам полуострова. Алим, почти уже пойманный, всегда умудрялся каким-то чудом исчезать бесследно для того, чтобы на другой же день подать о себе новую и еще более шумную весть совсем с другой стороны Крыма, верстах в 150 – 200 от места вчерашнего подвига.

Неудивительно поэтому, если крылатая народная фантазия в скором времени уже успела создать о нем целый маленький эпос и если имя Алима на всем пространстве Крыма, а в особенности в горной его части между Феодосией и Чатыр-Дагом, и по сей час еще повторяется с любовью в рассказах татар стариков, как имя богатыря, много доставившего добра и славы родному народу и за него же в конце концов героически пострадавшего.

В заключение этой беглой характеристики удальца Алима интересно будет привести следующий эпизод, ярко обрисовывающий в весьма симпатичном свете личность этого по суду оказавшегося только разбойником и головорезом джигита.

ПОМЕЩИК А.Л.К. (лицо близкое автору этого очерка), отставной кирасир, поселившийся по выходе из военной службы в своем родовом имении в Крыму и всю жизнь затем носивший белую кирасирскую фуражку как дорогое воспоминание о любимом полке, благодаря отчасти именно этой фуражке, имел однажды интересную встречу с Алимом.

Хотя речь идет о лице, близком автору рассказа, но простая справедливость, с одной стороны, а с другой – необходимость для ясности последующего, заставляет прибавить, что в качестве местного землевладельца и деятеля помещик К. всегда пользовался большими симпатиями окрестного, почти исключительно татарского населения. Происходило это оттого, что, родившись и выросши в Крыму среди татар, он близко знал этот народ, привык уважать его за основные национальные черты – честность, трезвость, гостеприимство и удивительную домовитость, и потому всегда где мог и как мог старался приходить ему на помощь.

Так, между прочим (это было в самый расцвет славы Алима), однажды помещик этот продал весь урожай фруктов своего громадного сада компании татар из своей и соседней деревень за очень крупную сумму.

Продажа по обыкновению состоялась в начале мая, когда уже выяснились размеры урожая, и самими покупателями, как специалистами дела, было положительно установлено, что по количеству плодов год определился как редкостный. Сделка, конечно, как всегда, была заключена на словах, так как татары слишком честны в натуре, чтобы придавать какое бы то ни было значение бумаге, а тем более основывать на ней силу и прочность принятого на себя обязательства.

Любой из них при этом рассуждал так: "Кто только думал, но молчал, тот ничего не сказал; кто ничего не сказал, тот ничего на свою душу и не принял. Но кто подумал, подумал и сказал, тот уже завязал: ничем не развяжешь и, только исполнив сказанное слово, будешь свободен. Бумага — ничтожнейший материал, дрянь, как бы много и как бы черно ты на ней ни написал: она тлеет, трется, гниет; ее можно сжечь, разорвать, перепачкать, потерять... Какое же сравнение она может иметь с языком человека, тем самым языком, которому Сам Аллах назначил быть колоколом души и которым ты, обращаясь с молитвой к Всемогущему, все, что видит глаз и что слышит ухо, создавшему Творцу, называешь Его светлое, великолепное, все собою начинающее и все собой кончающее, властное в счастье и несчастье, в свете и тьме, в жизни и смерти Имя?!

Душа человека – открытые перед Самим Аллахом скрижали; когда язык говорит, каждое слово само собой начертывается неизгладимыми письменами на этих скрижалях, и Владыка земли и всех надзвездных миров Своим всепроникающим оком ежесекундно читает все там начертанное...

Горе тому, на скрижалях которого этот пресветлый Судья прочтет, что его слово – как ветер пустыни, а совесть – как черная ночь!.

Так что же крепче и более свято: слово или бумага? И для чего человеку бумага, имеющая столько же смысла и силы, как и летучая пыль, и капля грязной воды, и помет поганой чушки[22]?!"

Итак, сделка была окончательно заключена, и татары обязались через несколько дней привезти первую треть условленной оплаты. Но вдруг на другой же день, как исключительное явление, которого никогда и никто не мог предполагать, ночью ударил довольно сильный мороз, и две трети ожидаемого урожая безвозвратно погиб.

Татары тем не менее в назначенный день привезли третью часть платы сполна, но помещик К., приняв эти деньги, тут же объявил им,

что, ввиду постигшего их несчастья, которое, если оставить прежнюю цену, неминуемо должно разорить их вконец, он считает все расчеты за сад с ними уже оконченными и условленную плату — внесенной сполна; если же теперь он принимает сразу эту часть условленной суммы, то только потому, что и он, в свою очередь, обязался уплатить довольно крупный долг в Судаке в конце этой недели, куда и должен отвезти эти деньги.

Ни один мускул на лицах татар при этом не дрогнул: они – слишком сдержанный и слишком умеющий владеть собой народ, чтобы проявлять так или иначе вовне свое душевное волнение.

Только самый старый из них Муса эфенди сказал:

– Ты шорбаджи (хозяин), не потому только "шорбаджи", что мы тебя так называем, а потому, что ты на самом деле шорбаджи... Твоя душа – справедливая душа и потому всякий бедняк тебе друг. И когда – Алла сакъласын (да сохранит Аллах) – над тобой или над твоим домом грянет беда, не зови соседей, не зови и слуг, которые служат за деньги; но зови нас: не пожалеешь!

Через три дня после этого К. действительно выехал в Судак с довольно крупной суммой денег в небольшой покойной коляске на своих лошадях, и так как приходилось сделать верст около семидесяти, то он, избегая жары, выехал под вечер.

Покормив на полпути лошадей у другого помещика – приятеля и поужинавши у него, К. в остальной путь, лежавший на расстоянии верст сорока сплошь через горы, покрытые лесом, двинулся уже поздно ночью.

Приятель долго уговаривал путешественника не рисковать этой ночной поездкой, причем убедительно прибавлял:

- Кой черт тебе таскаться ночью, да еще с деньгами! Оставайся лучше у меня до утра, а там утром с богом: скатертью дорога... На этой дороге часто шляется и Алим... Что тебе за охота вместо кредитора ему отдать полностью твои деньги, да, может быть, прибавит и еще что-нибудь более ценное?. Право, оставайся.
- Нет, кум, спасибо. Ночью ехать приятнее, чем днем по жаре, да и моя тройка мне интереснее твоего Алима, чтобы я из-за страха встречи с ним стал душить ее тридцатиградусным пеклом. Слуга покорный!. А для этого милостивого государя, на случай чего, у меня, прежде чем дело дойдет до бумажника, найдется нечто, может быть, и повкуснее.

И при этом К. самодовольно потряс в руке французской двустволкой, заряженной картечью.

- Да ведь все равно ехать же не степью, а лесом и днем прохладно, продолжил уговаривать радушный хозяин.
- Покорно тебя благодарю за майскую прохладу в Крыму. Да, наконец, нам, брат, с тобой, военным, и зазорно как-то, выехавши за семьдесят верст из дому, ночевать на пути из-за какого-то проходимца.
- Зазорно-то оно, может быть, и зазорно, да зато и много надежнее, не отставал приятель, из которого, по-видимому, весь военный дух давно уже выдохся без остатка.
- Тогда вот что и я тебе предложу, кум, сказал К., улыбаясь, уж если ты мне так настоятельно сулишь провести встречу с этим Алимом, так поедем вместе: там у брата Коли проведем завтрашний день, а послезавтра я тебя доставлю домой к обеду. В таком случае уж Алиму и совсем неинтересно будет устраивать нам двоим путевую овацию.

Но подобная ночная прогулка, очевидно, совсем не устраивала гостеприимного и осторожного приятеля, у которого сейчас же оказались на завтра неотложные дела по дому, и К. уехал один.

Ночь была хотя и безлунная, но именно летняя звездная крымская ночь, когда кажущаяся только в открытое окошко мгла на самом деле вся мерцает и вся трепещет мириадами голубовато-фосфорических ниточек света, вливающегося в эту мглу с самых отдаленных высот сплошь усыпанного горящими брильянтами небесного свода.

Такая ночь, такая мгла – точно густая вуаль, скрывающая под своим легким покровом нежное, как персик, душистое, как ананас, и атласногладкое, как лепесток только что сорванной розы, личико красавицы: извне в эту мглу не видно ничего, но из нее, как из-под вуали, все ясно, все мерцает и брезжит, подернутое легкой прозрачной дымкой.

И вся эта чуть-чуть серебрящаяся, чуть-чуть дрожащая дымка точно потопом залита — ни с чем не сравнимым ароматом весеннего леса. Такая ночь томит всякое чуткое к чистой природе сердце сладостной негой; такою ночью можно, любя, умереть и любить умирая; такою ночью, слившись душою с природой, можно подслушать и даже понять ее многие сокровенные тайны! И таинственный шелест листьев косматых дубов, и назойливо дребезжащая свирель миллиона сверчков, и едва различимый шорох крыльев над самой землей пролетающей ночной птицы, и издали доносящийся плач дробно всхлипывающего перепела — все эти ночи одной присущие и от нее самой неотделимые звуки способны сказать тогда уху и сердцу много больше и понятнее самых звонких и самых трескучих фраз человеческих! Эти чудные звуки летней крымской ночи и есть тот могучий шепот природы, перед которым громом гремящие речи людей-то же, что слабое журчание ручья перед ревом бурных стихий...

Лошади, пофыркивая, весело бежали по гладкой лесной дороге. Колокольчик под дугой равномерно звенел, то рассыпая по лесу и слабо замирая где-то далеко в глубоких ущельях, то гремя густыми сочными звуками, когда горы, суживаясь к дороге, обступали ее молчаливыми темными громадами настолько близко, что, казалось, хотели совсем загородить путь дальше, то вдруг, брякнув особенно громко, умолкал затем на несколько мгновений, когда могучий коренник, встряхнув совей косматой головой, поднимал ее на секунду вверх, а язычок колокольчика делал в это время несколько настолько слабых колебаний, что не доставал до его краев.

Помещик К., откинувшись на опущенный верх коляски, сначала только дремал, но затем, под влиянием спокойной качки экипажа, а может быть, и лишнего стакана хорошего старого портвейна, которым его угостил радушный приятель, совершенно уснул.

Вдруг над самым ухом его раздался какой-то странный шум, вроде дробных ударов по камням чего-то железного, и коляска, сразу рванувшись вперед так, что К. всем корпусом подался назад, понеслась стремительно быстро. Открыв глаза и еще не отдавая себе отчета, в чем дело, К. только успел крикнуть кучеру:

- Что ты, с ума сошел, Евлампий? Сломишь голову!.

И в то же время увидел с правой стороны экипажа почти рядом с собой скакавшего всадника. Инстинктивно схватившись за свою двустволку, К. уже успел приподнять ее, направляя в сторону верхового, когда тот крикнул ему по-татарски:

- Тохта, тохта, Шорбаджи! Керекмейтюфек... Огъур Алла!. Ал, сенинъхалпах![23]

И Алим (это был он) на всем скаку ловко набросил на голову изумленного и успевшего при этих словах снова опустить ружье К. его белую кирасирскую фуражку, отсутствия которой помещик и не заметил в первую минуту такого неожиданного пробуждения.

А разбойник между тем, продолжая подвигаться вровень с коляской, опять заговорил:

– Успокойся, шорбаджи, и не сердись, что я тебя разбудил: ты, верно, хорошо спал, если даже не заметил, что уже верст пять едешь без шапки.

И Алим (это был он) на всем скаку ловко набросил на голову изумленного и успевшего при этих словах снова опустить ружье К. его белую кирасирскую фуражку, отсутствия которой помещик и не заметил в первую минуту такого неожиданного пробуждения.

А разбойник между тем, продолжая подвигаться вровень с коляской, опять заговорил:

- Успокойся, шорбаджи, и не сердись, что я тебя разбудил: ты, верно, хорошо спал, если даже не заметил, что уже верст пять едешь без шапки.
- Ты кто такой? спросил К.
- Я Алим, гордо отвечал разбойник, и при этом имени кучера Евлампия невольно передернуло как-то, а помещик снова положил руку на ружье.
- Что же тебе нужно?
- Ничего... Я только хотел отдать тебе шапку твою.
- Где же ты ее взял и как ты узнал, чья эта шапка?

Нашел ее не я, а этот мой товарищ, – и разбойник ударил ласково по шее своего коня, – там на спуске с Татхоры. А что это твоя шапка, я не мог не знать, потому что один ты в Крыму носишь и лето, и зиму такую белую военную шапку, как один ты имеешь и белую душу. Ты, шорбаджи, напрасно схватил ружье, потому что, во-первых, я твоего ружья не боюсь, а во-вторых, на друзей ружья не поднимают... Я тебе не враг, а слуга. Бог дал тебе белую душу и ясное, как алмаз, сердце: ты – благодетель наших татар и отер уже не одну слезу бедняка. Тебя Аллах благословит за это. Я никого еще в моей жизни не убил, но скажи мне одно только слово, назови по имени тех, кто тебе сделал зло, и через неделю все они будут лежать порезанные, как бараны.

Помещик с удивлением слушал эту хвалебную речь разбойника и не знал, верить ли ее искренности: может быть, это, была простая уловка, чтобы, успокоив бдительность путника, удобнее затем ограбить его?

- Слушай, Алим, сказал на это К., ты напрасно заговариваешь мне зубы. Лучше уезжай поскорее поздорову, пока я не пустил в тебя пару хороших картечей.
- Грех тебе, шорбаджи, оскорблять за добро человека, который и в помыслах не имел против тебя ничего худого! Разве ты, старый крымский помещик, не знаешь, что Алим, сын Азамата из Копюрликоя, вовсе не вор, хотя его все называют разбойником?! Нет, Алим честный человек, хоть он и грабит мурзаков, богатых армян, греков, болгар и тех из русских, которые похожи на тебя так же, как чушка на луну! Вот вы мою голову оценили в сотни рублей: я сам, стоя в Старом Крыму на базаре, слушал, как читали приказ губернатора о том, что всякое село, которое меня приютит на одну ночь, он погонит с детьми, женщинами и стариками в Сибирь, а того, кто поймает меня, наградит золотом. Ну, что ж?! Пусть будет так, да только не поймать орла комарам, хотя бы их собралось и целые тучи! Нет, нет, шорбаджи, Аллах знает, ты знаешь, и все знают, что не вор я и не разбойник... Я только джигит, которому сам Аллах велел сесть на коня и уйти в горы, чтобы стать на защиту сироты, бедняка и вдовы!

Искренность тона Алима тронула помещика. Он совершенно успокоился относительно чистоты намерений разбойника и теперь хотел только продлить эту странную ночную встречу, чтобы поближе познакомиться с личностью такого редкого собеседника, о котором тысячеустая молва гремела по всему Крыму самые невероятные вещи.

- Ты, Алим, напоминаешь мне волка, сказал он, который захотел мурлыкать котом, чтобы убедить всех, что он самое ласковое и безобидное животное.
- Зачем волка? спросил удивленно Алим.
- А вот почему: разве для того, чтобы стать на защиту сироты и вдовы, как ты сам говоришь, нужно заткнуть за пояс кинжал да пару пистолетов и выезжать на большую дорогу грабить? Все хорошие люди скажут тебе, что это значит не защитником быть, а грабителем.
- Твоя правда, шорбаджи, иронически усмехнулся разбойник и затем с чисто восточной гордостью продолжил: Только когда хороший хозяин кормит своих собак, он стоит и смотрит, чтобы большие и сильные не обижали маленьких и слабых, и, если большие отнимают у малых, то их отгоняет плетью от пищи, сам отбирает часть ее и отдает в стороне малым... Разве я для себя граблю? закончил он вопросом.
- А для кого же?
- Для бедняков. Я граблю для ограбленных; я ночью на дорогах отбираю у мурзаков, армян и греков, у этих богатых и злых псов, малое из того многого, что эти безжалостные животные грабят днем в городах и деревнях всегда у беззащитных щенков бедняков. Я ничего

себе не беру и, ограбив уже многих богачей, я сейчас — самый бедный из бедняков, которому завтра не на что было бы купить себе корку хлеба, если бы мне ее нужно было покупать и если бы меня не кормили такие же бедняки, как и я. Поверь, шорбаджи, Алиму: он не лгун, не вор, а только честный и бедный джигит. Месяц тому назад в Ак-Мечети (г. Симферополь) я ограбил одного ростовщика-кровопийцу, — ты, вероятно, про это слышал, потому что после этого "дела" губернатор послал повсюду указы о Сибири и денежной награде за поимку меня. Грабил я — это правда, а он, ростовщик, был ограбленной жертвой. Ну, скажи, шорбаджи, что тебе твоя белая душа говорит, — кто из нас двух у Аллаха в книге судьбы записан разбойником? Он, а не я! — с гордостью крикнул Алим, протянув руку в сторону Симферополя. — Он живет между вами, честными людьми, к нему на другой день приезжал сам губернатор, жалел его, подавал ему свою начальственную руку, а меня назвал негодяем; а между тем он такой же хищник и плут, недостойный даже названия разбойника, который у меня, скитающегося в пещерах и ущельях гор, не достоин поцеловать подошву сапога!... Я ограбил у него мешки с золотом... Этого золота было столько, что я едва мог унести его: там было больше 20000 рублей, да вдвое столько было в целой книге векселей и разных расписок, которые я отнял у него вместе с золотом (случай этот — документально установленный в деле Алима факт). А знаешь ли, добрый и честный шорбаджи, что уже через час после грабежа я был таким бедняком, что, придя в шашлычную на татарской слободке Ак-Мечети и не евши целый день, я не имел и трех копеек, чтобы заплатить старику-татарину, содержателю шашлычни, за булку, которую взял у него и за которую он, не узнавши меня сразу, спросил с меня деньги!.

– Верь, шорбаджи, – продолжал Алим, – что и тогда, и всегда после всех грабежей, и теперь Алим – такой же бедняк, как тот эфенди, который, идя пешком в Мекку на поклонение святому праху пророка и встретившись с другим мусульманином, который ехал верхом на верблюде, а другого вел за собою на поводе, не захотел купить у него второго верблюда, несмотря на то, что встретившийся мусульманин назначил за него цену только одну копейку. Про этого эфенди мне рассказывал наш копюрликойский мулла, и этот рассказ стоит того, чтобы и ты, шорбаджи, его прослушал. Вот как это было:

"Мусульманин, догнав эфенди, поехал с ним рядом и стал доказывать ему, что ехать такой длинный и утомительный путь гораздо приятнее, удобнее и спокойнее, чем идти пешком. Он долго, много и убедительно говорил по этому поводу, а эфенди все молчал. Наконец, он окончил и замолчал, а эфенди опять продолжал молчать.

- Что же ты молчишь? спросил его мусульманин.
- Потому что не хочу, как ты, говорить пустых слов, сказал эфенди.
- Разве те слова, которые я тебе говорил, пустые слова? удивился тот.
- Совсем пустые.
- Да ведь я тебе говорил только одну правду?
- Это правда, что правду.
- Так зачем же ты называешь ее пустыми словами?
- Потому что пустое всегда называется пустым, а дело делом.
- Я ничего не понимаю, развел руками мусульманин.
- Ну, так я тебе объясню. Подожди минутку, слезь с верблюда. И когда мусульманин, поставив своего верблюда на колени, слез с него и сел на песок против эфенди, этот ему сказал так:
- Ты мне наговорил про то, что езда лучше ходьбы, столько, что если бы пророк захотел каждое твое слово обратить в лист лопуха, ты мог бы устлать этими листьями весь путь до Мекки, хотя его еще остается больше чем на две недели, и твой верблюд ни разу не обжег бы своих мозолей о раскаленный песок, потому что мог бы пройти весь путь по этим свежим и прохладным листьям. Ты говорил много, очень много, так много, что я даже забыл, с чего ты начал; ты заговорил самого себя так, что даже и ты забыл, что ты все эти долгие речи о неудобствах пешей ходьбы говоришь человеку, который, идя пешком, прошел уже многие сотни верст. Ты для меня уподобился в это время тому неразумному баштанджи, который во время проливного дождя стал кружкой воды поливать свой баштан арбузов и дынь! Подумай же теперь сам, не пустые ли речи ты говорил человеку, у которого такие ноги, как у меня?

И эфенди, сбросив свои терлики, показал обе ноги удивленному мусульманину: они у путника были истерты от продолжительной ходьбы так, что из ран во многих местах сочилась кровь.

- Скажи же сам, не убедительнее ли всех твоих долгих и длинных речей эти мои ноги? спросил эфенди.
- Твоя правда, эфенди! воскликнул мусульманин. Я напрасно тратил свои слова, потому что ты больше страдаешь от ходьбы, чем я сам это думал. Поэтому ты должен купить у меня моего другого верблюда.
- Нет, я не куплю твоего второго верблюда, отвечал эфенди.
- Я тебе его недорого продам.
- Все равно не куплю.
- Я тебе его отдам за двадцать рублей.
- Не куплю.
- А за десять купишь?
- Нет.
- За пять?

– Не надо.

– За три? За два? За один только рубль?!

- Напрасно уступаешь, не возьму, стоял на своем эфенди.
- Слушай! воскликнул мусульманин. После того, как я видел твои ноги, я не уеду, пока не продам тебе верблюда, чтобы и ты мог не идти дальше, а ехать. Аллах меня вознаградит: возьми его за двадцать копеек.
- Не получишь и двадцати копеек с меня за него.
- Заплати же хоть десять копеек!
- Не заплачу.
- Пять! Три!

Эфенди только покачал головой в знак нежелания.

- Ну так одну хоть копейку! вскричал мусульманин, пораженный такою несговорчивостью эфенди. Слышишь: одну только, одну единственную копейку заплати и садись на своего верблюда: поедем дальше вместе.
- Тебе не придется положить в твой кисет с деньгами от меня и этой копейки, сказал на это спокойно эфенди, потому что верблюда твоего я не куплю ни за одну копейку.

Мусульманин от удивления даже встал с песка, на котором сидел, поджав под себя ноги, и долго не мог сказать ни слова.

- Ты просто упрямый человек, эфенди, произнес он, наконец, садясь опять на своего верблюда и беря за повод другого, и мне тебя нисколько не жаль, потому что ты упрямее всех ослов, которые только были и есть на земле под луною. Иди себе пешком со своим упрямством, а я поеду со своими верблюдами... Прощай!
- Подожди, остановил его эфенди. Ты мне все правду говорил?
- Правду.
- Так выслушай же и от меня правду: а ты просто глупый человек, и мне тебя очень жаль, потому что ты глупее всех тех ослов, которые когда-либо рождались под луною с самого первого дня Мира и до этой минуты. Поезжай же себе с Богом на своих верблюдах, да не клади только, пожалуйста, на них своей глупости, потому что у тебя для этого оказалось бы мало вьючного скота, если бы ты даже согнал сюда всех ослов и верблюдов, какие только живы на свете в эту минуту.

Мусульманин остановился и, подумав немного, сказал:

- Ты, кажется, эфенди, думаешь обо мне не совсем хорошо?
- Я сказал тебе, что я думаю.
- Не хорошо сказал, не хорошо думал.
- Я говорил правду, а правда хорошая или нехорошая одна, как и солнце одно и луна одна.
- По какой же причине ты меня считаешь глупее всех ослов?
- По той самой, по какой и ты считаешь меня упрямее всех ослов.
- Да ведь тот, кто глупее всех ослов, не имеет, значит, совсем ума! закричал уже раздраженно мусульманин.
- А тот, кто упрямее всех ослов, разве не может совсем не иметь денег?! еще громче, но без всякой злобы закричал эфенди.

При этих словах мусульманин ударил себя по лбу, а эфенди продолжал:

– Ты все время продавал мне верблюда, но не дарил: значит, я купить его не мог, потому что у меня совсем нет денег. Что же мне было из того, что ты отдавал его мне за одну даже копейку, когда у меня нет и этой одной копейки?! Я – круглый бедняк, и, стало быть, одна копейка – для меня уже целое состояние.

Тогда мусульманин, поняв свою глупость, слез опять с верблюда и поклонился эфенди в ноги со словами:

– Ты, эфенди, – мудрый эфенди, а я – много глупее тебя, хотя, положим, и не глупее всех ослов на свете. Возьми моего верблюда так, без денег, и поедем вместе дальше. Я тебе его не подарил раньше потому, что думал, что ты не берешь его за ничтожную сумму из-за упрямства, а еще потому не догадался сделать тебе этот подарок, что ты ни разу не похвалил этого верблюда: значит, ты не хотел подарка, потому что кто хочет, чтобы ему сосед подарил какую-нибудь вещь, тот непременно эту самую вещь при соседе похвалит. Теперь верблюд уже твой. Поедем.

И они поехали дальше вдвоем".

Помещик с удовольствием прослушал этот странный рассказ, переданный ему при такой необыкновенной обстановке. А Алим между тем прибавил:

– Теперь ты, шорбаджи, знаешь, с каким эфенди я сравниваю себя, и верь, пожалуйста, что я такой же бедняк, как и он. Поэтому я грабитель только для грабителей, разбойник только для разбойников; для добрых же и милосердных людей и для бедняков я слуга и

друг, на которого можно положиться. Правды мало теперь, шорбаджи, на свете, и великий пророк Мухаммед, да будет прославлено его праведное имя, повелел мне быть на земле ничтожной крупицей этой правды, чтобы и сирота и бедняк когда-нибудь узнали это благо Аллаха. Ты не удивляйся, добрый шорбаджи, что тебе об Аллахе и о правде говорит тот самый Алим, сын Азамата из Копюрликоя, о котором весь. Крым кричит как о головорезе и воре и голова которого ценится дороже десятка самых дорогих коней, и верь мне, потому что я еще никогда не зачернил своей души лживым словом. Подумай: ведь для тех, у кого гноятся глаза от болезни – свет, для полузамерзших – тепло, а для того, кого засыпал горный обвал, и он просидел без пищи полтора десятка дней, а потом был спасен, – много пиши сразу – самое великое зло, а между тем и свет, и тепло, и пиша – величайшие блага, которыми милосердный Аллах по молитве премудрого пророка одаривает людей. Так и я: для одних я – правда, для других – зло, для одних – гнусный вор и враг, для других - справедливый защитник и друг. Вот и сегодня ты меня отвлек от двух нужных "дел": сегодня в начале ночи я должен был под Феодосией ограбить одного нашего мошенника – мурзака, с которым у меня есть кое-какие старые счеты, а на заре я должен был проучить под Карасубазаром (Белогорск) другого еще лучшего мерзавца – армянина за то, что он с одного моего земляка, копюрликойского бедняка-татарина, дважды взыскал один и тот же долг. Я уже собирался ехать на первое дело, когда получил известие, что ты, шорбаджи, с большими деньгами едешь в Судак ночью. Только ты не подумай, что это мне сообщили для того, чтобы я тебя ограбил; совсем нет: меня предупредили, чтобы я в темноте не ошибся и не сделал тебе беды. Я поблагодарил вестника и решил, что не могу тебя пустить одного ночью через горы, да еще на твоей прекрасной тройке и с такими деньгами, и потому поехал тебя провожать, оставив на другой раз оба дела, которые от меня все равно не уйдут. А знаешь, почему мне нужно было тебя проводить? Потому что теперь развелось несколько негодяев, которые шляются здесь и грабят без разбора того, кто попадется, прикрываясь моим именем. Одного уже тут, на этой самой дороге, я недавно пометил, – отсек ему правое ухо, его уже даже нет в Крыму – он уплыл в Турцию, но другие еще шляются, пока и их я не перемечу точно так, как метят баранов, вырезывая на ушах разные знаки. Поэтому я и поехал проводить тебя, чтобы поберечь от этих негодяев. Оберегая тебя, я и себя берег от убийства, потому что, если бы – сохрани Аллах – кто-нибудь сделал тебе какое-нибудь зло, я должен был бы его, как барана, зарезать, и зарезал бы за тебя, а я убийства боюсь и молю Аллаха, чтобы он не довел меня до такого гнусного дела. Я поджидал тебя в самом начале гор, в лесу и, пропустив тебя на версту вперед, поехал за тобой следом. В начале Татхоры конь мой, этот бесценный скакун и верный мой товарищ, вдруг прыгнул в сторону, и я, осмотревшись, увидел твою белую шапку на самой дороге. Тогда я понял, что ты, верно, заснул и потерял ее, и подняв, догнал тебя, чтобы отдать, потому что завтра все осмеяли бы тебя в Судаке за эту потерю. Знай же все это и не сердись на меня. Будь здоров!

- Послушай, Алим, сказал К., я всему тому, что ты говорил, верю, но скажи мне, пожалуйста, еще, за что же ты, которому я никогда ничего доброго не сделал, служишь мне? И почем ты знаешь, какой я человек? Может быть, и я такой же разбойник, как ты называешь других?
- Ты?! усмехнулся Алим. Да разве я слепой, которого нужно водить, или глухой, которому в уши еще налили смолы? Разве и я, и все другие не видим и не слышим, что делается около нас? Когда в солнечный день облако проходит по небу, и малое дитя и старый старик видят одинаково тень; когда на верхушке тополя стрекочет сорока, не нужно быть особо умным, чтобы знать, что это не старый давулджи (барабанщик) Муртаза гремит на своем знаменитом давуле[24]. Нет, шорбаджи, мы все и тебя, и других хорошо знаем. Тебе Бог дал белую душу и светлое сердце, и мы все видим, как оно всегда ярко блестит. Ты три дня тому назад не моргнул глазом, когда подарил шесть тысяч рублей десяти беднякам; и если бы захотел, эти деньги были бы у тебя в кармане, потому что Аллаху угодно было, чтобы ударил мороз и погубил две трети урожая не тогда, пока еще сад был твой, а в то время, когда уже глаза татар смотрели на то, что было на деревьях, как на свое добро. Эта беда была не твоя беда, а их, и ты имел полное право получить все, что Аллах послал тебе на твое счастье, а они должны были переживать свою беду и подчиниться ей. И они не задержали бы ни одного твоего гроша, потому что слово уже было ими сказано, и Сам Аллах через меня помог бы им освободить книгу своей судьбы от записанного в ней вернее, чем на людских бумагах и книжках, долга: в назначенный срок все эти шесть тысяч рублей привез бы им я... Но ты был милосерден и справедлив, и все татары за это благословляют твое имя.

Вот почему служу тебе я и вот почему сегодня и мурзак тот, и армянин проехали благополучно каждый по своей дороге, если только сам родственник их шайтан (черт) шутки ради не свернул им обоим шеи где-нибудь в овраге, чему бы я был очень рад, отъела бы поганая чушка им обоим носы и уши для того, чтобы сейчас и самой издохнуть от такой погани! Теперь прощай, шорбаджди, довольно уже я надоел тебе своими речами. Тебе еще остается до Судака ехать не меньше часа, а потому спи себе спокойно: я тебя буду беречь до самого места и только тогда оставлю тебя, когда уже ты войдешь под крышу твоего брата. Припомни, шорбаджи, еще одно мое слове: когда я тебе понадоблюсь для чего-нибудь, скажи об этом вслух так, чтобы это слово услышал хотя бы один какой-нибудь татарин, у которого над верхней губой уже столько волос, что даже в сумерки можно о нем с уверенностью сказать, что это не переодетая женщина. В таком случае, поверь, слово твое, сказанное рядом с моим именем, скоро долетит до меня, и где бы ты ни был, я явлюсь сам к тебе, чтобы, как верная собака, беречь тебя от врагов, или, как верный раб, исполнить твое приказание. Прощай, Бог тебе путеводитель!

Когда в ответ на эти слова помещик К. крикнул ему: "Спасибо тебе!" – Алим уже как призрак скрылся в темноте.

Переданный выше факт[25] настолько ярко и подробно характеризует знаменитого татарина, что распространяться о нем еще было бы излишним трудом, который бы только утомил читателя, нисколько не расширив его представление о ставшей уже теперь, полвека спустя, почти сказочной личности Алима.

Но прежде чем продолжать, необходимо оговориться, что все действующие лица последующего рассказа, как и помещик К., давно уже покончили свои расчеты с жизнью и, стало быть, тревожить их вечный сон, называя их действительными именами, было бы вдвойне несправедливо: они, как мертвые уже, "сраму не имут", а живые потомки их и тем больше вправе желать, чтобы о предках их говорили "ant bene, aut nihil" (хорошо или ничего). А потому да будет известно читателю, что при совершенной правдивости факта имена участвующих в нем лиц вымышлены.

Паспорт с особой приметой[26]

Эпизод из жизни знаменитого крымского джигита Алима

Многим из старожилов Крыма еще памятно то, не Бог весть какое далекое, время (лет около 60 тому назад), когда по всему

полуострову от края и до края гремела доходившая подчас до фантастических вымыслов и небылиц тысячеустая молва о подвигах и молодечестве знаменитого тогда татарина-разбойника Алима.

Теперь, конечно, при современном укладе жизни, многое, если не все, из этой молвы могло бы показаться прямо невероятным, но тогда, в виду чуть ли не ежедневно совершавшихся фактов, во многом тождественных с тем, что о похождениях Алима рассказывалось, всему охотно верили и... трепетали.

Разбойник столько же, сколько и рыцарь, головорез и грабитель сегодня, а завтра герой и благодетель, Алим, в конце концов, стал загадкой для одних, существом сверхъестественным для других и грозой для всех и каждого. Его молодечество, доходившее подчас до безумной бравады, граничившая с героизмом отвага, благодаря которой он на глазах толпы проделывал чудеса храбрости, и роль таинственного покровителя бедных и слабых, которым он щедрой рукой восточного калифа раздавал награбленное добро, – все это стяжало ему в татарской фантазии ореол богатыря, борца за народ и за национальную славу. Об Алиме сложились песни, легенды, целый маленький эпос, написаны книги, романы. И даже впоследствии, когда, как солдат, прогнанный сквозь строй и сосланный в Сибирь, он безвозвратно погиб для своей родины, народная фантазия не признала заведомо для всех совершившегося факта и долго еще продолжала прославлять действительные подвиги героя.

Алим на своем белоснежном коне, прибегавшем в нужный момент из чащи лесов на богатырский свист своего хозяина, этот красавецорел, весь в серебре, вооруженный с головы до ног, с гиком и свистом несущийся вихрем по гребням скал, у самого края обрывов, где мог бы пройти только гордый олень да легкая серна, Алим-чародей, не доступный для шашки и пули, продолжал жить и дивить всех чудесами своей богатырской отваги. Алим сослан в Сибирь. Да разве есть для такого орла Сибирь или цепи?! Алим в рудниках? — Это он дался нарочно для того только, чтобы показать свою мощь... Разве не уплыл он однажды на глазах у всех из острога Ак-Мечети (г. Симферополь) на воздушном корабле, в который обратился его конь-товарищ?! Он и теперь под землей пройдет из Сибири прямо в родную Яйлу... Скоро раздастся опять там его молодецкий посвист, пролетит по всем, ему одному только знакомым, пещерам и безднам хребта, донесется до самых верхушек скалистых утесов, разбудит, спугнет всех его младших братьев-орлов, — и откликнется ему из груди леса-отца, из уст нежных гор-матерей могучее стократное эхо!.

Так поет малютке-сыну молодая красавица-мать, и так же, качая в такт белой, как снег, головой, говорил в своей песне-легенде столетний старец Хайдар[27] под заунывно-протяжный аккомпанемент приставленной на ногу скрипки.

Предлагаемый ниже читателям небольшой эпизод из жизни Алима по возможности очищен от всего наносного, от всего неизбежно добавленного к нему фантазией татар-рассказчиков. Таким образом, передается только самый факт в надлежащей последовательности событий, правдивость и точность которого притом удостоверена многими весьма близкими автору лицами, жившими в Крыму в самый расцвет славы Алима и знавшими некоторых из действующих лиц рассказа.

Ι

ЦЕЛЫЙ ПОТОП ослепительно ярких и жгучих лучей солнца обливал в апрельский полдень и море, и горы, и протянувшиеся в необозримую даль по ту сторону гор привольные крымские степи...

Весь обновленный и точно окутанный легкой сверкающей дымкой мир, казалось, дышал ароматными вздохами чудной весны и, нежась в приволье золотого тепла, так и забылся в счастливой дремоте.

В этот момент на нем не могли не затихнуть всякие стоны, всякая грусть, всякие слезы и горе: новые силы и жизнь после долгих и жестких зимних оков всюду били ключом, всюду лились через край, все обновили, все оживили, все возродили к счастью, к свету, к любви.

Целебные струйки этой могучей волны, прокатившись по всему лону земли, не забыли коснуться ни одной былинки, ни одного существа, не оставили сирым ни одного человеческого сердца. Все расцвело, все ободрилось и шумным общим потоком помчалось навстречу весне, навстречу надеждам и грезам о том, что счастье еще не все прожито, что в жизни еще много осталось добра и веселья!.

По живописному откосу Таткары[28] медленно ползла вверх запряженная буйволами простая двухколесная татарская арба. Невообразимый скрип и грохот раздавались на далекое пространство вокруг по всему лесу так пронзительно и так визгливо, что человеку с ухом, не привыкшим к таким обычным для крымских гор звукам, почудилось бы, точно где-то в дебрях ущелий, если не под землей, заработала какая-то адская машина, которая целые века перед тем стояла и ржавела, а теперь вдруг несмазанная пущена в ход и стонет, перетирая глыбы кремней. Но ни один из жителей Таракташа не стал бы думать ничего подобного, потому что еще за версту до встречи с этой машиной-арбой всякий из них уже был бы уверен, что это едет старый добряк Муртаза, владелец двух оглушительных машин, составлявших гордость и славу не только его самого, но и для всего его родного села, Таракташа. Машины эти – арба и давул, который Муртаза нередко в порыве нежности называл своим "правым глазом", известные всем и каждому в околотке и служившие предметами зависти для многих из его обитателей.

"Давулджи Муртаза – самый честный человек во всем Таракташе, – нередко отзывался о нем так даже сам почтенный мулла Яя эфенди Джафар оглу. – Его арба поет громче всех, его давул как гром гремит... Хороший человек".

И мулла при этом глубокомысленно поглаживал свою седую, редкую и несколько клином вперед выдающуюся бородку...

II

ОДНАЖДЫ, недели за две до начала рассказа, на какой-то свадьбе в Таракташе Муртаза превзошел самого себя.

Был момент, когда все три дудки оркестра поднялись вдруг вверх к небу и залились в унисон на несколько секунд такой необычайно высокой и пронзительной нотой, что даже визг целой сотни поросят, головы которых ткнули в мешки, а хвосты немилосердно ущемили между дверями, показался бы перед нею только шепотом счастливого юноши, произносящего в тени развесистого чинара, на берегу тихо гремящего ручейка, перед зарумянившейся белокурой красавицей первые клятвы любви!.

Фурор дудок был огромный. Пока длилось это знаменитое adagio, все невольно притихли. Притих и Муртаза, сам артист и сам великий ценитель хорошей музыки... Но в эту именно минуту артистический экстаз охватил вдруг и Муртазу: он захотел показать и себя. Да и в самом деле, что такое какието несчастные дудки в сравнении с его, Муртазы, божественным инструментом, давулом?! Пусть же узнают все, кто только есть тут на свадьбе..., пусть узнает весь свет, что эти самые дудки, которым сейчас все так удивлялись, – гной и пыль по сравнению с его "правым глазом", ничтожные, жалкие палки...

Едва эти мысли промелькнули в голове Муртазы, как уже правая рука его, вооруженная главной молотком-палкой, взвилась над давулом и тяжело опустилась. Раздался точно удар грома, заставивший всех оглянуться. Вслед затем рука замелькала так быстро, что стало казаться, будто их у него десять. Загремел, застонал, заревел славный давул, оглушая всех, удивил целый свет! Замолчали все... Так может греметь только гром во время самой сильной грозы... Вой тысячи грешников, когда их посадят в адский котел с кипящей смолой, верно, не будет громче того, что сделал Муртаза на своем благородном давуле.

И вдруг после самого большого напряжения звуков давул внезапно смолк... На Муртазу со всех концов двора посыпались похвалы. Если фурор дудкистов, теперь, впрочем, уже всеми забытый, был велик, то фурор Муртазы был колоссальным: давул уничтожил дудки, стер их, затоптал в грязь, обратил в гной!

Трое музыкантов Нурла Барабатыр оглу, Мустафа и Кая-Тулумбаш, исполнивших adagio на дудках, позеленели от зависти... и решили наказать старика Муртазу: сообща отнять у него этот ненавистный давул и сжечь его, чтобы от него остался только пепел и прах...

Арба Муртазы едва ползла в гору. Истомившиеся от жары и очень длинного подъема буйволы едва передвигали ноги...

Благодаря ужасному скрипу и визгу своей певучей арбы он и не расслышал раздавшегося вдруг впереди него по дороге топота быстро скачущей лошади, и только когда вдали между деревьями показалось облачко пыли и мелькнуло что-то белое, старик прищурился и стал всматриваться. Вот это белое мелькнуло опять и опять, все ближе и ближе, и, наконец, Муртаза увидел, что из-под начинавшейся уже недалеко впереди тенистой аллеи вылетел во всю прыть молодецкого карьера какой-то всадник и, невзирая на крутой спуск дороги, продолжал быстро мчаться навстречу.

Удивленный такой неестественно бешеной скачкой с горы, музыкант забыл о своих буйволах и о благодетельном острие палки, а потому и животные, переставши ощущать эти — нужно-таки признаться — препротивные доказательства хозяйского внимания, сочли вполне резонным немедленно же стать, тем более что в этот момент на них освежительно пахнул приятной прохладой неизвестно откуда сорвавшийся ветерок. Теперь скрип прекратился, и только явственно раздавался богатырский топот белоснежного коня.

Любуясь издали бесстрашным всадником, Муртаза однако не удержался, чтобы не покачать головой и при этом сказал, думая, что его услышит спавший между давулом и плетенкой арбы внук:

– Этому человеку, видно, совсем не жаль ни своего коня, ни своей шеи. Так скакать с горы может только тот, кто или черта хочет поймать, или сам от него уходит... Абла! Если ты хочешь увидеть неразумного ездока, тебе не нужно будет идти его разыскивать: он сам скачет к тебе...

А всадник тем временем продолжал бешено мчаться навстречу арбе. Еще несколько секунд – и он, поравнявшись с буйволами, вдруг на всем скаку остановился, как вкопанный. Дед с внуком от неожиданности такого аллюра даже вздрогнули. Врывшись передними копытами в землю, чудесный белый конь всадника почти сел на задние ноги. Красивая голова животного с раздутыми ноздрями и огневым выражением больших умных глаз, украшенная сияющей на солнце богатым серебряным набором дорогой уздечкой, могла бы служить моделью для самого взыскательного художника. Конь был весь в мыле, и каждая жилка его, сквозившая через тонкую белоснежной масти кожу, казалось, била и трепетала огнем и силой.

Но и конь, и седок одинаково могли поспорить красотой и богатством наряда.

Муртаза не даром подумал, что это какой-нибудь из самых знатных владетельных беев. В этом убеждали его и изящный костюм всадника, сделанный из дорогого темно-синего сукна и обложенный в несколько рядов настоящим золотым шнурком, и целая масса каких-то горевших на солнце серебряных украшений, которыми сплошь был усыпан весь перед его казакина, и золотой верх его дорогой каракулевой шапки, и расшитое такими же шнурками черкесское седло с кованными серебром луками и серебряными же стременами, на котором так легко и красиво сидел всадник.

III

ДОБРОДУШНЫЙ СТАРИК, проживший всю свою безмятежную жизнь в дебрях гор и ничего почти не видавший кроме таких же, как и он сам, татар-бедняков, и не подозревал, что каждое из этих многочисленных украшений заключало в себе две верные смерти для встречных, если бы того пожелал этот красавец-бей. Вообще и всадник, залитый весь в серебре, и белоснежный конь его в таком же богатом уборе появились так неожиданно и представляли из себя такое дотоле еще не виданное зрелище, что старый давулджи и его внук с нескрываемым изумлением уставились на незнакомца и даже позабыли ответить на первое его приветствие.

Между тем всадник вторично уже прикоснулся слегка рукой ко лбу и вместо обычной в этом случае фразы сказал:

- Нет Бога, кроме Аллаха...
- И Мухаммед пророк его, поспешил ответить старик.
- Старик, сделай мне великое добро ради самого Аллаха и святой бороды его пророка.

Услышав такую речь, Муртаза невольно изумился.

– Мне ли, ничтожнейшему комку грязи и последней из самых малых козявок, тысячи которых твой конь давит ногами на дороге, делать какое-нибудь добро тебе, богатый и знатный бей?!. Ты, верно, захотел посмеяться над стариком Муртазой, но для этого не стоило ломать ноги своему коню и терять время, чтобы остановиться около моей арбы.

- Ты много говоришь, старик, перебил нетерпеливо его речь незнакомец, потому что, верно, долго сидел молча... Времени у меня, твоя правда, очень и очень немного, и каждая лишняя минута может стоить мне... при этом всадник запнулся, но вслед за тем продолжал: Дороже, чем тебе твои слова, а потому отвечай скорее, хочешь ли ты ради самого пророка сделать мне великое добро или нет?
- Что же я могу для тебя сделать?
- Скрыть меня сейчас же от тех, которые за мной гонятся и которые будут здесь прежде, чем твои буйволы успеют дойти до "Целуй-фонтана"... Конь мой скоро упадет от усталости, потому что я на нем скачу так, как скакал, уже слишком долго, а он мне дороже себя самого... Он мой верный товарищ, но теперь его помощь невозможна. Спасая себя, если я сойду с него теперь и скроюсь куда-нибудь, я спасу и его.
- Но куда же я скрою тебя, бей?
- Твой давул, верно, не насыпан доверху деньгами? спросил незнакомец.
- Твоя правда: он так же пуст, как и карман мой!
- Можно ли его открыть с одной стороны?
- Обруч, на котором натянута кожа, снять так же легко, как и мою шапку.
- Скорей же снимай его, крикнул всадник и в то же время легко и красиво спрыгнул с седла.
- А коня твоего мы привяжем к арбе?
- Ты делай добро мне одному, а конь сам о себе подумает, говорил незнакомец и, подняв кверху оба стремени, связал их над седлом так, чтобы они не болтались. Затем, укрепив слегка поводья уздечки около передней луки седла, бей потрепал как-то особенно своего коня по шее и левой передней ноге, свистнул каким-то особенным свистом над его левым ухом и два раза хлопнул в ладоши.

Благородное животное насторожило уши, издало негромкое ржание и вдруг прыгнуло к самому краю дороги налево, на секунду остановилось там, живописно подняв вверх свою красивую головку, потянуло в себя раз другой воздух и, выпрямив передние ноги, стало осторожно, как человек, спускаться вниз по густо заросшему ореховыми кустами откосу горы.

Изумленный донельзя старик не знал, что и думать. Он уловил при этом взгляд незнакомца, каким тот смотрел на своего коня несколько секунд, пока животное стояло на самом краю откоса. Взгляд этот был так же нежен и ласков, как и взгляд матери на своего ребенка, который, покачиваясь в стороны и разводя ручками, старается сделать первые шаги.

– Хорошо, товарищ... Огъур Алла![29] – сказал вполголоса незнакомец, когда лошадь его скрылась совершенно в густой чаще откоса и, повернувшись к арбе, прибавил: – Что же ты, старик, не открыл еще давула?

Муртаза спохватился. Он немедленно сбил концом главной молоткапалки обруч с кожей с одной стороны давула и приподнял крышку настолько, чтобы всадник мог пролезть в середину.

- А кто ты такой, бей? спросил Муртаза, пока незнакомец влезал в отверстие кадла[30].
- Не все ли равно тебе, кто я? Пусть я буду Тавшан-бей[31] для тебя.
- Тавшан трусливое животное, а ты не трусил, когда скакал как вихрь с горы и знал, что каждую минуту можешь сломать свою молодую шею, резонно возразил Муртаза.
- Нет, я пока тавшан, потому что и я, как заяц от собак, убегал от тех, которые охотятся на меня и мчатся недалеко сзади. Закрой меня хорошенько, и, если ты уже меня приютил, помни, что я гость для тебя...
- Ты, бей, вероятно, не рассмотрел второпях моей седой бороды и не заметил, что я много старше тебя, потому что хочешь учить меня, как ребенка, с гордостью сказал старик.

Прости меня, добрый старик; я вовсе не думал тебя обижать, а только хотел быть спокойным за свою свободу.

– Старый Муртаза в своей жизни, верно, сказал столько глупых слов, сколько звезд на небе, но он не сделал еще ни одной подлости... Ты просил меня сделать тебе добро, а не предать тебя врагам, которые, верно, завидуют твоему коню и твоему богатству и гонят тебя перед собой, как собаки зайца.

Незнакомец между тем окончательно поместился в кадле давула, и Муртаза слегка прикрыл его снова обручем с кожей, но так, что с одной стороны осталось небольшое отверстие.

- Закрой совсем, закрой, ради Аллаха, просил неизвестный.
- Нельзя... Ты задохнешься, если закрыть совсем обруч, а если и не задохнешься, то потеряешь слишком много поту и будешь как шапка после долгого проливного дождя: жаль твоего дорогого наряда, испортится!
- Ничего, добрый старик, закрывай наглухо... Потерять даже целое ведро пота и испортить даже десять раз по десяти таких нарядов, как этот, в тысячу раз легче и приятнее, чем потерять хотя бы один час свободы. Закрой непременно, а то мои собаки почуют запах зайца, когда поравняются с твоей арбой.

Старик стукнул несколько раз по краям обруча, и после этого никому бы даже и в голову не могло прийти о таинственном содержимом давула, который принял свой обычный вид...

Прошло с четверть часа, пока буйволы добрались до начала аллеи. При въезде под тень нависших над дорогой вековых деревьев буйволы пошли веселее, а Муртаза сейчас же заметил, что в полуверсте от него, на самом повороте около "Целуй-фонтана", едет довольно быстро человек верхом.

Старик, не оборачиваясь назад к давулу, сказал:

– Сус, тавшан!. О яна бир копэк гезей!..[32]

Оказалось, впрочем, что это была не "бир копэк", т. е. не одна собака, а вернее "беш копэк", т. е. пять собак, потому что вслед за первым всадником, ехавшим впереди, мчались еще четверо верховых.

ΤV

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО МИНУТ наступил и самый решающий момент, потому что передовой всадник поравнялся с арбой и, придержав коня, сделал Муртазе знак остановиться.

Муртаза провел палкой по спинам буйволов спереди назад, и буйволы, прекрасно понимая значение этого приятного для них всегда, а в особенности в жару, приглашения, немедленно же остановились.

Встретившиеся узнали друг друга.

Перед арбой Муртазы сидел на лошади капитан пограничной стражи из Судака, давно уже живший на кордоне в трех – четырех верстах от Таракташа и знакомый всем окрестным татарам. Он часто бывал приглашаем ко многим из них на свадьбы в качестве почетного гостя и хорошо также знал Муртазу и его знаменитый давул. За ним следовали верхом четверо из его кордонных солдат.

- Здравствуй, Муртаза, сказал капитан.
- Добрый день, шорбаджи...
- Ты встретил кого-нибудь на пути?
- Твоя правда, шорбаджи: в 2 верстах от дома встретил нашего муллу Яяэфенди Джафараоглу, который ехал домой, а откуда, какое мне дело знать? Ведь я не женщина!.
- А на белом коне верховой не ехал?
- Ах, правда, правда, шорбаджи, и благо коня видел... Только это не конь, а птица, должно быть, потому что он не бежал, а летел. На нем сидел какой-то бей, верно, сумасшедший: он или сам хотел черта поймать, или думал, что его черт хочет поймать. Так скакать, как этот бей скакал с горы на своем коне, может только заяц, когда его гонят собаки... Не дай Бог!. Если он после встречи со мной не поехал тише, то, вероятно, и ты еще, шорбаджи, увидишь его, но только уже не на коне, а на дороге с разбитой головой... Он совсем сумасшедший или, может быть, только глупый, как последний эшек[33], говорил добродушным тоном Муртаза, вынув тем временем из кармана подаренный ему у Асана на свадьбе новый кисет и медленно набивая себе трубку...
- Куда же это верховой поехал? спросил капитан в раздумье.
- А как я могу знать? Ехал по той же дороге, по которой и я еду, только я еду вперед, а он скакал назад. Может быть, в Таракташ, может быть, в Судак, а может быть, к тебе, шорбаджи, на кордон.

Ну, ко мне-то, положим, он не поедет, – усмехнулся капитан и, повернувшись на седле к стоявшим в ряд солдатам, приказал:

- Ты, Рябой, с Мастанюком поезжайте с поворота в объезд до Отузской дороги и там прямо в Таракташ, а вы два за мной, на Айсавы... Да если, братцы, где-нибудь наткнетесь на него, шельму, то, как только будете на выстреле, стрелять прямо в коня!. А угодите и в него самого – не беда!
- Слушаюсь, ваше благородие, гаркнул молодецки несколько выдвинувшийся вперед молодой красивый солдат, которого капитан назвал Рябым, но лицо которого вопреки такой незвучной фамилии было чистое, без единой рябинки.
- Ну, прощай, Муртаза, сказал капитан, тронувши поводья своей уздечки.
- В добрый час, отвечал музыкант и немедленно же угостил своих буйволов целой порцией самых внушительных шпигований. Арба снова пронзительно запела.

Только доехав до фонтана, старик освободил своего пленника из давула, убедившись предварительно, что от преследовавших этого загадочного незнакомца уже, как говорится, и след простыл, и что ни с той, ни с другой стороны дороги никого не видно.

Тавшанбей не заставил себя упрашивать выйти из того весьма не просторного помещения, в котором ему пришлось просидеть около трех четвертей часа, согнувшись в три погибели: от духоты и недостатка воздуха он был весь мокрый и, с жадностью потянув в себя ароматную прохладу аллеи, он прежде всего приложился к губам одинаково для всех ласкового, хотя и каменного лица фонтана и долго не мог оторваться от этого оригинального поцелуя.

Утолив жажду и придя окончательно в себя, незнакомец приказал Абле отойти в сторону, и когда мальчик удалился настолько, что не мог слышать его слов, сказал старику:

– Ну, Муртаза, пусть Аллах благословит тебя за твое добро. Ты поступил со мной как отец, пусть же и я, сделаю для тебя так, как обязан сделать благодарный сын... Прикажи мне, что считаешь нужным, и ты увидишь, что и для меня не понадобится тупить нож, срезая с дерева те самые палки, которые не понадобились для твоего внука.

- Я тебе, бей, ничего не сделал и тебе не за что благодарить меня. А если мой давул помог тебе укрыться от погони, так ведь и Коран всем одинаково строго велит не оставлять путника в дороге без помощи.
- Тогда прими от меня, старик, в благодарность за твою доброту вот это, сказал бей и уже приподнял полу своего казакина на яркокрасной шелковой подкладке, направляя руку в карман шаровар, но Муртаза опять остановил его:
- Зачем ты, бей, уже вторично сегодня оскорбляешь меня? Ведь ты же сам сказал, что считал себя моим гостем, а теперь хочешь платить мне, как содержателю хана[34], за постой! Ты сам мусульманин, а как будто не знаешь, что взять с гостя деньги за угощение или услугу хуже грабежа на дороге! Или, может быть, тебя побуждает к тому моя бедность? Тогда знай, пожалуйста, что и я, бедняк, имею такое же право быть гордым, как и ты, богатый и знатный бей... Священная луна одинаково ясно отражается и в море, когда оно по ночам бывает спокойно и гладко, как стекло, и в нескольких каплях воды на дне деревянной чашки, из которой хозяин ее один раз в день ест горсточку пилава.

Эта простая речь старика окончательно смутила незнакомца. В ответ на нее Тавшан-бей только коснулся рукой его плеча, а потом, приложив руку к груди и голове, сказал:

- Ты, старик, много умнее меня, и потому прости меня за мою глупость, но поверь, что я вовсе и не думал обижать тебя. Я тебя прошу только, чтобы ты не забыл обо мне в тот день, когда тебе понадобится какая-нибудь услуга или помощь, и ты сам тогда не пожалеешь об этом.
- Кто же ты такой, бей, и как твое имя?
- Зачем тебе знать это теперь? Я хочу сказать тебе свое имя только тогда, когда вместе с именем ты узнаешь и то, что я умею быть благодарным за всякое сделанное для меня добро, а теперь пока называй меня Тавшан-беем.
- А как же мне найти тебя, не зная твоего настоящего имени?
- Найдешь ты меня на том самом месте, где мы с тобой расстаемся, т. е. здесь, около "Целуй-фонтана": каждую пятницу я провожу в этих местах; употребляя праздничный отдых на свидание с теми, кому я могу быть нужным. И если ты пожелаешь увидеть меня, ты только привяжи к длинной палке лоскут красной материи и выставь эту палку на верхушке вон того старого дуба; влезть на него так же легко, как и взойти по лесенке на вышку минарета мечети. Не пройдет часу, и ты услышишь недалеко от себя громкий свист; хлопни тогда три раза в ладоши, и еще через минуту я уже буду стоять около тебя. А если бы, чего почти никогда не бывает, на зов твой в течение часа ты не услышал ответного свиста, тогда уж не жди меня в эту пятницу и приходи в следующую. Но помни одно условие: ни теперь, ни потом ты никому не должен сказать ни слова о нашем свидании. Я тебя, Муртаза, прошу хранить эту тайну, потому что имею очень, очень много врагов.
- Об этом никто никогда не узнает, успокоил его давулджи.
- Отдай же, пожалуйста, эту монету своему внуку Абле за то, что пчела не кусала его языка в то время, когда около арбы стояла погоня, и пусть Бог даст тебе увидеть, как Абла будет дарить своим внукам много таких же монет.

Тавшан-бей подал Муртазе серебряный рубль и, прежде чем старик успел сказать что-нибудь на это, он прыгнул в обрыв и, раздвинув густой куст орешника, исчез.

Муртаза удивленно покачал головой и не мог не произнести вслух обычной в подобных случаях фразы: "Один только Аллах всеведущ!"...

٧

ПРОШЛО ЕЩЕ около двух недель. Свадьба богатого мурзы Мамут-бея окончилась уже три дня тому назад, и Муртаза возвращался домой из Бахчисарая.

Мамутбей сдержал свое слово и отблагодарил музыканта действительно по-княжески: в награду за оглушительную звучность своего давула Муртаза, не в пример прочим, получил хорошего молодого коня из табуна бея и теперь вел его домой, привязав сзади к арбе и то и дело оглядываясь на свое драгоценное приобретение. Тем временем наступила уже такая жара, что ехать днем на буйволах почти не было никакой возможности: несчастные животные так страдали от зноя, что никакие шпигования иглой не были в состоянии заставить их двигаться под жгучими лучами солнца.

Поэтому Муртаза ехал назад только по ночам, предоставляя своим буйволам целыми днями лежать в прохладе реки или лужи, а коню в это время – пастись около места стоянки, благо свежая весенняя травка еще не успела пожелтеть и выгореть в особенности около воды и под тенью деревьев леса.

Было часа три ночи, когда Муртаза, оглашая горы раздирающим душу скрипом своей арбы, подъезжал к тому же самому "Целуй-фонтану". Абла сладко похрапывал, растянувшись на свежем душистом сене и выставив вверх лицо, которому теперь не грозила уже назойливость оводов и мух, способных не дать покоя даже такому заведомо равнодушному к их нападениям соне. Буйволы, чуя приближение дома, шли дружно и скоро по знакомой дороге, и Муртазе теперь уже вовсе не было надобности в ненавистной для них ореховой палке с иглой, а потому и он, облокотившись о давул, дремал, раздумывая обо всех недавних событиях и предвкушая удовольствие обрадовать свою старую жену полученным от Мамут-бея дорогим подарком...

Муртаза уже миновал поворот "Целуй-фонтана" и почти половину аллеи, когда случилось нечто совершенно неожиданное.

Буйволы вдруг бросились направо к горе и встали, а привязанный сзади конь, захрапев, шарахнулся в сторону и, натянув повод, которым он был привязан к арбе, едва не опрокинул ее. В тот же самый момент из темноты раздалась грозная команда, произнесенная каким-то неестественно грубым голосом на татарском языке:

- Стой! Буду стрелять!

Старик машинально выскочил из арбы и остановился на месте, ошеломленный неожиданностью нападения. Впереди на дороге обрисовывался силуэт всадника, державшего перед собой что-то длинное, очевидно, ружье. Там, где нападавший стоял, от просвета между двумя деревьями протянулась поперек дороги более ясная полоска и потому фигура всадника, освещенная мерцанием звезд, особенно рельефно выступала из окружающего ее мрака и казалась такой необычайно большой и грозной, что бедному давулджи поневоле сделалось жутко.

Но даже первый испуг не мог сравниться с охватившим Муртазу ужасом, когда вслед за тем из темноты загремел опять голос гиганта:

– Не двигайся никто с места... Кто шевельнется – застрелю, как собаку, или зарежу, как барана!. Я – Алим!

Слова замерли на губах Муртазы: он затрясся всем телом; в висках его стало стучать точно молотом. Одного страшного имени "Алим" было достаточно для того, чтобы прийти в ужас. Хотя старик в целой массе ходивших об этом полуфантастическом существе самых невероятных рассказов и слышал, что Алим бедняков не трогает, что будто бы даже он им помогает деньгами, но... он "Алим", и этого вполне достаточно, чтобы у каждого, перед кем он встал на дороге в такую темную ночь, выступил холодный пот.

Муртаза успел только шепнуть вскочившему вместе с ним внуку Абле одно слово "спрячься" и затем беспомощно ждал решения своей участи. Абла поступил лучше: он не заставил уговаривать себя, а сейчас же пополз от арбы к обрыву, и, пока дед дрожал при последовавшей затем беседе с разбойником, мальчик уже был далеко от дороги и там, в обрыве, прижавшись к толстому дереву, сидел ни жив ни мертв в темноте, не различая слов и слыша сверху только какие-то неясные звуки.

- Что тебе нужно, добрый человек, от меня? произнес Муртаза упавшим голосом.
- Отдай деньги!
- Какие у меня могут быть деньги?! Я бедняк-давулджи, а не богач, у которого есть деньги... У меня, кроме давула и лысины, нет ничего, лепетал Муртаза.
- На твоей лысине пусть шайтан потрошит чушку! сердито закричал разбойник. Что ты мне городишь чушь?!
- Пусть потрошит, если тебе это угодно, добрый человек, произнес смиренно старик, не желая противоречием раздражать разбойника.
- Ты не бедняк, а старая лисица, с которой давно уже нужно содрать шкуру, а тело бросить собакам! гневно ревел гигант. Отдай деньги, если не хочешь, чтобы я их сам взял у тебя, произнес неумолимый всадник, и в темноте можно было различить, что он сделал угрожающее движение ружьем.
- У меня есть только несколько грошей.
- Лжешь, старый плут... Ты, верно, заработал теперь там, откуда едешь... Давай сюда все, положи на землю около арбы.
- Я не получил от бея, на свадьбе которого играл, денег, клянусь пророком!
- Что ж ты даром играл, хитрая торба?
- Он мне дал вместо денег коня, сказал Муртаза и обомлел при мысли, что разбойник может отобрать у него это сокровище.
- Убирайся вон от арбы, старая ворона, если не хочешь, чтобы я выпустил из тебя кишки! загремел всадник и двинулся вперед.

Муртаза побежал в гору почти до самого фонтана и там упал в изнеможении от волнения и страха на землю. Кругом все было тихо, только струйка воды едва слышно журчала, сбегая по ложбинке вниз сбоку дороги...

Загоралось утро. Когда прояснилось совсем, Муртаза поднялся с земли. Взглянув вниз по дороге, старик обомлел: вдали стояла его арба, буйволы лежали на земле, но около них не было коня... Разбойник увел его! Муртаза побежал. Под впечатлением первого горя он и не заметил издали, что конь — не единственная пропажа, и, только добежав до арбы, он увидел, что вместе с конем исчезло и другое его сокровище, его "правый глаз", его знаменитый давул! Старик был ограблен не только на сегодня, но и на целую жизнь, потому что никакой другой давул, конечно, не будет в состоянии заменить для него незабвенный пропавший инструмент!

Этого уже было слишком для бедного музыканта, и он, облокотившись на плетенку арбы, неутешно и горько заплакал...

Такого несчастливого дня, как это праздничное утро пятницы, Муртаза еще не переживал. Час тому назад он был спокоен и богат, теперь – он ограбленный бедняк. Даже конь не так огорчал его, хотя и эта потеря была тяжела; но давул, его верный давул; его товарищ, с которым он жил неразлучно всю свою жизнь, который был частью его собственного существа, – эта потеря была невосполнима. Слезы градом лились из глаз старика; он всхлипывал как дитя, и, только когда Абла, вылезший, наконец, из засады и увидевший, что дед стоит около арбы и плачет, также заревел вдруг навзрыд около него, – старик поднял голову и пришел в себя.

Он выплакал уже первую жгучую боль горя; теперь оставалось одно тупое страдание.

Но вот какая-то мысль озарила его. Он заставил подняться лежавших буйволов, поворотил их с арбой назад и поехал к фонтану.

Остановившись там, он спустился в обрыв к ореховому кусту и вырезал самую длинную палку. Сняв затем с себя свой красный пояс, он расправил его, как мог, руками и, обмотав один конец палки, завязал узлом так, чтобы концы висели.

Абла удивленно смотрел на все это, не понимая, что делает дед.

- Что ты делаешь, дед? - спросил мальчик.

– Хочу попробовать помочь нашей беде, – ответил тот и приказал внуку влезть на самое большое дерево и привязать палку на верхушку своим очкуром так, чтобы флаг был виден.

Мальчик поспешил исполнить приказание деда. Пока внук работал на дереве, Муртаза, совершив около фонтана обычное омовение, помолился. Через несколько минут над деревом уже заполоскался по ветру укрепленный там мальчиком флаг. Старик тем временем, окончив молитву, освободил из ярма буйволов, напоил их из чашки фонтана, пустил на гору около дороги пастись, а сам сел на краю обрыва и задумался.

Придет ли Тавшанбей? Десять дней тому назад он на этом самом месте расстался с ним, отказавшись от денег, которые тот хотел ему дать. Сегодня, к счастью, пятница; значит, он должен быть здесь, вероятно, близко... А может быть его нет? И если даже есть, если он придет, чем он может помочь ему в его великой беде? "Нет, верно, он не придет", подумал старик и... вдруг радостно вздрогнул.

Откуда-то недалеко сверху раздался пронзительный свист. Старик вскочил со своего места и три раза громко хлопнул в ладоши.

Прошло еще несколько минут. С горы над самым родником послышался треск сухих сучьев, и вслед затем перед обрадованным Муртазой уже стоял тот же самый красавец Тавшан-бей, но только в другом совершенно наряде. Он был в черном атласном костюме, богато расшитом серебряными шнурками; на голове был надет маленький красный фес с серебряной же кисточкой; стан его перетягивал дорогой кованый пояс, за который был заткнут длинный кинжал в серебряных с чернью ножнах, с ручкой, осыпанной крупной бирюзой.

И Тавшан-бей видимо обрадовался увидеть Муртазу.

- Это ты, старик, сказал он, здороваясь с ним. Хвала Аллаху, что он привел меня опять увидеть тебя. Послушный сын ждет твоего приказания, говори!
- Знатный бей, ты сам велел мне позвать тебя, когда со мной случится какая-нибудь беда, произнес Муртаза печальным голосом.
- Могу поклясться бородой пророка, что я это сказал и хотел этого.
- Со мной случилась великая беда.
- Нет такой беды, кроме смерти, которую нельзя было бы поправить! Значит, твоя беда не беда, а пустяк.
- Когда режут зайца сороке не больно: тебе пустяк, мне беда, продолжал Муртаза, и на глазах его опять выступили слезы.
- Так говори же, старик, не теряя времени: ты не пожалеешь о потраченных словах.
- Меня сейчас обидел Алим...
- Что ты сказал? Кто тебя обидел? крикнул бей удивленно.
- Алим. Он меня ограбил.
- Алим?! Как Алим? Какой Алим?!
- Тот самый, о котором говорили, будто он трогает только гяуров, да и то не всех, а только скупых богачей, а я говорю, что он просто вор, который готов содрать кожу с последнего из бедняков...

Густая краска залила лицо Тавшан-бея при этих словах старика. – Да что же тебе сделал этот Алим? – вскричал он нетерпеливо.

- Он час тому назад ограбил меня, забрал у меня коня, которого мне подарил за игру Мамут-бей.
- Алим ограбил тебя?! удивлялся незнакомец. Тебя, старика? И как ты знаешь, что это Алим? Ты его когда-нибудь раньше видел?
- Остановив меня, он сам крикнул: "Я Алим!", и грозил зарезать меня, как барана... Потом он ограбил меня, сделав меня несчастным, потому что кроме коня он украл у меня мой правый глаз, мой давул, тот самый давул, в котором и ты скрылся тогда от своих врагов...
- Давул?! Да на что ему давул? говорил бей, видимо пораженный словами Муртазы.
- Аллах только один всеведущ... Спроси волка, зачем он, когда ворвется в кошару, душит десятки овец; но уносит только одну? Это потому, что он волк, и Алим так сделал, потому что и он такой же волк... Я же теперь осиротел на старости лет, жалобно произнес старик, и слезы опять покатились по его седой бороде.
- А куда поехал тот Алим? быстро спросил бей.
- Под гору вниз, а куда разве я знаю?
- Ну, так вот что, старик: сиди здесь и жди, пока я опять не приду к тебе, а я приду раньше, чем солнце станет спускаться. А когда я приду, беда твоя уже не будет бедой... Ты сам увидишь, что я не говорю на ветер пустые слова.

И вслед за тем незнакомец приложил два пальца ко рту. Раздался двукратный пронзительный свист, окончившийся какою-то особенною трелью. Затем он сложил руки на груди и стал ждать, глядя вверх по дороге!

- Скажи мне еще, Муртаза, спросил он старика, какой на вид этот Алим? И как он был на коне или пеший?
- Он сидел на коне, а какой он на вид и какой у него конь, я не могу сказать: ночь и страх совсем затемнили мои глаза.
- Ну, все равно... Я сам это увижу... Мой глаз не боится ни ночи, ни страха.

Тавшанбей еще не кончил этих слов, как по дороге послышался топот. Через минуту Муртаза увидел того самого белоснежного коня, на котором скакал с горы незнакомец при первой встрече с ним. Благородное животное неслось на зов своего хозяина как самый верный товарищ и друг, и, добежав до него, остановилось.

Тавшанбей опустил стремена, которые были связаны под седлом, и, вскочив на коня, крикнул Муртазе:

– Смотри же, старик, ожидай меня здесь непременно: я скоро вернусь.

Конь взвился под ним, и всадник скоро скрылся из вида.

Солнце только что начинало припекать, поднявшись из-за горы довольно высоко над лесом.

Абла сидел недалеко от дороги под тенью старого дуба и мастерил из куска бузины длинную дудку, которой он думал возбудить неописуемую зависть всех своих приятелей-мальчишек в Таракташе. Буйволы паслись тут же, недалеко, по склону горы, пока еще не было жарко.

Муртаза, уставший душою и телом, спал на своей арбе около фонтана.

Вдруг его разбудил раздавшийся над ним веселый голос Тавшанбея.

– Вставай, Муртаза... Беда твоя уже прошла; теперь тебе можно ехать домой.

Старик сейчас же поднялся и в удивлении протер глаза. Перед ним стоял на своем белоснежном коне незнакомец и – о счастье! – в одной руке он держал за длинный повод, сделанный из точно такого же красного пояса, какие дарились на свадьбе у Асана, его пропавшего коня, а в арбе на краю лежал его бесценный давул. Старик даже вскрикнул от радостного удивления.

- Дай Бог тебе счастья, бей! сказал он, любовно осматривая свой давул. Ты меня, слепого, опять сделал зрячим.
- Вот тебе, Муртаза, твой конь и давул, а так как теперь не я гость, как тогда, а ты мой, и гостю сделать подарок Коран не запрещает, то вот тебе еще и маленький подарок, который вознаградит тебя за пережитое горе.

И он бросил в арбу плетеный из толстого шелка кошелек в виде длинного и с обоих концов глухого мешочка с прорезью посередине и двумя кольцами, наполненный серебром: с одной стороны рублями, а с другой мелкой монетой.

Старик так был поражен всем происшедшим и этой неожиданной сменой горя на радость и нищеты на богатство, что не мог ничего сказать. Он только развел руками и невольно поднял глаза к небу.

А всадник между тем продолжал:

– Вот тебе еще и это... – он подал Муртазе, наклонившись к нему с коня, какой-то маленький предмет, завернутый в тряпку. – Разверни его и посмотри.

Муртаза машинально исполнил требование всадника.

Но, развернув тряпицу, он вскрикнул от ужаса: в руках его очутилось... запачканное кровью человеческое ухо!

Изумлению старого давулджи, казалось, не было границ: он уставился на всадника и только хлопал глазами, не будучи в состоянии сообразить, что с ним происходит.

– Ты удивляешься, старик? – сказал наконец тот. – Так слушай же: это примета, по которой всякий пусть отличит каргу от орла! Вот ты недавно сказал, будто Алим – вор, готовый содрать кожу с бедняка... Это не правда. Алим, настоящий Алим – брат орлов и сын этих гор, Алим, который имеет такого коня, как этот, словом, Алим подлинный, а не ложный, не вор и бедняков не обижает... Напротив: сотни их прославляют имя Алима и молятся за него Аллаху, потому что этот Алим кроме добра им ничего не делает... А тот, который только назвал себя Алимом, – не Алим, а поганая собака, которую бы нужно было застрелить, потому что она взбесилась. Я ему уже приказал, чтобы через три дня его духу не было в этих горах и в целом Крыму, и выдал ему от себя паспорт с хорошей и верной приметой, по которой всякий легко и везде отличит его от настоящего Алима. Знай же ты, добрый старик, и пусть знает весь свет, что у Алима-орла, который стоит перед тобой на своем богатырском коне, оба уха на месте, а тот, другой, ворона-Алим, который ограбил тебя, назвав себя ложно моим именем, не имеет одного, правого: вот оно!

С этими словами красавец-разбойник пронзительно свистнул и вихрем умчался из глаз пораженного старика Муртазы.

Давулджи долго еще сидел на арбе с разведенными по сторонам руками, не будучи в состоянии придти в себя от изумления. Он готов был думать, что все происшедшее с ним случилось во сне, но давул, конь и кошелек с серебром, а в особенности это окровавленное ухо с присохшими к нему несколькими волосками, валявшееся у него на коленях, чересчур ясно свидетельствовали о том, что все это – быль, только что им пережитая, хотя и похожая скорее на сказку... Уже и топот Алимова коня давно не был слышен, и пыль, поднятая по дороге его молодецкой скачкой, улеглась, а старый давулджи все еще разводил удивленно руками и качал своей седой головой...

VΙ

ТРИ ДНЯ СПУСТЯ к турецкой качерме, подвезшей из Турции контрабандный табак и шелка и качавшейся на волнах Черного моря в закрытой со всех сторон выступами гор и совершенно пустынной бухточке, верстах в тридцати южнее Судака, ночью подплыла небольшая лодчонка с двумя пассажирами.

Поговорив несколько минут со свесившимся через борт хозяином-турком, один из них стал подниматься на качерму по спущенной вниз до самой воды веревочной лестнице.

Было совершенно темно; по небу неслись черные дождевые тучи. Хозяин судна пошел за фонарем. Дрожащий свет сального огарка

упал на лодку и осветил и ее, и карабкавшегося наверх человека. Теперь можно было разглядеть, что в лодке на веслах сидел отузский дудкист Кая-Тулумбаш, а по лестнице поднимался другой его товарищ Нурла Барабатыр оглу, у которого, вероятно, крепко болели зубы, потому что правая сторона его лица и всей головы была обвязана толстым темным платком.

Когда утром солнце взошло и осветило море и эту бухточку, она уже была совершенно безлюдна.

Только на горизонте, точно крыло белоснежной чайки, мелькал и серебрился небольшой парус...

Другие эпизоды из жизни Алима[35]

Зейнадин-эфенди дает урок

На одном из невысоких холмов, которыми Крымский хребет, в этой части своей, постепенно спускается в глубь полуострова к степи, раскинулась небольшая татарская деревушка Копюрликой, сама по себе не замечательная решительно ничем, кроме разве того, что это была родина прогремевшего теперь по всему Крыму джигита Алима.

Отец его, Азамат, лет 15 тому назад, когда еще этот единственный сын его прочел не более ста стихов из священной книги книг (Коран), выехал со всей семьей из Копюрликоя на землю одного богатого мурзака, в имении которого он нанялся объездчиком.

Учитель Алима, местный мулла Зейнадин-эфенди тогда же пророчески предсказал блестящий удел будущего героя. Когда старый Азамат пришел вместе с Алимом к нему в последний раз, чтобы проститься и поблагодарить за науку сына, эфенди, сидевший в это время, поджав под себя ноги, на плоской крыше своего дома и размышлявший, судя по выражению его лица, о чем-то серьезном и важном, внушительно сказал ему при этом случае между прочим следующее:

– Твой сын, Азамат, завидный сын. Пусть он растет тебе на радость, татарам на пользу и славу. Его сердце – широкое; его глаз – светлый; его голос гудит, как труба, а ум совсем не такой, как у гуся, хотя бы этот гусь был даже так стар, как и я. Но, хотя я уже и полвека смотрю на свет Божий, однако еще никогда не видел и не слыхал, чтобы под одной феской могло помещаться столько упрямства и лени, сколько их есть у него. Если бы понадобилось разделить его упрямство и лень между скотом, то и при самой щедрой дележке запаса его хватило бы на целое стадо ослов и у него самого еще осталось бы довольно. Тебе говорю, Азамат, а ведь ты знаешь, что я не охотник говорить по-пустому: великий прок выйдет из твоего Алима, если ты не забудешь почаще менять одну камышовую трость, когда она обобьется, на другую, потверже. Его голова – тучная нива, а камышовые трости (не нами это сказано) – те же благотворные капли дождя, которые падают скоро после посева на эту самую ниву; чем больше упадет весной этих капель, тем больше насыплется осенью зерен в мешки хозяина нивы. Помни все это, Азамат, хорошо, и потому, непокладая рук, лупи его сам, пусть лупит твоя жена, и поклонись до земли тамошнему мулле, чтобы и тот, уча его премудрости Корана, не жалел, как и я, камыша, ведь камыш по воле Аллаха растет везде и самим пророком предназначен для умножения разума в головах татарчат!

Так напутствовал Зейнадин-эфенди Алима, и потому ли, что ученику его в самом деле были подарены судьбой неординарные духовные силы, или потому, что и в новом месте жительства его камыш рос в таком же изобилии, как и по берегу горного ручейка, сбегавшего с высот около самого Копюрликоя и убегавшего дальше в глубь степи серебристой змейкой, но последствия показали, что этот самый "завидный сын" Азамата стал действительно красой и славой всего татарского населения Крыма.

С тех пор прошло больше 15 лет.

Зейнадин-эфенди успел уже из пепельно-серого, каким он был при прощании с Азаматом, стать совершенно белым, хотя и достаточно крепким еще стариком; но прорицание свое он помнил превосходно, гордился им бесконечно и после всего случившегося настолько уверовал в чудодейственную силу камыша, что давно уже сделал для себя правилом начинать и оканчивать всякое объяснение с любым из учеников не иначе, как вытянувши его по спине и еще лучше по голове (если, конечно, на ученической голове в это время была феска, а не баранья шапка) тростью.

Мулла при этом нередко прибавлял наставительным тоном: "Чем дороже вещь, тем труднее она достается: ум – самое драгоценное из того, что может иметь человек, и потому, если ты хочешь иметь его, ты должен заслужить его ценою многих и многих палок"...

Мулла и теперь сидел на корточках на разостланной у самого края крыши циновке и монотонно читал лежавший на высоком табурете Коран.

Перед ним лицом к учителю сидело около дюжины татарчат разного возраста и в глубоком молчании внимали чтению эфенди. С правой стороны около муллы и настолько близко, чтобы рука учителя свободно могла достать, лежал целый пук камышового тростника, этого благородного и душеспасительного растения, которое, по уверению муллы, самим пророком предназначено для умножения разума в головах татарчат.

Зейнадин-эфенди читал протяжно, громко и без всякой интонации, точно так же, как он привык уже лет сорок по несколько раз в день выкрикивать в положенные часы обычную призывную молитву, трижды обходя при этом круглый балкончик на вышке минарета мечети. От времени до времени, впрочем, старик поднимал глаза от книги и, устремляя их на восток, с вдохновенным видом произносил наизусть "Фатиха", эту вступительную суру Корана[36], которая для мусульман имеет значение нашей молитвы Господней и возможно частое повторение которой (по возможности подряд) считается для всех правоверных одним из самых душеспасительных и угодных Аллаху и Его пророку подвигов.

Зейнадин-эфенди произносил "Фатиха" после каждой прочитанной строчки, и ученики, слушавшие вообще чтение безмолвно, обязаны были, приложив руки к лицу, все в один голос повторять священные слова этой молитвы...

Над Копюрликоем гремит гром

Широко и задумчиво лежат по сю сторону гор в бесконечном зеленом просторе привольные крымские степи. Как-то укутались они в

легкие синие пелены глубокого южного неба, затонули краями в этом безбрежно широком океане мира, пододвинулись на затянутом золотистою дымкой горизонте поближе к солнышку и тихо дремлют, пригретые его ласкающим мягким теплом.

А зеленые степи стоят, как стояли, и дела то им нет до свиста и воплей, что слышатся там, за горами...

Эта именно картина бесконечного простора степей развернулась перед глазами Зейнадина-эфенди, когда он, отпустив учеников по домам и совершив обычное омовение, поднялся на минарет мечети, чтобы произнести оттуда правоверным вечернее славословие Аллаху и его великому пророку (призыв в мечеть к намазу – Р.Ф.).

Мулла в последний раз произнес трижды подряд "Фатиха" и хотел уже спуститься вниз... но в это самое время что-то снова привлекло его внимание к горизонту.

На горизонте показалось какое-то небольшое облачко пыли, которое, в этом уже не оставалось сомнения, довольно быстро подвигалось по направлению к Копюрликою...

Из всего становилось очевидным, что специально в Копюрликой мчится какое-то начальство, т. е. по меньшей мере пристав, а может быть, даже и... сам исправник!

- Алла сахласын![37] - невольно произнес вслух Зейнадин-эфенди, как только мысль об исправнике мелькнула в его голове.

"Чем больше волк, тем он злее и тем больше беды сделает в отаре овец, на которую нападает, – думал мулла, приглядываясь к облачку. – Маленький волчонок унесет одного ягненка из отары, и беде конец, а большой – перережет два десятка овец, прежде чем выберет себе самого жирного барана".

Но облачко было еще слишком далеко, чтобы дожидаться здесь разрешения этой загадки, а жена муллы вот уже чуть не десятый раз выглянула из дверей, и потому Зейнадин-эфенди стал спускаться по крутой и узкой лесенке мечети вниз.

У самых ворот он встретил Селямета, отца любопытного Абибулы, и так как Селямет в этом году служил выборным от татар полицейским в селе, то он остановил его.

- Селямет, беда!
- Когда я слышу твой голос, мулла-эфенди, и вижу тебя на ногах, беды еще нет никакой: ты здоров, отвечал с мусульманскою вежливостью Селямет, почтительно приложив накрест обе руки к груди.

Мулле этот ответ понравился.

- Я знаю, что ты умный человек, Селямет Муслядин оглу, и поэтому то мы и выбрали тебя своим начальником в селе, а все же таки беда идет...
- Ой, беда, ой, беда! засуетился он. Твоя правда, мулла-эфенди, большая беда, очень большая беда!.

Предчувствие не обмануло старого муллу: в Копюрликой мчался не кто иной, как сам исправник, ненасытный и грозный Апостол Ставрович Триандафилиди! И души Зейнадина-эфенди и Селямета Муслядина оглу не даром чуяли, что надвигается гроза, скоро грянет и гром!.

Четверть часа спустя за околицей загремел целый оркестр звонков и бубенчиков и в Копюрликой влетел на четверке взмыленных лошадей, запряженных в небольшую рессорную бричку, сам всесильный начальник уезда Апостол Ставрович Триандафилиди.

Со всех концов за его бричкой мчалось десятка два огромнейших деревенских псов, для которых появление с таким громом и звоном экипажа с четверкой лошадей было настолько необычайным, что собаки метались с неслыханным остервенением...

А бричка тем временем, повернув из боковой улицы в главную, ведущую к пригорку, на котором стояла мечеть, продолжала быстро нестись, направляясь, очевидно, к этому центральному пункту деревни.

Но тут произошло нечто совершенно неожиданное.

Под самым плетнем двора почтенного Зейнадина-эфенди безмятежно спал огромнейших размеров кудлатый пес, облепленный таким неимоверным количеством репейников и колючек, что на первый взгляд трудно было даже сказать, что это за животное. Зарычав свирепо, он шарахнулся прямо наперерез лошадям с такою стремительностью, что, не успев во время увернуться, попал им под ноги и сделался причиною целого приключения.

Пристяжная, испугавшись уже одного неестественно страшного вида этого пса и почувствовав вслед затем у себя под ногами огромное колючее тело, взвилась на дыбы, бросилась на других лошадей, сбила их с дороги, и вся четверня, без того уже разгоряченная быстрою ездой, бешено понесла, закусив удила и не слушаясь более вожжей своего кучера.

Пока дорога поднималась на пригорок, это не представляло особой опасности, но когда недалеко от мечети кучер увидел перед собой довольно крутой спуск по косогору, на котором экипаж неминуемо должен был опрокинуться, он употребил неимоверные усилия, чтобы избежать этого рокового спуска, и четверка, повернув с дороги налево, понеслась прямо через площадку на здание мечети. Через полминуты экипаж с разбега ударился дышлом в стену, а сидевший в нем исправник по инерции стукнулся лбом о голову почти лежавшего на вожжах кучера.

Треск сломавшегося дышла и громкий крик от боли двух против воли пришедших в такое чувствительное соприкосновение голов, – все это смешалось с ожесточенным лаем собак и возгласами бежавших со всех сторон на помощь людей.

На лбу грозного начальника уезда воздвигалась внушительных размеров шишка, и это обстоятельство, в связи со всем происшедшим, разумеется, не обещало ровно ничего хорошего для помертвевших от страха копюрликойцев...

Ямщик с помощью нескольких человек из толпы отпрягал запутавшихся в упряжи лошадей; исправник стоял во весь рост в бричке, ощупывая пальцами лоб и измеряя высоту пока еще розово-красной гули, которой, впрочем, предстояло переменить целый ряд цветов до сизо-шафранно-багрового включительно.

Наступила минута томительного и вместе с тем грозного безмолвия. Наконец буря началась.

- Расстрелять всех собак, крикнул исправник с бешенством, убедившись окончательно ощупыванием, что благоприобретенная им шишка на лбу в настоящее время равняется приблизительно хорошей груше средней величины.
- Архибестии этакие! Распромерзавцы! В кандалы всех негодяев! Выпустили на исправника целый эскадрон псов... Сгною вас, бунтовщиков, в подземельях! Сотру вас, ррракалии, в порошок!. Протобестии! Архишельмы! Я вам, мерзавцам, отолью эту шишку! Выборный! Где мошенник выборный? Подать сюда этого известного негодяя! грозно кричал начальник уезда, вытянувшись во весь рост в бричке и яростно ворочая белками налившихся кровью глаз.
- Я здесь, шорбаджи, пролепетал упавшим голосом Селямет, выдвигаясь из толпы, но держась в то же время на почтительном отдалении...
- Это какие же у тебя порядки, свиная рожа? А?. Это ты так исполняешь службу?! А в каторгу хочешь, шельмец? А сквозь строй, чертово ухо, прогуляться желаешь?! Запорю тебя, бестию, за такую твою службу!

Селямет Муслядин оглу стоял ни жив ни мертв, слушая все эти приятные обещания рассвирепевшего Апостола Ставровича Триандафилиди...

- Чтобы завтра же, мошенник, у тебя в селе не сталось в живых ни одной четвероногой собаки! Повесить всех до одной здесь же недалеко в лесу и не сметь снимать трупов, пока пристав не пересчитает, сколько всех повешено, и не донесет мне подробно!. Слышал, анафема?
- Слышу, шорбаджи, отвечал смиренно Селямет, заранее оплакивая в душе трагическую участь своего черно-пегого дворового пса Алабаша, спасшего его однажды от волка.
- Чтоб духу собачьего не осталось!. Слышишь? И знай, что если хоть одна останется, так я ее повешу сам рядом с тобой, ослиный хвост!.
- Пусть будет так, шорбаджи.
- Смотри же, помни. Да где у вас мулла? Почему он не является?
- Я здесь, шорбаджи, сказал спокойно Зейнадин-эфенди и сквозь расступившуюся перед ним толпу дошел к бричке.
- Ты почему же не являешься, когда начальство приезжает? закричал на него исправник и, не давая ему сказать что-нибудь, продолжал: Бунтовать вздумал?.
- Я молчу, ласковый шорбаджи, потому, что ты ни о чем меня не спрашиваешь; вот я и жду, пока пройдет пена.
- Какая пена? Что ты там городишь?
- Пена твоих слов. Когда буза долго стоит в бутылке на жаре, пробку вырывает, и, прежде чем польется жидкость, которую можно пить, идет одна пена!. Так и ты, шорбаджи: ты разгневался сильно и говоришь теперь такое, на что мне нечего отвечать, и я жду, пока в твоих словах польется чистый напиток.
- Поговори, поговори, старый сыч! крикнул на него исправник. Я и без того давно знаю, что ты хитрый плут и что ты главный бунтарь... Я тебе дам пену, старая лисица! Это кто же сюда эту мечеть поставил? А? По чьему позволению? Поставили нарочно сюда для того, чтобы я себе об нее голову разбил?
- Кто поставил, я не знаю, сказал мулла, но знаю наверняка, что сюда ее поставили не для тебя, шорбаджи, потому что кости тех, кто ставил, уже давно смешались с землей; тебя же знать и иметь в виду они не могли, так как в то время едва ли был уже на свете и твой прапрадед. Я сорок лет тому назад вырезал свое имя одиннадцатым на дощечке в мечети, где записаны все муллы, славословившие в ней владыку Аллаха и его великого пророка, и, значит, мечети этой уже много более двухсот лет.
- Ну, так вот что, сейчас же перенести эту мечеть на полверсты выше в лес, и если к следующему моему приезду она опять будет торчать здесь, то я прикажу ее развалить при себе и камнями этими засыпать тебя, кривую ворону, которая тут каркала всегда... Слышишь? Месяц сроку, знай! А теперь пошел вон и собери сейчас же всех копюрликойцев сюда, потому что я имею объявить всем строжайшее предписание высшего начальства.

Через четверть часа все жители Копюрликоя стояли уже на площадке перед мечетью, и исправник говорил им по-татарски следующее:

– Слушайте, копюрликойцы! До губернатора дошло, что вы неоднократно скрывали у себя своего земляка, родившегося в вашей деревне, душегуба и живодера Алима, голова которого давно уже оценена очень дорого; тот, кто передал бы эту безумную разбойничью голову в руки властям, получил бы столько золота, сколько она сама весит. Так знайте же волю губернатора: если через вашу деревню эта бешеная собака проедет только днем и вы сейчас же не уведомите об этом меня, или вообще кого-нибудь из властей, то десятый из вас будет прогнан сквозь строй и получит по полутысяч палок. А если, чего доброго, вы приютите его хотя бы на одну только ночь, то все, сколько вас тут есть, поголовно уйдете в Сибирь, а имущество ваше будет отобрано в казну. Воля эта будет объявлена и в других деревнях через выборных и мулл, а к вам губернатор приказал мне приехать и объявить самому, потому что вы больше других станете его покрывать, Алим вам ближе, чем всем остальным, потому что он здесь среди вас родился и здесь же покоятся кости его предков. Вам он земляк, а многим из вас даже и родич. А чтоб вы не думали, что это только так, "бош лахырды"[38], вот вам приказ губернатора, написанный на русском, татарском, болгарском, армянском и греческом языках и собственноручно им

подписанный, из которого вы увидите, что он сделает так, как обещает. И горе вам будет, поганые бунтари, если я прослышу, что ктонибудь осмелится нарушить этот приказ: куда бы он после этого ни вздумал бежать, чтобы скрыться, хоть в Турцию, хоть бы и под землю, я ведь разыщу его и заставлю бить палками до тех пор, пока тело его не отвалится от костей, чтобы быть съеденным свиньями. А вся деревня кроме того ответит за этого негодяя, и от Копюрликоя не останется ничего, кроме кучи камней и пепла[39].

Помните это все, старый и малый, передайте всем, кого теперь не было здесь, и не забывайте, что своя голова на плечах только одна и что она дороже сотни тысяч чужих голов. Вот тебе, мулла, эти приказы, прибей их на дверях мечети, чтобы всякий входящий туда мог читать их сам, и ты каждый раз, когда народ будет там собираться, обязуешься непременно читать этот приказ во всеуслышание...

Мулла и выборный стояли в ожидании каких-то особых приказаний начальника.

Наконец, Апостол Ставрович обратился к Селямету и отрывисто произнес:

- Пошел вон!.

Затем Триандафилиди подождал некоторое время, пока Селямет удалился настолько, что уже не мог расслышать дальнейшего разговора и, наконец, понизив еще голос, сказал:

- Сколько твое общество даст отступного за мечеть?

Корова не может дать молока больше того, сколько у нее есть, да и то она еще постарается сохранить хоть часть для своего малого теленка, который иначе издохнет от голода, – отвечал мулла аллегорически.

- Послушай, коршун, перебил его исправник, ты, брат, не виляй со мной... Все равно зубов, брат, мне не заговоришь, а потому отвечай прямо, сколько дадите, чтобы мечеть осталась там же, где она и теперь стоит?
- Дадим, сколько будет по силам, но ведь мы все круглые бедняки, и этот откуп зарежет нас.
- Черт вас не возьмет, а возьмет, так туда вам всем и дорога, рассердился исправник. Чем меньше ящериц, змей и всяких гадов останется на свете, тем лучше.
- А чем же будут сыты тогда карги и другие хищные птицы? спросил простодушно Зейнадин-эфенди.
- Молчать, бунтовщик! крикнул грозно начальник, побагровев от злости. Если ты еще будешь болтать всякий вздор, старая обезьяна, я тебя закую в кандалы и буду держать в подземелье до тех пор, пока ты не сгинешь там. Туда же, лысый осел, вздумал сравнения делать!
- Прости меня, старика, шорбаджи, я сказал по своему простому уму... Не гневайся.
- То-то, болван, смягчился исправник и затем категорически и быстро отрезал: Слушай, мулла, ровно через две недели я выдаю замуж старшую свою дочь за одного важного военного агу... Ты понимаешь?
- Понимаю, шорбаджи.
- Ты от имени общества приедешь меня поздравить с такою радостью.
- Приеду, шорбаджи.
- Ты привезешь свадебный подарок. Мулла промолчал.
- Ты слышишь, что я говорю? прикрикнул исправник.
- Слышу, шорбаджи.
- Ты привезешь богатый атласный кисет.
- Привезу, шорбаджи... Но, прости мою глупость, ведь ты, шорбаджи, сказал, что этот подарок будет свадебный, значит, ей, а не тебе...
 Разве она курит тютюн?
- Дурак, не перебивай. В кисете вместо табаку должно быть... сто полуимпериалов!
- Ой, беда! не удержался от восклицания мулла и, поклонившись исправнику до земли, жалобным тоном заговорил: Пощади, шорбаджи, ради Аллаха! Сто полуимпериалов! Где возьмем мы, нищие, такую огромную сумму денег? Если оборвать все монеты с головных украшений жен и дочерей, едва ли наберется и десятая часть этой суммы!. Пощади, шорбаджи, потому что такой суммы не собрать и в три года со всего Копюрликоя...
- Ты что же это, плут, думаешь, кажется, что я здесь с тобой торговаться буду? закричал на него исправник. Сто полуимпериалов и ни одного гроша меньше! Да чтобы монеты были новенькие, непотертые, а иначе из того самого камня, который будет разобран со здания мечети, я прикажу выстроить свиной хлев!. Слышал?
- Горе мое не оглохло к несчастью и слышит ясно твои грозные слова, шорбаджи, простонал Зейнадин-эфенди.
- Так помни же, через две недели ты привезешь на свадьбу моей дочери кисет с сотней полуимпериалов, и тогда мечеть может остаться на своем месте.

И затем, подойдя ближе к мулле и грозно глядя на него, исправник почти шепотом прибавил:

– А если ты, распротобестия, не привезешь этого кисета с золотом, то кроме того, что там, где ты, сиплая ворона, каркала ежедневно сверху, будут хрюкать свиньи, я еще устрою так, что... у вас в Копюрликое переночевал Алим!. Ты слышал приказ губернатора. Так

пойми же, что после этого будет?!

Зейнадин-эфенди стоял ни жив ни мертв: он давно уже знал исправника Триандафилиди и понимал поэтому, что каждое его слово подобного рода – закон...

Исправник сошел с площади и направился к своей бричке, которую тем временем уже окончательно наладили, а Зейнадин-эфенди, понурив голову, тихо побрел к своему дому.

Через несколько минут звонки загремели опять, и бричка с исправником промчалась обратно по совершенно безлюдной улице Копюрликоя.

Ни одна собака при этом даже не тявкнула, потому что копюрликойцы догадались теперь их во время заманить во дворы и припрятать подальше.

Скоро звонки замерли в степи, а еще через полчаса замерло все и в Копюрликое: даже собаки не лаяли вовсе, и только со двора муллы по временам слышался отрывистый вой репейного пса, вероятно, не на шутку помятого исправничьей четверкой...

Из малого кошелька сыплются червонцы

Грустно начался следующий день для жителей Копюрликоя, когда при первом же пробуждении каждый из них в подробностях узнал содержание вчерашней беседы исправника с муллой...

Что делать? Как выйти из такого бедственно-критического положения? Ведь деньги эти было необходимо внести, потому что кроме разрушения древней мечети, этой всеми чтимой святыни, невзнос их повлек бы за собой ночевку Алима, т.е. поголовную ссылку в Сибирь! Татары, зная давно и хорошо своего исправника, ни на секунду не сомневались, что он непременно исполнит все обещанное, и потому-то теперь они так серьезно охали и горевали...

Когда после обеда у Зейнадина-эфенди собрались люди, прежде чем открыть Коран, мулла закрыл обеими руками лицо и три раза подряд громко произнес "Фатиха". Все присутствующие благоговейно повторили за ним слова этой молитвы.

Затем мулла положил руки на книгу и со словами: "Великий пророк! Наставь нас своим божественным словом и защити нас, ничтожных, в нашей великой беде!" – открыл ее и громко прочитал тот стих, на который сами собой упали его глаза.

Прочитанный айет гласил:

"И всякое зло уврачуешь им же самим!"

Все в благоговейном удивлении переглянулись, а Зейнадин-эфенди с восторженным выражением лица встал и произнес:

– Вот великий пророк явил уже нам свою милость и помощь, подавши спасительный совет... Уходите, соседи, теперь по домам, а завтра после утренней молитвы приходите опять сюда, я вам тогда скажу, что сделать и как поступить повелевает нам милосердный защитник всех правоверных перед престолом Всевышнего. Мне же теперь необходимо пойти углубиться в молитву и пасть ниц перед пророком, дабы он просветлил мой ум и сделал его способным понять его таинственное слово. Прощайте!

Старик вслед затем спустился вниз, совершил омовение и, взяв Коран, направился к мечети, а все прочие в глубоком и благоговейном молчании разбрелись по домам.

Пять букв на черепках

Первые сверкнувшие из-за гор лучи солнца на другой день осветили на крыше Зейнадина-эфенди всех участников совещания, сидевших на прежних местах в глубоком безмолвии. Отсутствовал только мулла, который почему-то замешкался в мечети. Наконец, пришел и он и, поздоровавшись со всеми, не сел, как вчера, на свое место, а, стоя перед собравшимися, сказал им торжественно:

– Правоверные! Вчера я вместе с вами сошел с этой, крыши и, совершив омовение, отправился в мечеть, откуда возвращаюсь только теперь. Я обещал вам изъяснить сегодня таинственный смысл преподанного нам великим пророком откровения, как избавить себя от беды, и вот сейчас исполню свое слово...

Вчера я был беспомощным слепцом, который не мог сделать и одного шага, сегодня я сам могу повести сотни слепых, и пусть они не боятся сбиться с дороги, так как меня самого ведет свет божественного откровения. Недаром Коран начинается славословием безграничному в пространстве, бесконечному во времени, весь мир собой наполняющему и все видимые и невидимые миры в себе заключающему Творцу и Владыке земли, неба и звезд, вездесущему и всеведущему Аллаху! Его мудрости нет пределов, Его благости нет меры! Я пал вчера ниц перед милосердным пророком и триста тридцать три раза проговорил вслух без перерыва начальное славословие Корана "Фатиху". Потом я стал бить себя в грудь и, мысленно лобызая край подошвы его, столько же раз повторил такие слова: "Мудрейший из пророков! Яви свою благость, открой мне очи, просветли мне ум, умудри мое сердце, дабы мог я во славу тебе постигнуть сокровенное в слове твоем".

И носитель славы Аллаха внял моей молитве и, простершись перед его лучезарным престолом, вымолил у Всемилосердного для меня одну только, как пылинка, малую крупицу разума и вложил ее в мою глупую голову.

И сразу упали горы свинца, лежавшие на глазах моих, и над бездной тьмы взошло яркое солнце, я уразумел сокровенное!. Сокровенное слово, сказанное Всемогущим Аллахом устами своего пророка и запечатленное навеки в мудрейшей из книг, было таково: "И всяко зло уврачуешь им же самим!" Это означает: сделай так, чтобы то, что тебе сделало зло, само же стало для тебя источником блага.

А кто нам сделал зло вчера? Зло это сделал нам не исправник, хотя он и жадный волк, достойный того, чтобы его вчера разодрали наши собаки. Зло это нам сделал совсем другой человек, такой человек, который, если бы сам узнал об этом зле, разбил бы себе голову о камень от горя...

Приказа этого о Сибири не было бы вовсе, если бы не было в Крыму того, о ком он издан, кто впервые увидел свет солнца и услышал голос матери своей в Копюрликое и над кем я сам совершил священный обряд обрезания, когда он достиг положенного возраста.

Правоверные! Истинным злом для нас вчера был один только заступник всего татарского народа Алим, сын Азамата, тот самый Алим, которого славу предсказал я его отцу еще с детства, тот самый Алим, – да будет он невредим на всех путях его! – который всю жизнь свою посвятил беднякам и несчастным и который для добрых сам добр, как ягненок, и только для злых и грабителей есть самим пророком поставленный мститель и строгий судья! Алим, не ведая вовсе об этом, стал для нас злом, и он же по воле Аллаха будет и благом, потому что пророк нам сказал, что всякое зло, а значит, и наше, уврачуется им же самим! Алим – начало, Алим – и конец!

Вот, правоверные, истинный смысл вчерашнего слова пророка и вот его воля. Надо свято исполнить ее, дабы прославилось его великолепное, все своим лучезарным блеском ослепляющее и только перед одним именем Аллаха, как звезда перед солнцем, меркнущее имя, потому что так угодно Аллаху и Его великому пророку Магомету! Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет Его пророк!

И старик с глазами, горящими нервным огнем, доведенный глубокою верой и непрерывною молитвой в течение целой ночи до состояния экзальтации, опустился после этой речи на разостланную на крыше циновку и смолк.

Несколько минут длилось молчание. Наконец, один из присутствовавших, Кая Курт-деде Абдраим оглу заметил:

– Послушай, мудрый наставник наш и наших детей, не взыщи за мое глупое слово. Но уверен литы, что это именно воля пророка? Не заблуждаешься ли ты своим человеческим умом в таинственном смысле священных слов? Как Алим, который, кроме добра, никогда еще ничего другого не сделал татарам, мог стать для нас таким великим злом?

Зейнадин-эфенди быстро поднялся опять с места и продолжил:

- Твои слова, Кая, не пустые слова, сказал он торжественно, и я уже тебе вчера сказал, что ты напрасно жалуешься на свою малую голову. То самое, что ты теперь говоришь, сказал и я сам себе после того, как только ум мой постиг тайну айета. Я усомнился так же, как и ты теперь. Но великий пророк дал мне знамение в том, что тайну эту постиг я согласно воле Аллаха. Среди глубокой ночи зажег я фитиль в черепке с бараньим жиром и поднялся наверх мечети. Там я снял с крыши три черепицы и, спустившись сверху, разбил каждую из них на десять кусков. Потом я взял щепку и, обжигая ее на огне, тушил и углем написал на гладкой стороне этих кусков тот самый айет, который вчера по твоему же совету я прочитал из Корана. Я помещал на каждом куске только по одной букве каждого слова айета по порядку. Затем я положил все эти тридцать кусков за пазуху и, потушив фитиль, вошел снова в мечеть. Там, в темноте я вынул куски из-за пазухи и, смешав их, положил на полу, а сам стал молиться, прося Аллаха, чтобы Он послал мне знамение того, что я верно понял Его волю. Я тридцать раз по числу букв в айете и кусков черепицы прочитал "Фатиха" и затем одной рукою взял с пола столько кусков, сколько их захватила эта рука в темноте. Я отнес эти куски в другую сторону и, не зажигая света, разложил их гладкой стороной вверх рядом один около другого так, как пишется всякое слово, от правой руки к левой. Окончив это, я стал дожидаться света такого, который горит не от руки человеческой, а сам в это время непрерывно молился. И вот при восходе солнца первый луч его через окно упал именно на то место, где лежали сложенные ночью куски, и я, подойдя, прочитал то, что оказалось на них написанным. Вслед за тем я упал ниц перед Аллахом и больше уже сомнение не входило в мою душу, потому что Аллах дал мне ясное знамение того, что Его воля мною понята верно.
- И что же было написано? спросило несколько голосов.
- Оно там и осталось, ответил мулла.
- Почему же ты не хочешь сказать этого и нам?
- Потому что хочу, чтобы вы своими глазами прочитали это начертанное самим пророком через мою слабую руку слово.
- Когда же мы должны это сделать?
- Сейчас, но, прежде чем войти в мечеть и сподобиться увидеть там начертанную волю Аллаха, совершите каждый омовение.

Через несколько минут все, сидящие на крыше, исполнив приказание муллы и совершив омовение, переходили в глубоком безмолвии площадку, направляясь к мечети. Мулла шел впереди.

Там в самой молельне, в переднем правом углу лежала на полу в беспорядке кучка черепичных обломков, а в левом – только пять сложенных в ряд черепков.

Когда пришедшие вместе с муллой подошли ближе, глазам их представилось слово, написанное углем.

Слово это было "Алим".

С этой минуты уже сомневающихся более не было. И все, как один человек, упали ниц и, прославив Аллаха троекратно повторенным славословием Корана, молча поднялись и вышли из мечети. Мулла снова на несколько минут остался в молельне, а когда он вышел на площадку перед дверями, все стоявшие ниже, на земле, в ожидании его, общим движением поклонились ему в ноги со словами:

- Слава тебе, слава, слава, наш мудрый мулла эфенди и, ты святой человек!

А мулла протянул руку к востоку и произнес торжественно:

- Правоверные! Я сейчас дал обет пророку немедленно по окончании нашей беды пойти в четвертый раз в моей жизни пешком в
 Медину и Мекку, чтобы поклониться святой Каабе и облобызать землю, освященную прикосновением к ней ноги пророка. Да поможет же мне всемогущий Аллах исполнить этот свой обет!
- Огъур Алла! отвечали в один голос ему все стоявшие перед мечетью.

Алим иначе толкует айет[40]

Было решено немедленно же послать гонца к Алиму, чтобы известить его обо всем происшедшем и просить выручить земляков из неминуемой беды.

Зейнадин-эфенди от своего приятеля, таракташского муллы, получил самые верные сведения, где искать и найти Алима, который теперь, после известного приказа губернатора об ответственности всякого села за появление в нем разбойника, щадя своих, стал избегать населенных мест, боясь доносов со стороны армян и греков, и укрывался в горах. Туда надежные люди приносили ему по ночам пищу и сообщали все нужные сведения.

Уже стемнело совсем, когда Зейнадин-эфенди с таракташским муллой вышли из дома последнего и, спустившись в ложбину к реке, пошли сначала по берегу, пробираясь между обломками камней, а потом в полуверсте ниже села повернули налево и по едва заметной тропинке стали безмолвно взбираться наверх к скалам цитадели.

Таракташский мулла нес с собой завязанный в платок "капаклы"[41] с запасом хлеба и пищи для Алима.

Через час ходьбы муллы добрались наконец до самых верхних скал "Гребешка". Пройдя еще некоторое расстояние, они достигли условленного места свиданий с Алимом и, усевшись между двумя остроконечными глыбами камней, стали безмолвно и почти неподвижно дожидаться его прибытия...

Старика Зейнадина-эфенди уже начинало клонить ко сну. Он прислонился к скале и слегка задремал, как вдруг до него донеслись какие-то неясные звуки. Прислушавшись, мулла убедился, что в их сторону кто-то идет, напевая тихую песню.

- Ты слышишь!? обратился он к товарищу.
- Слышу, отвечал тот.
- Это он?
- Другому некому быть.

Еще через несколько минут вдали на скале при лунном свете ясно обрисовался силуэт человека. Он стоял неподвижно, видимо, наблюдая окрестность. Наконец, еще через минуту по горам пронесся стон филина и вслед за тем дважды повторенный негромкий свист. Зейнадин-эфенди невольно вздрогнул, но товарищ его сейчас же три раза хлопнул в ладоши. Человек соскочил со скалы, и не прошло десяти минут, как где-то сверху у того места, где сидели муллы, послышался шорох, и над самым ухом раздалось приветствие:

– Здравствуйте, земляки! Аллах хранит правоверных! Зейнадин-эфенди удивленно оглянулся по сторонам и в первый момент не увидел никого, но затем, когда он поднял глаза кверху, то оказалось, что на той самой глыбе, около которой он сидел, стоит, скрестив руки на груди, так давно жданный Алим.

Муллы ответили на это приветствие обычными в таком случае фразами и замолчали...

Увидев своего старого учителя, Алим искренно обрадовался...

Между тем, пока встретившиеся обменивались такого рода любезностями, другой мулла передал Алиму капаклы с пищей, а Зейнадинэфенди сообщил ему, что он имеет к нему важное и не терпящее отлагательства дело.

– Тогда вот что я вам скажу, старики, – заметил Алим, – здесь под открытым небом нельзя говорить о важных делах. Здесь может сидеть, притаившись за камнями, заяц, а ведь всякий армянин даже от зайца сумеет выпытать секрет, чтобы сделать донос. Вы оба знаете, какие армяне мастера на всякую подлость, а в особенности если при этом можно заработать что-нибудь, да еще к тому же и меня погубить; всякая, даже самая малая, монета для каждого армянина весит ровно столько же, сколько весят и отец с матерью! Пойдемте лучше в мою кунацкую[42], только идите ближе ко мне и хорошенько смотрите под ноги. Вам придется сделать не много шагов.

Муллы безмолвно последовали за Алимом...

Наконец он остановился около громадного обломка скалы, который как будто катился с горы, но был чем то задержан и так и остался на месте, врывшись одною стороной в ее тело. У самого места сращения глыбы с горой росло одинокое полувысохшее дерево с расходящимися почти от земли довольно толстыми сучьями.

Подойдя к дереву, Алим сказал своим спутникам:

– Поднимитесь за мной по этому дереву и осторожно спуститесь наверху на камень. Там, около капорцевого куста, нащупаете небольшое отверстие, достаточное для того, чтобы по одному пролезть через него и спуститься вниз, и вы очутитесь в моей кунацкой. Не бойтесь спускаться в дыру, потому что она неглубока, и ноги ваши почувствуют под собой камень прежде, чем рукам станет не под силу удерживать на весу тело.

Вслед за тем Алим, как кошка, вскарабкался по дереву и, спрыгнув на глыбу, в тот же момент исчез куда-то внутрь камня. Старики осторожно последовали за ним.

Когда с вершины дерева они спустились на поверхность скалы, они увидели около самого места сращения скалы с горой темный куст, из которого в тот самый момент, когда они к нему приблизились, вдруг сверкнула тонкая полоска света. Теперь старики совсем уже безопасно спустились вслед за Алимом и очутились в довольно обширной каменной пещерке, ярко освещенной фитилем, горевшим в наполненном бараньим жиром черепке. Алим держал этот черепок в руках, пока старики влезали, а затем поставил его на выступе стены пещеры и, задвинув верхнее отверстие плоским камнем так, чтобы свет не проникал наружу, приветствовал их словами:

– Теперь вы мои почетные гости, мудрые муллы. Вот и моя кунацкая.

Когда муллы осмотрелись кругом, они заметили, что пещерка, кроме верхней дыры, имела еще два – три узких отверстия, выходивших с боков прямо в гору, так что доступ воздуха был совершенно свободным, но свет ударял прямо в толщу горы против скалы и не мог быть заметным вовсе снаружи.

Пещерка имела обитаемый вид. В одном углу ее было насыпано нечто вроде постели из сухих листьев, покрытых войлоком, с седельной подушкой в головах; около нее на нешироком выступе скалы, образовавшем природную полочку, лежала пара больших пистолетов, кувшинчик для омовения и целая пачка серных спичек. В расщелины камня было вбито несколько гвоздей и по стенам висело разное платье, между прочим, и женское. В углу стояло несколько пустых, кубышкообразных тыкв с водой, а около висел, вероятно, громадной длины, судя по количеству колец, тонкий канат, свитый из конского волоса, заканчивавшийся с обеих сторон небольшими медными кольцами. Тут же в углу была сложена куча какой-то мягкой рухляди. Пещерка была просторна и почти везде настолько высока, что по ней свободно можно было ходить и стоять, не сгибаясь.

Прикрыв входное отверстие камнем, Алим вынул из кучи с мягкою рухлядью красивый расписной ковер, разостлал его на полу посреди пещерки, поставил на него капаклы с пищей и, совершив омовение, уселся, поджав под себя ноги, пригласив и почетных гостей своих сделать то же самое.

Плошка, пылавшая на полочке около пистолетов, освещала эту сидящую компанию сверху очень ярко. Алим стал утолять голод, а муллы, закурив свои трубки, безмолвствовали.

Насытившись и выпивши больше половины тыквы воды, Алим также закурил трубку и, отодвинув капаклы в сторону, наконец, обратился к Зейнадину-эфенди:

- Ну, как дела у вас, дорогие земляки?
- Яман, пек яман, Алим ага[43], отвечал мулла, глядя в сторону.
- Посмотрим, что плохого, говорил успокоительным и веселым тоном Алим. Всякое плохое может по милости Аллаха обернуться на хорошее, и тогда оно покажется еще лучше, потому что раньше было плохо. Когда зуб болел и прошел, он дороже и милее всех тех, которые оставались здоровыми. Недаром старики говорят, что и мать от того больше, чем отец, любит дитя, что оно ей больнее досталось.
- Ты говоришь, как старик, согласился с ним Зейнадин-эфенди, но тогда и сделай так, чтобы многих стариков и молодых выручить из беды. Я для этого и приехал теперь к тебе.
- Говори, мулла эфенди, все, что угодно будет Аллаху, чтобы я сделал, сделаю, а чего не сделаю, того, значит, не следует делать.

Зейнадин-эфенди по привычке несколько раз погладил свою седую и редкую бородку, прежде чем начать говорить и, наконец, стал обстоятельно излагать свою беду со всеми ее подробностями.

Старик говорил долго, а Алим и таракташский мулла все время, слушали его с глубоким вниманием. Рассказав о полученном им ночью в мечети посредством черепков указании свыше, Зейнадин-эфенди вынул, не торопясь, из-за пазухи завернутую в платок небольшую дощечку, на которой были укреплены пять черепков с написанным на них именем Алима, и, передавая эту дощечку ему, сказал:

– Смотри же, храбрый джигит, что оказалось написанным здесь. Сам великий защитник всех правоверных, пророк Магомет, так направил дважды мою грешную руку в темноте, что она без воли моей сама взяла только пять черепков с буквами твоего имени и потом сложила их в темноте так, что получилось то самое слово, которое Господь захотел внушить мне... Я молился, чтобы Всеведущий Аллах, для которого не существует ничего тайного, открыл мне тайну Корана, которая заключается в айете: "И всякое зло уврачуешь им же самим", и Аллах открыл нам глаза этою надписью. Ты, Алим ага, ты, храбрый джигит, которого мы все считаем красою и гордостью татарского народа, ты против своей воли стал для бедных земляков твоих, копюрликойцев, злом, и священный Коран повелевает тебе спасти нас; сделай же это, как ты сам знаешь!

Старик замолчал и поник головой.

ему золото?

Выслушав этот рассказ, Алим оживился. Он взял переданную ему муллой дощечку, положил ее на стене около пистолетов и, повернувшись к продолжавшим сидеть муллам, бледный от волнения, с возбужденно горевшими глазами сказал:

- Слушайте, старики, что скажет Алим. Беды еще не было, беды теперь пока нет, беды и не будет вовсе! Я хорошо знаю эту трусливую собаку, исправника. В Копюрликое он был, как жадный волк перед стадом овец, а от меня одного месяц тому назад бежал, как заяц от собак, несмотря на то, что с ним было с полдюжины такой же трусливой, как и он сам, сволочи. И если бы я не боялся убийства, я давно бы уже должен был выпустить ему кишки, как бешеному псу. Но я этого не сделаю, пусть его убьет Сам Аллах своим судом. Ему нужно дать то, что он назначит, иначе он может погубить многих невинных людей, и вы, копюрликойцы, в назначенный им день свезете ему полностью сто полуимпериалов. Это говорит Алим, твой ученик, Зейнадин-эфенди, а Алим не солгал еще ни разу в своей жизни. Но ты, мудрый мулла, не понял, что хотел внушить тебе Аллах. Ты сказал, будто Алим был для вас злом, но откровение Аллаха вовсе означало не это. Если бы этим злом был Алим, он не выручил бы вас из беды, как он это сделает. Ведь неслыханно еще с тех пор, как стоит здесь эта скала, чтобы змеиный яд мог залечить рану или чтобы оспа сделала лицо молодой девушки красивым. Нет! Не Алим зло, а сам исправник зло... Ты молился, чтобы Аллах открыл тебе тайну, заключающуюся в словах айета, и Аллах указал тебе не на зло, а только на того, кто на деле истолкует тебе и всем вам эту тайну. Так знай же, старик, что Алим – не зло, а только человек, которого выбрал Магомет, чтобы доказать тебе и всем вмя эту тайну. Так знай же, старик, что Алим – не зло, а только человек, которого выбрал Магомет, чтобы доказать тебе и всем людям, что в Коране нет и не может быть ни одного слова неправды! Ты в тысячу раз мудрее меня, мой старый учитель, но бывает, что молодой глаз видит лучше старого. Я не виноват в вашем зле ничем, потому что оно было определено для вас Аллахом и начертано в книге судеб еще тогда, когда ни одной из семи земель и ни одного из семи небес еще не существовало. Оно должно было совершиться и совершилось, но оно же само собой и уврачуется. Когда этот волк велел при

- Через четырнадцать дней...
- Будьте спокойны, исправник получит щедрый подарок на свадьбу своей старшей дочери и не обидит вас ни мечетью, ни мною... Алим вам ручается за это своею головой. А теперь прощайте, старики, мне к рассвету нужно быть в Карасубазаре, там меня ожидает одно неотложное дело. Мне теперь нужно спешить туда.

Когда через три часа после этой беседы на востоке заалела бледнорозовая полоска света, из ворот дома таракташского муллы уже выезжал на своей серой лошаденке Зейнадин-эфенди.

Старик спешил в родную деревню обрадовать своих духовных детей результатом счастливо исполненной миссии.

Старуха-нищая, обижаемая правнуком

До свадьбы старшей дочери исправника оставалась ровно неделя. Весь дом спешно был занят последними приготовлениями к торжеству, и только один Апостол Ставрович относился ко всему происходившему вокруг как-то безучастно. Напротив даже, чем ближе подходил день свадьбы, тем все мрачнее и озабоченнее становился этот чадолюбивый папаша, приготовивший для своей дочери такой щедрый подарок на свадьбу.

Причина беспокойства его именно и заключалась в этом подарке.

"А что, – думал он, – если подлецы копюрликойцы опять надуют? Ведь схитрили же эти ррракалии раз на хвостах!. Чего доброго, еще и теперь опять сплутуют... Положим, плутовство это выйдет им из носа, но ведь мне то, мне от этого будет не легче!. Этакие бестии! Перевешать бы всех, архиплутов!.."

И исправник в беспокойстве шагал по своей комнате, служившей ему одновременно и спальней, и кабинетом, и канцелярией для его личных занятий. Здесь, в ночной тишине, когда вся семья отправлялась наверх спать, он писал свои пространные донесения начальству, здесь же стоял его старинный дедовский стол с бесчисленным количеством ящиков, в среднем из которых, обитом внутри толстым железом на случай воров и пожара, хранились все его сбережения.

Апостол Ставрович Триандафилиди, не отличавшийся вообще храбростью, здесь, в своем кабинете, чувствовал себя настолько безопасным, что даже Алим, этот грозный призрак, перед мыслью о котором трепетали все горожане от сумерек и до восхода солнца, нисколько не смущал его сна и покоя.

На всякий случай, впрочем, над кроватью его постоянно висело длинное, заряженное картечью ружье, а на письменном столе, с правой стороны, т. е. всегда под рукой, покоился большой двухствольный пистолет, отобранный исправником в свою личную пользу у кого-то из судившихся в уездном суде.

Когда в присутствии Апостола Ставровича рассказывалось что-либо удивительное из подвигов Алима, он часто, самодовольно и в то же время презрительно улыбаясь, говорил:

– Ваш Алим, я вам доложу, не что иное, как просто-напросто плуте, вот что! Эко диво, что там, в горах, где у него за каждым кустом или скалой могут быть товарищи, он наводит страх на трусишек?! Тамс эти трусы боятся не его, а неизвестности... А вотс, не угодно ли ему пожаловать, например, ко мне в квартиру, сюда, в мой кабинет, на пару теплых приятельских слове! Тут бы мы с ним побеседовали по душе... Для доброго знакомства я бы его угостил вот этой закусочкой, – при этом Апостол Ставрович с лукаво-самодовольным видом клал руку на пистолет, – а потом можно было бы дать попробовать ему и вот того курбетика, который висит у меня над кроватью, в нем парочка орешков, так пусть, пожалуй, этот воришка попробует их погрызть, как они ему, по зубкам ли придутся... Дас! Вообще могу вам доложить, прием был бы оказан ему самый почтительный и беседа велась бы с ним тут по душе, лишь бы пожаловал только голубчик. Да нет, не пожалует, подлец, в томто и беда... Ррракалияс и архишельмец этот ваш Алим и больше ничего! Чучелос он гороховое, вот что, тысяча холер ему в правуюс ноздрюс, да полтораста тещ в левуюс, и я собственноносно начихал бы ему под усы, если бы эта протобестияс пожаловала ко мне в гости на пару минут.

Собеседник, наслышавшийся чудес о храбрости и молодечестве Алима, проникался невольным уважением к беззаветному мужеству бравого исправника и в душе завидовал этой не ведающей страха душе.

Итак, исправник озабоченно поджидал явки копюрликойцев со свадебным подарком и сильно раскаивался, что назначил им такой долгий и неопределенный срок...

Прошло еще два дня, т. е. до свадьбы оставалось всего пять дней, а копюрликойцев все еще не было... Перед вечером накануне торга дежуривший у него полицейский из татар, рослый и добродушный Азамат, доложил начальнику по привычке ломаным русским языком, как это обыкновенно делалось в полиции:

– Шорбаджи! Хто-нибудь просьбой пришла! Сказал, ошен нужна исправнык... Толкать ему?

Не сомневаясь, что это посланный из Копюрликоя, и не желая иметь посторонних свидетелей разговора с ним, исправник приказал Азамату ввести этого просителя к себе в кабинет. Такое приказание было столь необычайным, так как никогда еще нога просителя не переступала через порог этой комнаты, что Азамат, отложив в сторону официальный русский язык, даже переспросил по-татарски:

- Куда, шорбаджи?
- Сюда, болван! Что ты оглох, что ли?
- У меня вода зашла в это ухо, когда я купался, солгал страж в свое оправдание, теперь шумит в ухе...
- То-то шумит... А вот я тебя полечу по-своему, хвачу кулаком по другому уху, так вода живо выйдет из этого... Пошел вон, дурак, веди того сюда.

Но каково же было изумление достойного исправника, когда, предшествуемая Азаматом, в кабинет была введена какая-то дряхлая горбатая татарка, еле ковылявшая сзади за проводником.

- Что ты, мошенник, тащишь сюда эту ворону? крикнул исправник.
- Ты же сам приказал мне, добрый шорбаджи, оправдывался Азамат.

Страж был прав, и исправник поэтому обратил весь свой гнев на пришедшую.

- Какого тебе черта нужно, старая подошва?
- Тебя, шорбаджи, прошамкала та.
- Hy?.
- Рассуди меня, шорбаджи, с моим правнуком... Я нищая, а он...

Но исправник уже больше не слушал. Словом "я нищая" было сказано все, что еще могло интересовать исправника, измерявшего человеческое достоинство всякого просителя единственно лишь степенью его материального достатка, а потому он обратился к торчавшему у дверей Азамату и крикнул.

- Дай хорошенько по горбу этой кривой кочерге! Вытолкай ее в шею, чтоб не смела другой раз беспокоить начальство разными своими глупостями! Ах ты, слепая сова! Туда же, к исправнику в кабинет, архирракалия!
- Ты наш милостивый судья... начала было старуха.

Но в эту самую минуту Азамат, хорошо уже выдрессированный для подобных случаев, повернул ее назад и, воздействуя одновременно обеими руками на затылок и горб старухи, а коленом правой ноги под самое сиденье, вышиб ее из кабинета так ловко, что старуха пролетела стремительно через всю соседнюю комнату и через дверь в самую переднюю. А Азамат, захлопнув за собой дверь начальнического кабинета, следовал сзади и уже собирался повторить ту же самую манипуляцию для ускорения и облегчения дальнейшего поступательного движения старухи на улицу, как вдруг старуха обернулась к нему лицом и, распахнув на секунду чадру, гордо выпрямилась перед ним во весь рост... В передней никого, кроме них, не было.

– Теперь узнал меня? – раздался насмешливый шепот. – Нука, толкни так еще раз!

Азамат обомлел. Под чадрой и старым бешметом оказался расшитый золотом синий кафтан, туго перетянутый богатым серебряным поясом, за которым были заткнуты небольшой кинжал и пара пистолетов.

А сквозь щелку чадры на лице казавшиеся подслеповатыми глаза старухи (они были сверху чем-то намазаны) вдруг заблистали таким свирепым огнем, что у добродушного Азамата захолонуло сердце.

Сгорбленная, дряхлая на вид старуха на секунду преобразилась в грозного разбойника Алима.

Когда Азамат очнулся от изумления и испуга, чадра уже опять запахнулась, и немощная старуха заковыляла к выходу. Около самой двери она прошептала Азамату:

- Кто сегодня будет дежурить здесь?
- Я.
- Смотри же, чтоб в полночь калитка с улицы была отворена, да привяжи цепного пса, я приду после полуночи. Приготовь веревку, чтоб я мог тебя для вида связать, да полотенце заткнуть рот. Мне нечего просить тебя не выдавать меня, ведь ты татарин, а я Алим!
- Хорошо, Алимага, все будет сделано по твоему приказанию, поспешил шепотом же ответить Азамат.

Через несколько минут старуха, едва двигая ногами и немощно опираясь на палку, повернула за угол первого переулка и скрылась.

"И всякое зло уврачуешь им же самим"

Старинные стенные часы в кабинете исправника, бою которых всегда предшествовало продолжительное шипение, хрипение и еще какие-то звуки, весьма похожие на отрывистую болезненную икоту, только что гулко и протяжно пробили час ночи. Вся семья Апостола Ставровича, не исключая и счастливой невесты, давным-давно уже спала крепким сном наверху, и только один исправник все еще работал в своем кабинете!

Апостол Ставрович заботливо берег свое начинавшее уже слабеть зрение, и потому по вечерам обыкновенно занимался с длинным зеленым козырьком на глазах.

Исправник дописывал пространное донесение начальству и, углубившись в работу, не заметил, что сальная свеча на столе перед ним сильно нагорела уже и едва освещала и без того мрачную комнату...

Исправник доносил губернатору об исполненном предписании его по поводу объявления народонаселению последнего приказа об Алиме и при этом со своей стороны уверял его превосходительство, что этот негодяй в последнее время уже нигде в его уезде не показывается, благодаря принятым им энергичным мерам, и что поимка его – дело весьма недалекого будущего, тем более что в сущности Алим – только воришка и ничего особенно грозного из себя не представляет; все же россказни и слухи об отчаянной храбрости и подвигах – в большинстве случаев не что иное, как раздутая самим же им и его сообщниками-татарами сплетня...

Когда Апостол Ставрович дописывал именно это последнее слово, дверь в его кабинет распахнулась, и кто-то вошел в комнату.

Удивленный такою неслыханною смелостью этого мерзавца Азамата (кому же быть другому в такой час ночи?), исправник, который сидел спиной к двери, дописал только последние три буквы слова "сплетня" и, сделав грозное лицо, быстро повернулся назад, чтобы огорошить дерзновенного, но... рот его, открывшийся уже для произнесения соответствующей случаю брани, так и остался открытым, а искаженное от ужаса лицо с выпученными глазами до того перекосилось, что зеленый козырек сам собою поднялся со лба вверх до середины лысины...

За стулом с поднятым в одной руке и почти приставленным к самому виску его пистолетом стоял Алим.

Апостол Ставрович в первую секунду только икнул и больше уже не издал ни малейшего звука.

- Что поделываешь, собака? спросил насмешливо разбойник. Но Триандафилиди не пошевелился, и его выпученные глаза с застывшим в них стеклянным выражением ужаса даже не моргнули.
- Что же ты молчишь, поганый ястреб, не отвечаешь гостю? А? Кажется, ты не совсем хорошо себя чувствуешь? Что, брат, у тебя, кажется, живот заболел?

Козырек на лысине Триандафилиди передвинулся еще выше, но он сам не шевелился по-прежнему.

- Где же твоя приятельская беседа и закуска? спросил его опять разбойник. Нехорошо, приятель, обещать и не исполнять! Ты часто, слышал я, хвалился, что начихаешь на меня, когда я приду к тебе в гости... Так вот теперь чихай, если тебе приятно! Что ж ты? Чихай же!. Давай вместе чихать будем, кто громче? продолжал глумиться Алим, а исправник все время сидел, как статуя.
- Ну же, храбрый пиндос[44], чихай же скорее, чтоб тебе все черти, сколько их есть в аду, чихали в самую твою волчью пасть!

Но куда там чихать?! Триандафилиди еле мог дышать от испуга. Наконец, Алиму надоела вся эта сцена.

– Ну, падаль, слушай, – сказал он грозно, – не смей и пикнуть, потому что если пикнешь, то это уже будет последний звук, который когда-либо выходил из твоей проклятой вороньей глотки. Я пришел к тебе не для того, чтобы тебя резать... Сам шайтан давно уже точит на тебя свои зубы, в аду он тебя обработает, как барана, лучше меня, а теперь пока ты мне сделай маленький приятельский подарок. Мне нужно выручить из беды кое-кого из несчастных бедняков, которых обижает разная сволочь, так вот сама наша святая книга Коран направила меня к тебе, как к доброму человеку за этой помощью... Отворика поскорей свой стол, где у тебя, конечно, припрятано уже не мало, ведь ты разбойничаешь много дольше меня, да отсчитайка мне для доброго дела двести полуимпериалов... Ну все, ворочайся, вонючий клоп, живо!

И Алим другой рукой дал хороший подзатыльник начинавшему тем временем чуть-чуть приходить в себя исправнику. Зеленый козырек от этого подзатыльника окончательно слетел с головы несчастного Апостола Ставровича.

- Где твои ключи от стола, чушка?
- Ключи?.. переспросил бессмысленно Триандафилиди.
- Ключи, трус, ключи! Что ты дураком прикидываешься? Умел копить награбленное, умей и тратить. Отворяй стол! командовал Алим.

Исправник полез в карман и вытащил ключи. А Алим тем временем, увидев на столе пистолет, обошел кругом и, взяв это оружие, заткнул его себе за пояс со словами:

– Эту вещичку ты мне даришь на память. Она ведь такому дураку, как ты, все равно ни к чему, а мне может пригодиться тебе же самому когда-нибудь прострелить глупую голову. Ну же, ворона, отворяй скорей стол, а то уж мне некогда!

Но исправник от страха никак не мог попасть ключом в отверстие замка, так что Алиму пришлось отворить ящик самому.

В ящике этом оказалось золота и серебра на несколько тысяч. Тут же лежала связка каких-то векселей.

- А это что такое? спросил Алим, указывая на связку. Я, брат, читать по-русски не умею, такты смотри не соври, а то узнаю потом, что соврал, так будет худо.
- Это документы, прошептал Апостол Ставрович.
- Какие документы?
- Долговые... Векселя...
- Чьи же они? Украл где-нибудь?
- Это мои, по ним мне кое-кто должен деньги.
- Эээ! Так ты, брат, кроме разбойничества еще и ростовщичеством занимаешься? Что ж, хорошее дело, как раз по тебе... А много тут денег по этим векселям? спросил Алим.
- Тысячи две будет, пролепетал Апостол Ставрович и при этом солгал, так как векселей было тысяч на десять с лишком.
- Ну, это, брат, глупости... Не пристало тебе, начальнику и милостивому судье, такими пустяками заниматься... Давайка эти векселя сюда, тебе и без них отдадут деньги. Ты сумеешь и от самого черта из зубов вырвать даже то, что тебе вовсе не следует, а не то что деньги, которые ты дал взаймы! Да и сумма плевая, так что не стоит на нее еще векселя беречь... говорил Алим, поднося документы к свечке и зажигая их.

Когда связка вспыхнула, он бросил ее на железный лист около печки и, когда бумага сгорела, растер еще пепел ногой.

 Ты и без векселей хороший человек, – сказал при этом с усмешкой Алим, – а должникам твоим все же так будет немножко поспокойнее так.

Затем, вынув из стола несколько стопочек полуимпериалов, разбойник отсчитал себе из них ровно двести штук и, положив их в карман, остальное сдвинул в ящик и запер его.

– Смотри же, мошенник, учись даже разбойничать так, как я, честно, я взял только двести штук, как сказал, ни одного больше. Ты, когда грабишь, так оставляешь одну душу в теле, да и то для того только, чтобы со временем было опять кого ограбить, а я по совести делюсь только, сказал двести и взял двести. Вон у тебя сколько еще осталось! А знаешь, на что эти деньги? Слушай. Тут у одних бедняков завелась бешеная собака и обижает их, а они не хотят убивать ее и кормят. Так вот сто полуимпериалов пойдут для них на прокорм этой бешеной собаки. Ну а если эта бешеная собака, которую они так щедро кормят, вместо того, чтобы застрелить ее, и после этого укусит хоть кого-нибудь из них, так пусть же она знает, что сам Алим клянется святой бородой пророка, что после этого он среди белого дня выпустит из этой бешеной собаки кишки вот этой штучкой.

Алим при этом выхватил из-за пояса кинжал и поднес его сверкающее лезвие к самому носу побелевшего, как полотно, Триандафилиди.

– А другие сто червонцев, – продолжал затем разбойник, вкладывая кинжал в ножны, – пойдут тут одной бедной старушке, которую обижает ее правнук и которую ты так обласкал сегодня, когда она приходила к тебе. Ты не беспокойся, шорбаджи, она также этих денег не оставит себе, а, наверно, раздаст их при случае беднякам... Да, слушай, приятель, как ты думаешь, уж не лучше ли мне тебя теперь же прикончить? А? – вдруг спросил Алим, кладя опять руку на кинжал.

При этом оправившийся было несколько от страха за свою жизнь исправник опять позеленел и повалился в ноги Алиму.

- Пощади ради самого Аллаха, молил он, ловя руку разбойника, чтобы поцеловать ее. Но Алим оттолкнул его от себя ногой с омерзением и сказал:
- Встань, подлый трус, Алим не режет свиней... А вот если бешеная собака не угомонится и еще хоть один раз укусит бедняков, тогда я дал клятву, а ты, верно, знаешь, что и без клятвы я всегда исполняю слово уже ничто не спасет ее от пули или кинжала! Помни это, падаль, потому что потом уж будет поздно.

Осмотревшись затем в комнате и сняв со стены полотенце, Алим сказал:

– Я ухожу сейчас, но для того, чтобы ты не вздумал кричать и этим не заставил меня вернуться и зарезать тебя, я заткну тебе рот полотенцем, а ноги и руки свяжу, как сделал это и с твоим десятским в передней, таким же трусом, как и ты, который даже крикнуть от страха не догадался, увидевши меня. Ну, ложись на постель!

Триандафилиди не заставил повторить себе это приказание и через несколько минут уже лежал на кровати с полотенцем во рту и туго скрученными руками и ногами.

– Завтра можешь себе кричать сколько угодно на весь уезд, потому что я буду уже далеко, верст за сто, а чтобы поверили тебе, что я действительно сам был здесь, я распишусь у тебя на той бумаге, которую ты писал... Верно, кляуза какая-нибудь?

И Алим на донесении исправника написал по-татарски свое имя. Затем, потушив свечу, Алим обратился к исправнику с последним словом:

– Смотри же, волк, не заставь меня еще раз побывать у тебя в гостях, в другой раз убью.

И с этим он неслышно вышел из комнаты. Наступила опять мертвая тишина, весь дом спал глубоким сном.

Крупица от копюрликойцев

Когда при восходе солнца после этой же самой ночи Зейнадин-эфенди поднимался на минарет мечети для обычной утренней призывной молитвы, он весьма был удивлен, найдя на маленькой двери наверху на балкончике минарета висящим небольшой сверток, в котором оказалось двести полуимпериалов.

Тут же была и записка следующего содержания: "Алим посылает своим землякам-копюрликойцам двести полуимпериалов. Сто из них пусть копюрликойцы бросят бешеному псу, чтобы он не кусался, другие сто пусть мудрый мулла Зейнадин-эфенди разделит между беднейшими из бедняков. И будет смех после слез и радость после беды! В святой книге написано: "И всякое зло уврачуешь им же самим". Алим говорит: исправник сделал зло, исправником же это зло и уврачевалось. Больше уже, пока у Алима голова на плечах, а кинжал за поясом, волк зла делать не будет. Такова была воля Аллаха! Ля иляхе иллялла, Мухаммед ресуль Алла"[45].

Сообщив радостную весть своей пастве, старик мулла не удержался, чтоб не прибавить:

– Мой глаз пятнадцать зим тому назад, когда еще над верхней губой сына Азамата было так же гладко, как теперь на моей лысине, не ошибся. Я тогда уже предсказал, что Алим станет гордостью и славой нашего народа, и вы, соседи, видите теперь, ошибся ли я?

Все ликовали. Гроза пронеслась, и над Копюрликоем взошло солнышко.

В самый день свадьбы в залу исправничьего дома, где собрались гости, чтобы ехать сейчас в церковь, вошел копюрликойский мулла Зейнадин-эфенди в нарядном халате.

Он по восточному обычаю приветствовал всех, приложив обе руки накрест к груди, и, обратившись к отцу невесты, сказал:

— Мир и счастье дому твоему, добрый начальник! Не прогневайся на меня, бедняка, за то, что я скажу тебе сейчас. Прослышали мы, что ты сегодня отдаешь зеницу ока твоего из родительского дома. Твоя радость — наша радость, твое горе — наше горе! Ты — отец, мы —

дети, отцу хорошо – дети смеются, отцу беда – дети плачут! Живи долго, и пусть живут твои дети и дети детей твоих! Вот наша деревня, чтобы сделать этот день для вас еще более радостным, посылает тебе, добрый шорбаджи, ничтожный подарок – сто полуимпериалов. Ты всегда осыпал нашу деревню своими милостями, и мы, имея такого благодетеля начальником, никогда не знали беды, каждый из нас, старик и дитя, засыпал всегда под твоим начальством с улыбкой, чтобы так же радостно и проснуться! Счастливы мы, наши дети и внуки и горе правнукам нашим, которые будут жить без такого начальника, как ты!. Бог тебя вознаградит за это сторицей, а нам, осчастливленным тобою, позволь поднести тебе эту крупицу и пусть каждый из вас всех живет столько же лет, сколько в этом кисете червонцев! Пусть ваше здоровье будет так же твердо и прочно, как этот металл! Пусть все люди принимают каждого из вас всегда также охотно, как готовы всегда все принять это золото! В добрый час! Да будет благословение Аллаха над твоим домом!.

И с этим почтенный мулла подал Апостолу Ставровичу тяжелый атласный кисет с полуимпериалами.

– Спасибо, спасибо, мулла! – произнес на эту речь скороговоркой исправник.

Он почти выхватил подарок из рук Зейнадина-эфенди и, отвернувшись от муллы, заскрежетал зубами.

А через два дня Зейнадин-эфенди отправился по обету пешком в Мекку[46] и Медину[47], чтобы поклониться праху пророка и прикоснуться к священному камню Каабы[48].

Подлинный портрет Алима[49]

Недавно г-жа Мария Дмитриевна Де-Вальден[50] прислала из Одессы в дар Феодосийскому музею древностей хранившийся с 1849 года в ее семье рисованный карандашом с натуры портрет-эскиз прославившегося лет 60 тому назад своими похождениями крымского разбойника Алима Азамат оглу.

В виду интереса, который может представить этот предмет, прилагаю факсимиле портрета с маленькой заметкой.

Не подвиги, разумеется, легендарного крымского Фра-Діаволо намереваюсь я прославлять в этом кратком сообщении... Я только желал бы в этих строках вместе с прилагаемым портретом сообщить некоторые более или менее положительные данные, удостоверяющие подлинность прилагаемого рисунка, а также указать личность художника, которому удалось при особенных обстоятельствах закрепить навсегда на бумаге черты Алима, уже осужденного, незадолго до его ссылки.

Не имея под руками документальных данных об этом татарском разбойнике, терроризировавшем в свое время все население Крыма, не стану много распространяться здесь о его почти легендарных проделках. Впрочем, и нет в этом надобности. Кажется, об Алиме уже все было сказано. Помимо известных, более или менее достоверных данных, опубликованы в печати целые литературные произведения – повести, романы, даже театральная пьеса.

Собственно говоря, Алим не был разбойником в полном смысле этого слова. Алим не убивал; он только, прибегая к насилию, отнимал, по его мнению, неправедно нажитое с оружием в руках и употреблял его лишь для того, чтобы напугать свою жертву, или для собственной защиты. Он походил на сицилийских или корсиканских бандитов, скрывавшихся в лесистых горах от преследования административных и судебных властей.[51]

Как известно, Алим всеми способами старался ускользнуть от преследовавших его полицейских и военных чинов. Благодаря присущей татарину-горцу ловкости, прекрасному знакомству с местностью, а равно и укрывательству со стороны своих соплеменников, быстрыми, громадными переходами из одного уезда в другой, часто пробивался он сквозь расставленные цепи охотников и солдат. Из страха ли или из участия к его несчастному положению все татарские деревни, все муллы ему покровительствовали, доставляли приют, укрывали. Сколько раз для его поимки были устраиваемы облавы из ста и более человек! Окруженный, как зверь, в искусно подготовленной облаве, в местности, из которой, казалось, не ускользнул бы и мышонок, Алим, подобно оперному разбойнику, верхом, на глазах всех пробивался сквозь чащи, спускался с крутой скалы в пропасть или быстро поднимался на вершину соседней горы.

К началу 80-х годов истекшего столетия мне случилось побывать в имении Шейх-Мамай Феодосийского уезда, у профессора Ивана Константиновича Айвазовского. Зашла речь об Алиме. Вот что, между прочим, в беседе мне рассказывал маститый художник.

"Однажды, в 50-х годах, помню, заехали ко мне в Шейх-Мамай из Феодосии несколько офицеров и полицейских чинов и попросились здесь переночевать. "Алим, – говорили они, – скрывается тут недалеко, в окрестных старокрымских лесах. Идем завтра на рассвете устраивать облаву".

Действительно, встав утром, я их уже у себя не застал. На другой или на третий день вернулись офицеры.

– Ну что, – спрашиваю, – видели ли вы Алима?

Как же, видели! Мы цепью окружили всю гору между Отузами и Кизилташем. Разбойник скрывался в густом лесу. Его увидели наши ребята и стали стрелять в него. Конь у него молодой, серый. На голове у него серая смушковая шапка. Около 8 часов утра, когда наша рота, сомкнувшись, вот-вот должна была собраться в заранее намеченный пункт, с вершины соседней горы раздался звучный, веселый голос: "Ура!". Алим, как конная статуя, неподвижный, верхом на сером коне, махал шапкой. Вся эта фигура рельефно выделялась на светлом фоне безоблачного неба. Только его и видели!

- Но скажите, Иван Константинович, спросил я, вы видели Алима?
- Конечно, не раз видел, беседовал даже с ним, как теперь с вами, здесь, в Шейх-Мамае, кофеем его угощал.
- Неужели? Каков был он собой? Какова была его наружность?
- Наружность Алима? Как у всех наших татар. Черная из люстрины куртка с короткими рукавами, на которых, покрывая мышцы, висели широкие, всегда чистые рукава рубахи; широкие, черные, опоясанные восточным разноцветным шарфом штаны; на голых ногах крепкие, открытые башмаки, а на голове серая смушковая шапка, – таков был его костюм. Лицо у него было несколько продолговато, с

серыми, умными, симпатичными глазами, черные усики, плечи довольно широкие, рост средний, стан бодрый, телосложение здоровое. Видно было, что это ловкий и сильный татарин лет около тридцати. Конь у него был лихой, как и сам хозяин.

- Не существует ли где-нибудь его портрет?
- Представьте себе, была здесь в Крыму в конце 50-х годов одна француженка, и ей удалось, по моей протекции, в симферопольском тюремном замке срисовать карандашом с натуры эскиз Алима.
- Что вы говорите?
- Да. Но теперь неизвестно, где этот интересный рисунок.
- В самом деле, интересно было бы лицезреть физиономию этого татарского джигита, о котором весь Крым рассказывает всевозможные легенды.
- Не могу вам сказать, куда девался этот портрет. Вероятно, художница подарила его кому-нибудь или унесла с собою. Ведь в 50-х годах у нас получить гравированный портрет составляло большое затруднение, а тем более портрет такого субъекта, как Алим. Фотографии еще не существовало.
- Вы говорили, Иван Константинович, что беседовали с Алимом здесь, в Шейх-Мамае.
- Да, быстро прервал меня маэстро. Первая моя встреча с ним происходила здесь летом, около 9 10 часов утра. Входит ко мне в мастерскую мой служитель и докладывает, что какой-то татарин желает поговорить со мной. Бросаю кисти, палитру и выхожу на веранду, где стоит молодой татарин. "Что тебе надо?" спрашиваю по-татарски.
- Желаю говорить с Ованесом-ага.
- Я.
- А я Алим, настоящий.
- Алим! Этот...
- Да, много слыхал я про тебя. Ведь тебя знают и хвалят. Давно хотел видеть тебя. Говорят, картины пишешь. Можно ли посмотреть?

Айвазовский в этот день оканчивал четвертую из больших заказанных султаном картин, видов Босфора. Сюжеты, интересные для мусульманина.

- Хочешь посмотреть на мои работы? Иди! Мы вошли в мастерскую.
- Вот виды Стамбула, Босфора, Скутари...
- Красиво! А эти маленькие картины на стене это тоже твоя работа?
- Как же! Это виды нашего Крыма.
- Узнаю! Места эти мне хорошо известны. Горы, даль, зелень. Вот Судак, Ялта, вот здесь, на Салгире, такие же точно места! Ты был там, Ованес-ага?
- Конечно!
- Я эти места прекрасно знаю. Часто в них бываю. Там такие чудесные места! Скалы, леса, ручьи... Как хорошо там отдыхать, улечься в тени! О, наш Крым лучше всех султанских дворцов! Спасибо тебе, Ованес-ага, что ты мне все это показал. Теперь понимаю, почему все, даже государь, с тобою знакомы. Спасибо. Прощай, Ованес-ага!

Услышав этот рассказ "Рафаэля морей", мне казалось, что я присутствую при повторении на почве Тавриды известной сцены из биографии Сальватора Розы, когда, где-то в горах Калабрии, своими только что оконченными с натуры этюдами этот художник очаровал и довел до нежного умиления невинной овечки грозного неаполитанского бандита. Нам хорошо известно, как горячо Айвазовский любил свой Крым...

– Нет, Алим, не "прощай", – продолжал свой рассказ Айвазовский. – Я здесь хозяин. Выпьем, по крымскому обычаю, по чашке хорошего кофе.

И на веранде Алим принял от хозяина чашку турецкого кофе. Они разговорились.

- Холост ты еще, Ованес-ага?
- Да, но думаю скоро жениться.
- Буду на твоей свадьбе! Хочу посмотреть на твою невесту. (Айвазовский весь содрогнулся от ужаса).
- Да, да, буду. Прощай, Ованес-ага!
- И, поспешно вышедши за плетень сада, Алим вскочил на серенького дружка и помчался по направлению к Бурундуку.

В 1849 году Айвазовский женился на англичанке Ю. Я. Гревс. Брачный обряд происходил в феодосийской армянской церкви, а затем, по желанию невесты, в виде благословения, в цюрихтальской реформатской кирке[52]. Многочисленный свадебный кортеж возвращался после венчания из кирки в Шейх-Мамай. Путь был недалек, всего 4 – 5 верст. Среди экипажей, карета в четверку с опущенными стеклами везла молодых. Вдруг, по дороге, из-за бугорка, в праздничной одежде, с повязанным бантом шелковым платком на левой

руке, в серой смушковой шапке, на сером коне, показался лихой ездок – татарин и подскакал к карете. Жених узнал Алима. Этот же, наклонившись с седла к дверцам экипажа, сделал знак рукою жениху.

– Сказал я тебе, Ованес-ага, что буду на твоей свадьбе. Вот и явился. Поздравляю, невеста твоя хороша!

И Алим, несколько отставая от кареты, исчез за бугром. Несколько дальше, опять пользуясь неровностью почвы, он уже скачет рядом с другими дверцами кареты и в упор смотрит в лицо молодой. Безмолвно вынимает он из-под куртки дорогой шелковый турецкий платок и, как истинный татарский джентльмен, ловко, грациозно бросает его на колени невесты.

- Желаю тебе счастья, Ованес-ага! - крикнул он. - Видишь, я сдержал слово. Прощай!".

Прошло несколько месяцев после этого эпизода. Айвазовские проводили зимние месяцы в Симферополе. В губернском городе, во всех кружках, только и говорили об Алиме. Алим был задержан. Надоела, видимо, ему эта жизнь преследуемого зверя. Передавали, что среди бела дня зашел он в городской сад и лег на скамью, в тени, на берегу любимого им Салгира... Он заснул. Его окружили полицейские, задержали и под сильным конвоем препроводили в губернский тюремный замок.

В это же время в Симферополе подвязалась француженка, сопрано, лауреат парижской консерватории, девица Лелоррен. Объезжала она крымские города под крыльями матери, образованной женщины, вместе с младшею сестрою Leonie, художницею-портретисткою. Этому трио покровительствовали дамы высшего общества года, и девица Лелоррен давала концерты в дворянских домах, куда ее приглашали на вечера. Везде ее успех был блестящий. Особое благословение к себе успела она приобрести в лице добрейшей и благороднейшей Прасковий Константиновны Кушниковой, рожденной Гире, переехавшей на время с семьею из Феодосии в Симферополь.

В начале декабря 1849 года Лелоррен была приглашена петь на вечере в дом тогдашнего Таврического губернатора Владимира Ивановича Пестеля. Гостей было много, и между ними профессор Айвазовский. Младшая Лелоррен была ему представлена, и тут, как собратья по профессии, они разговорились. От области живописи, слово за слово, беседа перешла к злобе дня, к Алиму.

- Нельзя ли, спросила Лелоррен, срисовать его портрет?
- Для этого, сударыня, возразил Айвазовский, придется преодолеть много препятствий. Если, благодаря вашему таланту, вы вторая Шехерезада, то, пожалуйста, постараюсь быть вам вторым Аладдином и раскрыть пред вами те двери, за которыми слышно дикое рычание зверей и характерный звон арестантских оков.
- Знаю, что вы большой волшебник.
- Говорят, что для женщин закон всегда снисходителен, но когда женщина такова, как вы, с божьим огнем, то какие же могут быть для нее преграды? Искусство не имеет пределов, и пред ним, надеюсь, преклонится и строгость господина прокурора.

Фемида, действительно, преклонилась пред искусством. На другой день Леони Лелоррен срисовала портрет крымского Фра-Діаволо. В изображении джигита чувствуется поспешность исполнения. Но удары карандаша начерчены метко, твердо, искусною рукою. Нет затертых, неуверенных штрихов. Наоборот, главное, черты лица Алима схвачены опытным глазом. Видно, что Лелоррен была портретисткою не на шутку, и мы должны быть благодарны волшебнику Айвазовскому, что, благодаря его протекции, благосклонно раскрылись перед художницей двери тюрьмы.

Что касается подлинности портрета Алима, позволю себе прибавить, что в архиве феодосийского музея хранится письмо глубокоуважаемой Марии Дмитриевы Де-Вальден, в котором удостоверяется, что рисунок был поднесен Леони Лелоррен г-же Кушниковой в Керчи в знак признательности, на память, за сердечное ее отношение к сестре-певице в артистическом путешествии последней по Крыму.

Сверх этого прошу обратить внимание на подлинную подпись "Leonie Lelorrain, 11 decembre 1849" и на "посвящение", которое по содержанию выказывает, как и рисунок, особенно теплую жилку художницы. "Si ces quelques traits m'attirent quelques fois un petit souvenir de vous, la copie aura fait plus de bien, que 1'original n'a jamais fait de mal"[53].

Независимо от того, что почерк в этих поперечно нанесенных на рисунке строках тождествен с почерком подписи художницы, из смысла этих строк, в сопоставлении двух противоположных понятий о добре и зле, проглядывает ужас, который наводил имя Алима даже на проезжую иностранку. Недаром, по рассказу Айвазовского, из уст которого я воспринял и передаю эти сведения, во всех слоях симферопольского тогдашнего общества известие о поимке Алима произвело также сильное впечатление. "Только о нем и говорили!" Еще бы! Столько лет в уездах симферопольском, ялтинском, евпаторийском и феодосийском никто из обывателей не решался без страха отправиться куда-нибудь в дорогу по делам! Известие о поимке Алима успокоило всю губернию.

Однако я не исполнил бы всей своей задачи, если бы для полной характеристики "оригинала" прилагаемого рисунка, не занес в это сообщение следующей сцены, слышанной мною также из уст Айвазовского, последнего акта истории портрета.

Вообще все рассказы о таких героях, как Алим, имеют две стороны: действительность и легенду. В действительном факте легко узнать правду, потому что она сама выделяется наружу и сразу вас убеждает. Легенда же, разукрашивая память о подобных Алиму личностях, является результатом получаемых в народе впечатлений как во время, так и после жизни героя.

Когда говорят о поступках Алима, этого простого горца-татарина, не раз проглядывают в нем такие характерно-рыцарские черты, какие редко приходится встречать даже у интеллигентного человека. В предании об Алиме, несмотря на то, что с того времени прошло всего полвека, легендарная сторона занимает очень важное место. Этому нечего удивляться: Алим — герой татарских саклей, деятельность которого разукрашена народом богатою восточною фантазией. А между тем все его поступки, если они исторически не правдивы, являются, по крайней мере, правдоподобными. Вот, почему, как уже было сказано, для полной характеристики крымского разбойника, когда мы говорим о его портрете, нужно еще упомянуть о следующей, ведущей начало, вероятно, из татарского источника легенде, ярко освещающей "рыцарскую" сторону души Алима.

Окончив рисунок, Леони готовилась уже уходить из тюремной камеры, как Алим выразил желание взглянуть на ее работу. Одобрив исполнение[54] портрета, Алим обратился к художнице будто бы со следующими словами:

"Уходя отсюда, ты уносишь с собою эту вещь, как память обо мне. Я же остаюсь с одним мысленным воспоминанием о мимолетном появлении твоем предо мною. Спасибо тебе за благосклонное внимание ко мне. Я этого не заслужил. Твои черты навсегда останутся запечатленными в душе моей!"

На это Леони нервно сняла закреплявшую ее шейный платочек золотую булавку, дрожащею от волнения рукою приколола ее к отвороту халата приговоренного и направилась к выходу.

– Нет, – крикнул Алим, – в таком случае не так следует поступать, а вот как!

И, широко распахнув халат и сорочку и раскрыв грудь, вонзил он себе в грудную кость острие булавки, переломал ее пополам и вручил конец с головкой художнице, твердо произнеся: "Это тебе, а это, – указывая на грудь, – останется мне!".

Передаю рассказ об этой драматической сцене без дальнейшего комментария. Легенда здесь очевидна, но она слишком характерна, чтобы я о ней умолчал, тем более, что мне ее передавал сам "Рафаэль морей".

Народ чтит память своего героя!

Людям присуще хранить память о своих близких, друзьях, товарищах, помнить доброе, говорить о них только хорошее. Это, наверное, относится ко всем людям. Но если речь идет о людях известных в обществе, в народе, в стране, о знаменитостях, героях, деятелях, снискавших широкое признание и любовь своего народа, то память о них становится всенародной, общенациональным, а в некоторых случаях — всемирной, общечеловеческой.

У крымскотатарского народа к ряду таких личностей можно отнести основателя Крымского ханства Хаджи Герай хана, основоположника славной династии Гераев; классика крымскотатарской поэзии средних веков Ашика Умера; великого гуманиста, просветителя, основателя. и издателя первой в России тюркоязычной газеты "Терджиман" Исмаила Гаспринского; ученого-тюрколога с мировым именем Бекира Чобан-заде; Дважды героя Советского Союза, Заслуженного лётчика-испытателя СССР Амет-Хана Султана; бесстрашную разведчицу, резидента армейской разведки Алиме Абденнанову; снискавшего всеобщее признание и любовь поэта Эшрефа Шемьи-заде; одного из организаторов и героя крымскотатарского национального движения Джеппара Акимова и многих, многих других.

В этом ряду, безусловно, занимает заслуженное место бескорыстный защитник бедных и слабых, народный герой Алим Азамат оглу, посвоему решавший вопрос о справедливости, в свое время снискавший к себе всенародную любовь и признание.

Возвратившийся из ссылки на свою историческую Родину крымскотатарский народ воздает должное своим славным предкам и знаменитостям. Поэту Ашику Умеру установили памятник в его родном городе Гезлеве (Евпатория), Исмаилу Гаспринскому воздвигнуты памятники в Симферополе и Бахчисарае, Бекиру Чобан-заде – в его родном городе Карасубазаре (Белогорск), Амет-Хану Султану – в его родной Алупке.

Следующим лицом, память которого запечатлена в камне, стал славный крымский джигит Алим Азамат оглу.

И вполне закономерно, что представитель нынешнего поколения копюрликойцев известный предприниматель Валерий Аблязович Керимов явился инициатором установки памятника своему славному предку и полностью спонсировал это памятное сооружение.

Валерий Аблязович много слышал дома от родителей, от односельчан о бесстрашном Алиме и стал вынашивать план в какой-то форме запечатлеть память своего знаменитого земляка. Последним толчком к идее установления памятника Алиму стали прочитанные им строки известного дореволюционного публициста С.А. Качиони об Алиме: "Его молодечество, доходившее подчас до безумной бравады, граничившая с героизмом отвага, благодаря которой он на глазах толпы проделывал чудеса храбрости и роль таинственного покровителя бедных и слабых, которым он щедрой рукой восточного калифа раздавал отнятое у богатых добро, – все это стяжало ему в крымскотатарской фантазии ореол богатыря, борца за народ и национальную славу". И решение было принято и блестяще осуществлено.

22 января 2005 года при большом скоплении людей состоялось торжественное открытие памятника Алиму, установленного на феодосийской трассе у поворота в с. Копюроликой (Черемисовка).

Честь спустить белое покрывало с памятника было представлено председателю Меджлиса крымскотатарского народа Мустафе Джемилеву и внуку Валерия Аблязовича Алиму, носящему имя героя. Знаменательно, что памятник Алиму, прославившемуся в середине XIX столетия, через 150 лет открывает 12-летний Алим, нареченный так в честь народного героя.

В своем выступлении при открытии памятника Мустафа Джемилев, говоря о мужестве и честности Алима, подчеркнул, что, хотя в то время не было здесь понятия о демократии, Алим по-своему пытался установить справедливость по отношению бедным.

Выступившие затем глава красубазарской райгосадминистрации Альберт Кангиев, министр промышленности, транспорта и связи АРК Азиз Абдуллаев, известный деятель крымскотатарского национального движения Фикрет Халилов, феодосийский краевед В. Килесса, писатель Риза Фазыл, участник партизанского движения Рефат Меннанов, говоря о деятельности Алима Азамат оглу, выразили от имени всех собравшихся и от имени всего народа признательность инициатору создания этого памятника В.А. Керимову и подчеркнули, что память о таких людях, как Алим, будет вечно жить в наших сердцах, что народ никогда не забудет о них.

Торжества по случаю открытия памятника Алиму продолжились в ресторане селе Бахчи-Эли (Богатое) за праздничным столом. Вечер украсили музыканты, танцоры, известные певцы: заслуженные артисты Крыма Рустем Меметов (ведущий), Гулизар Бекирова, Урьяне Кенджикаева.

Участникам и присутствующим на вечере надолго запомнится день торжественного открытия памятника Алиму Азамат оглу.

Итак, в Крыму появилось еще одно памятное сооружение, которое привлечет внимание тысячи туристов, всех проезжающих по трассе Феодосия – Карасубазар – Симферополь. Памятник, безусловно, станет местом проведения всевозможных массовых мероприятий, праздников, встреч, маевок не только для жителей этого региона, но и всего Крыма.

Дилявер Осман

У Крымских гор в долине лучезарной Давным-давно был город Освящено молитвой благодарной Его сладчайшее из всех имен. Кого ты только не поил водою, Кому ты только не давал приют! Лавины бед не сладили с тобою, Давнишней славы годы не сотрут. Здесь караваны шли не уставая, Молился каждый богу своему. У стен Таш-Хана, устали не зная, Играли музыканты "Хайтарму". Здесь, встретившись порой с самим Алимом, Злодей слабел, в коленях чуя дрожь. В частушках чувства открывали милым Здесь на заре волшебной молодежь. Джигиты гарцевали в строе конном, Оберегали город от невзгод... Здесь жизнь кипела вольно и свободно, Поэты прославляли свой народ. Пришла беда... И вырвали все с корнем, Чтоб здесь татарского - ни духу, ничего... Но вновь эзан звучит здесь, вновь просторно, Плывут мелодии народа моего. На древний город мне не наглядеться, Еще не сбросивший своих оков -Родного Крыма ты – душа и сердце, Я слышу музыку твою сквозь пыль веков!.

Литература об Алиме

- 1. Попов Н.А. Алим крымский разбойник. Роман. Типография В.В. Комарова. С. Петербург, 1895.
- 2. Колли Л. Подлинный портрет Алима. Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 38.
- 3. Козлов А. Алим крымский разбойник. Пьеса.
- 4. Качиони С.А. В дебрях Крыма. Издание Т-ва А.С. Суворина Новое Время, 1917.
- 5. Эшельман К. Воспоминания об Алиме. // Русская старина, 1912. Крымский курьер. 1912. № 12.
- 6. Карпов В.Г. Крымский (Проскоменко), артист. Алим татарский джигит. Пьеса. 1910.
- 7. Марков Евг. Очерки Крыма. С. Петербург, 1885.
- 8. Маркс Н.А. Легенда об Алиме. В книге "Крымские мотивы".
- 9. Затыркевич. Крымская быль. Сын Отечества. 1859. №9.
- 10. Соколовский Ференц. Долина эхо. Поэма об Алиме. 1928.
- 11. Болат Ю. Алим. Роман. Биринджи къысым. "Совет эдебияты" журналы. 1940–1941 сенелери санларында.
- 12."Алим" джыйынтыгъы. Къырым девлет нешрияты, 1941 с.
- 13. Болат Ю. Алим аткъа минди. Роман. 2-джи къысым // Йылдыз. 1980. №№ 3, 4, 5.
- 14. Болат Ю. Алим. Роман. 1-джи ве 2-джи къысымлар. Г. Гъулам. Ташкент, 1982 с.
- 15. Ильясов Сеит-Ибраим. Алим акъкъында икяелер. Йылдыз. –1984. №3.
- 16. Ильясов Сеит-Ибраим. Хатырлавлары. Эльязмада.
- 17. Фазьш Р. Ирмакълар. Къырымдевокъувпеднешир. 2002.
- 18. Килесса В. Легенды и быль об Алиме крымском Робин Гуде.

Макъалелер

1. Лушков Л. Янъы дюнья. 1927. – № 13.

- 2. Фетислямов Алим. Алим. // Эдебият ве культура. 1936.
- 3. Болат Ю. Алим Азамат огълу // Къызыл Къырым. 1938. №№231 133.
- 4. Шемьи-заде Э. Эдебий ве тенкъидий макъалелер. Акъмесджит, Доля, 2000.
- 5. Нагаев С. Ильясов Сеит-Ибраимагьанынъ Алимакъкъында хатырлавларындан // Къырым. 2004. Декабрь 2.
- 6. Фазыл Р. Алим Азамат огълу // Янъы дюнья, 2004. Декабрь 4.
- 7. Фазыл Р. Алим народный герой // Голос Крыма. 2004. Декабрь 3.

Муэллифлери белли олмагьан хатырлавлар

- 1."Полуденная Таврида" адлы китапта. 1907 с. Таврида губерниясынынъ нешриятында басылгъан.
- 2."Караимская жизнь" журналы, 1912 с. майыс. Китап № 12.
- 3."Известия Таврической ученой архивной комиссии", № 49.
- [1] Крымский разбойник. Роман. С.-Петербург: Типография В. В. Комарова, 1895. С. 47—72, 83—94, 104—106.
- [2] Аман-эсен жив-здоров
- [3] Слава Аллаху! С приездом!
- [4] Тохта! Остановись!
- [5] Ей богу, господин
- [6] Легкая ругань по-татарски
- [7] Вот тебе на!
- [8] Пек яхши! Очень хорошо!
- [9] Один улан Один мальчик
- [10] Душа моя
- [11] Кунак гость
- [12] Бузня помещение где продается буза (слабоалкагольный национальный напиток, который делается из проса)
- [13] Гяуры неверные
- [14] Ана-санъа! Вот тебе на!
- [15] Хош кельдинъ! —Добро пожаловать!
- [16] Шукур Алла! Слава Аллаху!
- [17] Огур Алла! Бог тебе путеводитель; в добрый путь!
- [18] В оригинале "сын Бекира". Но доподлинно известно, что отца Алима звали Азаматом: Алим Азамат опту (Алим сын Азамата). Поэтому мы имя Бекир в тексте заменили на Азамат. (Р.- Ф.).
- [19] С. А. Качиони. В дебрях Крыма. Петроград: Издание Т-ва А. С. Суворина "Новое время", 1917.
- [20] Это, видимо, одна из легенд об Алиме. Из воспоминаний же самого близкого друга Алима Абдуразака, прожившего долгую жизнь, достоверно известно, что Алима, после его поимки, препроводили к царю Александру II, который хотел его видеть. Но в дороге ему удалось сбежать. И помог ему в этом богатый еврей из Екатеринослава, дочку которого в свое время Алим защитил от пристававшего к ней наглого хулигана, когда она ехала через Симферополь в Севастополь к своей тете. См. рассказ "Алим и девушка-еврейка" в первой части книги. (Р. Ф).
- [21] На основании жалоб местных мурзаков и помещиков, которых слишком уж донимал Алим своими праведными набегами, царь Александр II издал специальное указание крымской жандармерии и местным властям для принятия всех мер по поимке Алима, где подчеркивалось, чтобы Алима поймали живым, чтобы его не убивали, а после поимки препроводить его в Петербург. Наслышанный об Алиме царь очень хотел его увидеть (Р. Ф.).
- [22] Так татары иногда называют свинью (Р. Φ).
- [23] "Подожди, подожди, барин! Не нужно ружья... Аллах тебе путеводитель!.. На, возьми свою шапку!"
- [24] Давул огромный барабан, самый необходимый и самый важный инструмент каждого татарского оркестра. Чем оглушительнее в оркестре давул, тем лучше, тем дороже и сам оркестр. Играющий на этом барабане давулджи (давульщик).
- [25] Эпизод с помещиком фактичен детально: и само событие, и обстановка его, и, наконец, даже содержание беседы разбойника с К.

переданы автору в подробностях самим этим помещиком, теперь уже давно покойным, а потому факт этот особенно ценен для правдивой и верной характеристики Алима, положительно составлявшего собою весьма любопытное явление в национальной жизни крымских татар сравнительно недалекого прошлого. Объективность же и безусловная правдивость самого К. для всех, знавших этого почтенного человека, всегда были и остаются вне всякого даже малейшего сомнения. (Примеч. автора).

- [26] С. А. Качиони. В дебрях Крыма. Петроград: Издание Т-ва А.С. Суворина "Новое время", 1917.
- [27] Хайдар почти единственный татарин-рапсод, скрипач, умерший чуть ли не ста лет от роду в конце семидесятых годов.
- [28] Таткара одна из очень пологих гор Крымского хребта, медленно и на расстоянии нескольких верст постепенно опускающаяся террасами по направлению к селению Таракташ и Судакской долине.
- [29] В добрый час.
- [30] Кадло остов (обыкновенно латунный) давула.
- [31] Тавшан-бей господин-заяц (иронично).
- [32] Замолчи, заяц! Вон там какая-то собака бродит!...
- [33] Эшек осел.
- [34] Хан здесь в смысле татарский заезжий дом с постоялым двором.
- [35] С. А. Качиони. В дебрях Крыма. Петроград: Издание Т-ва А.С. Суворина "Новое время", 1917.
- [36] Коран священная книга магометан, составляющая для них то же, что для христиан Библия и св. Евангелие. Это Божье слово, предписания Аллаха, сообщенных пророку Мухаммеду Аллахом устно через архангела Джебраила (Гавриила). Коран был впервые облечен в письменную форму Зеидом, бывшим секретарем Мухаммеда, по поручение халифа Эбу-Бекра (632 634). Зеид разделил Коран на "суры", или главы, из которых каждая составляет отдельное связное откровение, произнесенное Мухаммедом перед своими последователями. Так как откровения эти, или "суры", в большинстве случаев записывались по памяти слушателями уже после смерти самого пророка Мухаммеда (только некоторые откровения были по указанию Мухаммеда записываемы слушателями тотчас же по произнесении их), то для Зеида не было никакой возможности записать их в хронологическом порядке, и потому он внес в Коран сначала самые длинные, а они именно и были позднейшими, а в конце короткие, более страстные по тону и ранние по времени. Всех "сур" в Коране 114. Вступительная называется "Фатиха" и имеет для мусульман такое же значение, какое для нас молитва Господня. Суры разделяются на стихи и каждый стих называется "айет", т. е. чудо. (Примеч. автора).
- [37] Избави, Бог!
- [38] "Бошлахырды" трудно переводимое выражение, ближе всего соответствующее понятию "пустые слова" или "пустая болтовня".
- [39] Измывание исправника над копюрликойцами красноречивый пример того, как царские власти начали относиться к местным жителям коренному народу с самого начала захвата Крыма, которое, наконец, привело к выселению всего народа из родной земли в 1944 г. (Р.Ф.)
- [40] Ает отдельное предложение из Корана. Каждая сура (раздел) Корана состоит из отдельных Аетов
- [41] Капаклы довольно большая деревянная двусторонняя чашка, наглухо закрывающаяся, в которой татары обыкновенно берут пищу в дорогу.
- [42] Кунацкая в татарским домах комната для приема гостей.
- [43] Плохие дела, очень плохие, Алим-ага. (Ага уважительное обращение к мужчине. РФ.).
- [44] Пиндос насмешливая и весьма обидная для греков кличка в Крыму.
- [45] Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед его пророк!
- [46] Мекка город в Саудовской Аравии, где находится священная Кааба. В этом городе родился великий пророк Мухаммед, и здесь он начал свои проповеди, заложив основы Ислама, одной из четырех самых крупных религий мира (РФ.).
- [47] Медина город в Саудовской Аравии, где находится могила великого пророка Мухаммеда, город, где он построил первую мечеть и создал исламское государство (РФ.).
- [48] Кааба место в городе Мекка, где находится священный камень, которому покланяются мусульмане всего мира во время паломничества. Одно из пяти основных требований Ислама гласит: каждый мусульманин, имеющий возможность, обязан один раз в жизни совершить паломничество в Мекку и Медину (РФ.).
- [49] Л. Колли. Подлинный портрет Алима. Известия Таврической архивной комиссии. № 38.
- [50] Рожденная Кушникова, внучка известного благотворителя, пожертвовавшего в 1835 году 300000 рублей ассигнациями на учреждение в Феодосии института благородных девиц Таврической губернии.
- [51] "Через четыре месяца пришла сентенция из Петербурга. Государь Император, принимая во внимание, что татарин Алим, хотя и учинил ряд беззаконных поступков, но никого не убил, ибо убийство мурзака, на основании показаний свидетеля Мустафы, было сделано другим лицом, но не Алимом, следовательно, здесь он является виновным лишь в нежелании назвать своего сообщника, а не в убийстве, повелел крестьянина Феодосийского уезда, деревни Копюрликоя Алима Аза.мат-оглу прогнать сквозь строй пятисот человек шесть раз и сослать на Алландские острова. (Н. А. Попов, стр. 180).

[52] Шаферами Айвазовского были крупнейшие в то время землевладельцы Феодосийского уезда — Анастасий Андреевич Лулудаки и Христофор Яковлевич Лоренцов. Переданные здесь подробности сообщены Хр. Як. Лоренцовым в его письме от 7 февраля 1905 г. [53] "Леоние Лелоррен, 1849. Если когда-нибудь эти штрихи должны возбудить в вашей душе хоть малейшее воспоминание обо мне, то тогда, копия сделает больше добра, чем когда-либо оригинал совершил зла. [54] Сходство портрета с лицом героя удостоверили жители г. Феодосии, татары, лично знавшие Алима, старики Асан Курти-оглу, Сюин Керим-оглу и учитель Зейнеддин челеби Куртбеддин-оглу и житель г. Симферополя мурза Аргинский. blog comments powered by DISQUS back to top 1

© 2003-2012. **СКМ**: Сайт Крымской Молодежи. Все права защищены. Публикации авторов могут не совпадать с мнением редакции.

HotLog Архив Новостей Про нас

Сотрудничество Карта сайта Обратная связь